

Проект «Ладоба. Созвездие культур»

Материалы Всероссийского коллоквиума
«Старая Ладоба между
Востоком и Западом».

Старая Ладоба
6-7 октября 2023 г.

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН.
Региональная общественная организация
«Историко-культурный центр «Воронега».
Старолadoжский историко-архитектурный и археологический
музей-заповедник.

**Старая Ладога
между Востоком и Западом.
К 1270-летию Старой Ладоги.**

Материалы Всероссийского коллоквиума
в рамках проекта «Ладога. Созвездие культур» -
«Старая Ладога между Востоком и Западом».
Старая Ладога. 6-7 октября 2023 г.

Грант областного бюджета Ленинградской области
на реализацию проекта "Ладога. Созвездие культур".

Старая Ладога - Санкт-Петербург.
2023.

УДК 908:930
ББК 63,3

Редколлегия:

Старая Ладога: между Западом и Востоком. Материалы коллоквиума «Старая Ладога: между Западом и Востоком. К 1270-летию Старой Ладogi». Село Старая Ладога. 6-7 октября 2023 года. - Санкт-Петербург – Волхов. Изд-во -2023. 124 с.

Содержание

Головнев А.В. Из варяга в греки, арабы и бьярмы.	с. 11
Петрухин В.Я. Хазарские крепости Нижнего Дона и международные пути Восточной Европы.	с. 50
Белова О.А. «Ехали хазары»: «этнические» версии одного балладного сюжета.	с. 57
Седых В.Н. Ладога на трансъевропейских путях раннего средневековья.	с. 67
Руденко К.А. Роль Волжской Булгарии в трансконтинентальной торговле в X — XII вв.: от Ладоги до Оби.	с. 81
Валеев Р.М. Болгар и Старая Ладога: их роль в каспийско-волжско-балтийском коридоре.	с. 98
Селим Самир. Русь на картах арабского географа Ал-Идриси.	с. 104
Соколов Р.А. Путь к мбесту Невской битвы	с. 106
Терюков А.И. Проект «Великий волжский путь». Современное прочтение	с. 119

Коллоквиум «Старая Ладога: между Западом и Востоком. К 1270-летию Старой Ладogi» проводился в соответствии программы Гранта Губернатора Ленинградской области, полученного в 2023 году Историко-культурным Центром «Воронега» «Ладога. Созвездие культур» в рамках грантового направления «Сохранение исторической памяти, а также деятельности в сфере патриотического воспитания граждан Российской Федерации». Грантополучателем является Историко-культурный центр «Воронега». Проект посвящен 1270-летию села Старая Ладога и направлен на сохранение культурного наследия Волховского района.

Соорганизаторами коллоквиума являются ИКЦ «Воронега», Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Староладожский историко-архитектурный и археологический музей – заповедник, Администрация Волховского р-на Ленинградской области.

На коллоквиуме обсуждались вопросы, касающиеся роли Старой Ладogi в политических и торговых отношениях между Востоком, Западом и Северо-Восточной Руси на пути из «варягов в арабы (персов)». Эти вопросы вновь стали актуальны в свете нового поворота политики России на Восток. А ведь отношения с Востоком, торговля с Арабским халифатом, Персией всегда были значимы для Руси, так же, как и с Скандинавией с начала образования Древнерусского государства. Великий Волжский путь - это забытый опыт наших предков в решении ряда экономических и геополитических задач. Этот путь - общее достижение цивилизаций Евразии, объединявшее народы. Проживавшие и проживающие на этом пути.

Великий волжский путь вновь стал актуальным в наши дни.

Резолюция коллоквиума «Старая Ладога между Востоком и Западом». Старая Ладога. 6-7 октября 2023 г.

Коллоквиум «Старая Ладога между Востоком и Западом» проходил в Старой Ладоге 6-7 октября 2023 г. Он был приурочен к 1270-летию Старой Ладоги и проводился в рамках программы Гранта Губернатора Ленинградской области, полученного в 2023 году Историко-культурным Центром «Воронега» «Ладога. Созвездие культур» в рамках грантового направления «Сохранение исторической памяти, а также деятельности в сфере патриотического воспитания граждан Российской Федерации». Это мероприятие представляет собой яркий пример сотрудничества некоммерческого общества с научными учреждениями и ВУЗами.

На коллоквиуме обсуждались вопросы, касающиеся роли Старой Ладоги в политических и торговых отношениях между Востоком, Западом и Северо-Восточной Руси на пути из «варягов в арабы (персов)». Эти вопросы вновь стали актуальны в свете нового поворота политики России на Восток. А ведь отношения с Востоком, торговля с Арабским халифатом, Персией всегда были значимы для Руси, так же, как и с Скандинавией с начала образования Древнерусского государства. Великий Волжский путь - это забытый опыт наших предков в решении ряда экономических и геополитических задач. Этот путь - общее достижение цивилизаций Евразии, объединявшее народы, проживавшие и проживающие на этом пути.

В коллоквиуме приняли участие 13 исследователей из Петербурга, Москвы, Казани из 9 научных учреждений. Были заслушаны 11 докладов. Участники коллоквиума подчеркнули особую историческую роль Балтийско-Волжского пути и Старой Ладоги в качестве ведущей международной торговой артерии, действующей в течении длительного времени. Участники коллоквиума констатируют культурно-историческую значимость необходимости изучения этой проблемы в будущем.

Участники коллоквиума отмечают:

- Необходимость продолжения изучения и обсуждения данной проблемы. Участники отмечают необходимость проведения большой конференции с приглашением исследователей из Москвы, Казани, Екатеринбурга, Перми, Астрахани, Дербента, Махачкалы, Баку, исследователей из Ирана, Ливии, Сирии и т.д.

- просить Историко-культурный центр «Воронега» взять на себя инициативу по подготовке данного мероприятия.

- считают крайне важным создание в Волхове или в Старой Ладоге координационного центра по изучению истории этого региона с привлечением исследователей из Музея антропологии и этнографии, Института истории материальной культуры, кафедры археологии Санкт-Петербургского университета, Государственного Эрмитажа, Института истории Санкт-Петербургского педагогического университета, Старо-Ладожского музея-заповедника и др. научных центров. Для обсуждения данной проблемы просить Историко-культурный центр «Воронега» взять на себя роль организатора на проведение этой встречи.

Участники коллоквиума считают так же необходимым проработать вопрос о подготовке по крайней мере двух изданий:

1. Библиографического указателя по археологии и истории Старой Ладogi.
2. Давно назрел вопрос о подготовке каталога восточных монет на территории России.

ПРОГРАММА

«Старая Ладога: между Западом и Востоком. К 1270-летию Старой Ладоги».

Село Старая Ладога.
6-7 октября 2023 года.

ОКТАБРЯ 2023 ГОДА.

8-30 -9.00 сбор участников. МАЭ РАН. Университетская наб. д.3.

9-00 – 11-00 переезд участников в с. Старая Ладога.

11-00 – 11-30. Кофейный перерыв.

11-30 – 12-00. Приветствия участникам коллоквиума.

12-00 – 12-20. ***Из варяга в греки, арабы и бьярмы.***

Головнев Андрей Владимирович, директор Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера), член-корр. РАН, д.и.н., профессор.

12-20 – 12-40. ***Хазарские крепости Нижнего Дона и международные пути Восточной Европы.***

Петрухин Владимир Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, Институт славяноведения РАН.

12-40 – 13-00. ***«Ехали хазары»: «этнические» версии одного балладного сюжета.***

Белова Ольга Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор. Институт славяноведения РАН.

13-00 – 13-20. Тема уточняется

Губчевская Людмила Александровна, директор Староладожского историко-архитектурного и археологического музея – заповедника.

13-20 – 13-40 кофейный перерыв

13-40 -14-00. ***Ладога на трансъевропейских путях раннего средневековья.***

Седых Валерий Никандрович, зав. кафедрой археологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, к.и.н.

14-00 – 14-20. ***Ладога — морской порт Древней Руси.***

Сорокин Петр Егорович, старший научный сотрудник отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, к.и.н.

14-40 – 15-00. ***Роль Волжской Булгарии в трансконтинентальной***

торговле в X—XII вв.: от Ладоги до Оби.

Руденко Константин Александрович, Казанский государственный университет культуры, д.и.н., профессор.

15-00 – 15-20. ***Болгар и Старая Ладога: их роль в каспийско-волжско-балтийском коридоре.***

Валеев Рафаэль Миргасимович, Казанский федеральный университет, д.и.н., профессор.

15-20 – 15-40 – кофейный перерыв

15-40 – 16-00. ***Время Владимира и Ярослава: иранские (?)бусы в Ладоге.***

Френкель Яков Викторович, Государственный Эрмитаж, научный сотрудник отдела архитектурной археологии.

16-00 – 16-20. ***Русь на картах арабского географа Ал-Идриси.***

Селим Самир, Российско-арабский центр культурного и делового сотрудничества. Санкт-Петербург.

16-20 – 16-40. ***Путь к месту Невской битвы 1240 года.***

Соколов Роман Александрович, проректор, директор Института истории Санкт-Петербургского государственного педагогического университета, д.и.н., профессор.

16-40 – 17-00. Тема уточняется

Санин Вячеслав Леонидович, советник губернатора Ленинградской области

17-00 – 17-20. ***Проект «Великий волжский путь». Современное прочтение.***

Терюков Александр Иванович, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, к.и.н.

17-20 - 18-00.Общая дискуссия и закрытие коллоквиума.

7 октября.

9-30 - Осмотр экспозиции Староладожского историко-архитектурного и археологического музея – заповедника.

12-00 – отъезд в Самушкино, Вороновский погост, Волховского р-на. Знакомство с историей местом битвы при Воронеже 1164 года. Победа ладожан и новгородцев на шведами

15-00 – отъезд в СПб.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

«3» октября 2023 г. Исх. № 53-03.210/сп

Тепло приветствую устроителей и участников коллоквиума «Старая Ладога: Между Западом и Востоком. К 1270-летию Старой Ладоги»!

Убежден, эта дискуссия внесет весомый вклад в осознание нами исторических векторов, фронтиров и процессов, определивших уникальный про филь нашей земли и ее связей с внешним миром. Эта работа своевременна и важна сегодня, в том числе при определении перспективных возможностей и рисков, вызовов и приоритетов.

Искренне желаю участникам результативного диалога в интересах правды и будущего! Передаю сердечные пожелания твердости духа и сил, гармонии, успехов и благополучия, выдержки и неиссякаемой энергии в реализации всех созидательных начинаний!

СЕНАТОР
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С.Н. ПЕРМИНОВ

Организаторам и участникам
коллоквиума
«Старая Ладога: между Западом
и Востоком. К 1270-летию
Старой Ладоги»

Уважаемые друзья!

Поздравляю Вас с началом работы исторического коллоквиума «Старая Ладога: между Западом и Востоком. К 1270-летию Старой Ладоги», по праву считающегося настоящим событием в научной жизни Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Коллоквиум объединил такие уважаемые отечественные научные и образовательные центры, как: Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого, Институт славяноведения РАН, Казанский федеральный университет, Государственный эрмитаж, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, что несомненно, гарантирует высочайший уровень проведения мероприятия и качество представляемых научных исследований по удивительной истории первой столицы Руси – Старой Ладоги, особое внимание к которой традиционно поддерживается в Ленинградской области.

Уверен, что обсуждение результатов исторических исследований будет полезно всем участникам коллоквиума. Желаю всем организаторам и участникам этого замечательного мероприятия плодотворной работы и конструктивного диалога!

С уважением,
Владимир Цой

Из варяга в греки, арабы и бьярмы.

Сходившиеся в Ладоге пути «из варяг» — южный «в греки», восточный «в арабы» и северный «в бьярмы» — образовывали сеть коммуникаций, охватывавших восточную Европу от Белого моря до Черного. По летописям известен лишь первый, «из варяг в греки», тогда как два других реконструируются на основе археологических, исторических и фольклорных свидетельств (Дубов 1989: 57; Джаксон 2001: 110; Головнёв 2009: 297, 321). Такая стилизация в летописном ключе позволяет нагляднее показать их общий исток — «из варяг».

«Руская земля» зародилась в эпоху викингов (IX–XI вв.) в альянсе варягов (скандинавов), северных славян (словен и кривичей) и прибалтийских финнов (чуди и веси). Смысл исходного понятия *русь* (сканд. *ruß, roßs*) — «корабельная команда, дружина, рать» — отчетливо указывает на роль руси/рати в создании пространства древней Руси. Эпоха викингов была временем «кочующей руси». И Рюрик шел к словенам со «всею своею русью», и его внук Святослав вел свою русь в хазарские и дунайские походы. В летописном выражении «русь идет» важен акцент на глаголе, поскольку именно в дальних походах и «кружении» полудня создавалась Варяжская Русь IX–X вв. (Прошу у читателя прощения за то, что я намеренно избегаю историографических дискуссий и обилия ссылок, поскольку в ином случае «движение руси» утонуло бы в движении научной мысли и, как часто случается, реальная история заместилась бы историографией).¹

Скандинавский «Круг земной» состоял из путей, среди которых *Nórvegr* (Северный путь) стал страной Норвегией, а *Austrvegr* (Восточный путь) — страной *Austrriki* (Восточное государство) или

---

¹ В качестве примера приведу набор этимологических версий, выводящих *русь* из староскандинавского круга значений *ródr* — «гребной ход» (Wilson 1996:104), *roßs* (др.-исл.), *ruß* (рун.) — «войско, дружина» (Брим 1923:7–10; Ковалевский 1977:82, 106, 214; Лебедев 1985:57); на восточном побережье Швеции в Рослагене название *ruþ* для гребной дружины сохранялось в ополчении Магнуса Эрикссона 1270 г. (Лебедев 2005:180). При этом «ни один из предложенных до сих пор скандинавских композитов не дает лингвистически удовлетворительной прайформы» (Назаренко 2001:33). Имея в виду, что *Ruotsi* — финское название шведов, можно допустить, вслед за В. Томсеном, посредническую роль финнов в перенесении слова *русь* из Скандинавии на Ладогу: **rōß(s)* (др.-сканд.) > *ruotsi* (фин.) > *русь* (вост.-слав.). Подробнее см.: Головнёв 2009; 2015.

Gardar, *Gardariki* (Гарды, Страна городов). В русской летописной традиции *Austrvegr* назывался путем из Варяг в Греки (князь Ярослав Мудрый был для скандинавов Ярицлейвом, конунгом Аустрвега). Ключом к Гардам и Аустрвегу был город у впадения Волхова в Ладугу, называемый по-скандинавски *Aldeigjuborg* (*Aldeigja*), а по-русски — Старая Ладога.

Русь на Ладоге

Судя по скандинавским сагам и археологии, Рюрик был не первым варяжским князем в пространстве будущей Руси. За век до него викинги уже бороздили воды Невы, Ладоги и Волхова. След росов отпечатался на Восточном пути за полвека до призвания варягов: с 813 по 844 г. отмечены их рейды по Черному и Средиземному морям (Мавродин 1945:199); при этом вторжения руси в Грецию и Амстриду в 840–865 гг., их морские походы в Средиземноморье, от Александрии до Севильи, могли осуществляться с «готского плацдарма» — Подонья и Меотиды (Приазовья), куда викинги добирались по Волге; послы росов-шведов навестили ромейского императора Феофила II, а затем франкского императора Людовика Благодетельного в 839 г.²

Первой и главной станцией на пути из Варяг в Греки стал возникший в 750-е гг. городок *Aldeigjuborg* (Старая Ладога) (Кирпичников и др. 1986:200–201; Носов 1999:160). Изначально он был, вероятно, местом смены морских судов на речные, поскольку по Балтике, Неве и Ладоге русь (тогда еще в значении «корабельная дружина») могла пройти на длинных морских кораблях (*langskip*), а дальше по Волхову начинались пороги и волоки, которые удобнее было преодолевать на малых речных судах. Обратный путь предполагал пересадку на морские суда (их ремонт и оснастку), и согласно скандинавским сагам, в Альдейгьюборге снаряжались большие корабли для плавания по Балтике (Глазырина, Джаксон 1987:81, 87). Раскопанный археологами большой дом из разобранный корабельного дерева в слое рубежа VIII–IX вв. характеризует Ладогу как город судовых экипажей;

---

² Более ранние, но менее надежные, источники гипотетически углубляют появление людей «рос» в поле зрения арабов и ромеев до VII в.: набег на Царьград 626 г., сражения с арабами на стороне хазар, участие кораблей русов в походе греков на болгар 773 г. Однако упоминания имен-подобий «рос» в арабо-персидских и византийских источниках VI–VIII вв. не следует воспринимать как достоверные: «Ни само имя (ерос, хрос, хрус), ни расположение, ни тем более исторический контекст самих источников не подходят для реконструкции предистории русов» (Петрухин 2001:128).

кстати, «большие дома» в Старой Ладоге — привнесенная скандинавская традиция (Лебедев 2005:482).

В «больших домах» скандинавского типа проживали в Альдейгьюборге те самые экипажи кораблей, которые назывались *русь*. Старая Ладога действительно была городом руси, ходившей по Волхову и Ладожского озеру на «длинных кораблях» с остановками в «больших домах»; при этом случалось, что дома делались из разобранных кораблей. По одной из летописей, в Ладоге впервые «варязи и словени и прочи прозвашася Русью»; в рассказе о приходе Рюрика со Старой Ладогой связано первое упоминание *руси* (Мачинский, Мачинская 1988:48). В пудожском сказании сохранилось выражение «Всю Русь-Ладогу объехал молодец» (Разумова 1980:73), оставшееся с тех времен, когда «именно Ладога исключительно и была русью» (Лебедев 2005:501).

Когда у причала появились корабельная мастерская и кузня, Старая Ладога приобрела функции верфи; когда в ней заработали янтарная (753 г.) и стеклодельная (780 г.) мастерские, она превратилась в торгово-ремесленный центр. Археология свидетельствует, что кузнечные и ювелирные инструменты первых ладожан происходят из Скандинавии (Рябинин 1985:161–180). По размаху связей Альдейгьюборг стоял в одном ряду с такими торгово-ремесленными центрами Скандинавии, как Хедебю и Рибе в Ютландии, Каупанг в Норвегии, Павикен на Готланде, Бирка в Швеции, Ральсвик, Волин и другие на юге Балтики (Носов 1990:207).

Находки кладов арабского серебра конца VIII в. (Лебедев 2005:223–224) показывают, что Старая Ладога служила убежищем для тех, кто эти сокровища добывал в разных странах путем торговли, войны или грабежа. В 760-е гг. через Альдейгью в Скандинавию пошел поток арабского серебра (Кирпичников и др. 1986:200–201; Носов 1999:160).

Синхронно с кладами у Старой Ладоги появились могилы викингов: «первый курганный могильник с захоронениями выходцев из Скандинавии близ Старой Ладоги» относится к VIII–IX вв. (Назаренко 1979). В окрестностях Альдейгьи сложилась «культура сопков», вобравшая в себя «заморские» погребальные черты курганов шведской Уппсалы (Мачинский, Мачинская 1988). Эти сопки представляли собой «монументальные земляные курганы-храмы», утверждавшие *haugodal* (право курганных времен); на их вершинах совершались жертвоприношения, а на склонах или в основание насыпи — захоро-

нения по обряду сожжения (Кузьмин 1999:95; Лебедев 2005:527). По скандинавской традиции, сопки могли быть местом сбора веча (тинга) и суда князя (конунга).

Как показали раскопки, среди жителей Ладоги были не только скандинавы, но и скандинавки (Давидан 1971:143; Стальсберг 1999:158–163), что позволяет видеть в Альдейгьюборге не суровую казарму, а уютный скандинавский городок (типично скандинавское *-borg* в названии Альдейгьюборга прямо указывает на норманнские корни первого русского города, в отличие от более поздних и специфичных для Восточного пути названий на *-garðr*). Правда, скандинавки известны и ратной доблестью, например, в битвах при Бравалле и Доростоле, однако в Ладоге найдены не доспехи, а украшения и утварь. Если здесь проживали не только военные дружины, но и целые семьи, значит речь может идти о характерном для скандинавов городском укладе с той лишь оговоркой, что в Ладоге варяжки рожали уже не скандинавов, а ладожан.

Век спустя Альдейгьюборг — в силу роста его стратегической значимости — превратился из убежища в яблоко раздора. В саге о Хальвдане Эйстейнссоне, события которой относятся к концу IX — началу X вв., упомянута княгиня Исгерд, дочь конунга Хлёдвера из шведского Гаутланда и жена правителя Ладоги конунга Хергейра. После гибели Хергейра она вместе с Ладогой досталась победителю — конунгу Эйстейну, объявившему ей: «Ты выйдешь за меня замуж и отдашь все государство в мою власть». От Эйстейна Исгерд перешла к его сыну Хальвдану, отдавшему ее в жены ярлу Скули вместе с «государством, которым она владеет здесь в Гардарики» (Сага о Хальвдане Эйстейнссоне; Глазырина 1996: 51–85). Образ княгини Исгерд, переходящей из рук в руки сражающихся скандинавских конунгов (кто взял город, тот взял и княгиню), создает впечатление яростной конкуренции за Ладогу при сохранении за Исгерд статуса правительницы города.

Еще через столетие, в начале XI в., Ладогу, перешедшую во владение русских князей, сумела получить в качестве вено (свадебного дара) шведская княжна Ингигерд, дочь короля Олава Шётконунга, который в 1019 г. выдал ее замуж за конунга Ярицлейва (новгородского князя Ярослава Мудрого). Тем самым Ингигерд в чем-то повторила историю Исгерд, вернув между прочим Альдейгью под шведское право и оставив после себя долгую память в названии «Ингерманландия» (земля Ингигерд). Уезжая в Гарды, княжна взяла с со-

бой ярла Рёгнвальда, ставшего посадником Ладоги (Стурлусон 1980:234–235). После смерти Ингигерды Рёгнвальд не вернулся в Швецию; его наследниками стали сыновья: Эйлив — посадник Ладоги, Ульв (Улеб) — новгородский воевода в походе на Железные Врата, Стейнкиль — король Швеции. От Рёгнвальда пошло «нескольких знатных новгородских фамилий, которые затем на протяжении ряда веков определяли самостоятельную политику Новгородской державы» (Мусин 2002:70–71), подтверждая летописную формулу: «людье Новгородцы от рода варяжьска».

Aldeigjuborg вырос в земле финнов, о чем говорит имя города: скандинавское *Aldeigja* произошло, вероятно, от финского *Alode-jogi — ‘Нижняя река’, а затем перешло в русское *Ладога*. Предполагается, что в той же последовательности происходило заселения края: финны–норманны–славяне (Schramm 1986:396). Городок был основан в середине VIII в. в устье Волхова, к западу от которого «тянулись незаселенные болотистые места, а на восток лишь далеко на р. Сяси начинались районы, занятые финноязычными племенами»; это был «пункт, оторванный от основного славянского мира» (Носов 2012:102, 107). Археология показывает, что ядро северорусской культуры сложилось в редконаселенной финской земле в ходе скандинаво-славянской колонизации.

В Альдейгьюборге располагались викинги и их попутчики-союзники из славян и финнов, в том числе колбяги (*kylfingr*) — финно-скандинавы, известные по Русской Правде, византийским, арабским и скандинавским источникам (Мачинский 1988: 90–103). Сходный альянс сложился у норманнов с северными славянами — ободритами и лютичами на Балтике, словенами и кривичами на Восточном пути. Контакт славян, финнов и норманнов в Ладоге обычно рисуется как столкновение находников и насельников (пришельцев и туземцев). Исследования последних лет, прежде всего археологии Ладоги и Рюрикова Городища, существенно меняют представления о характере этих контактов. Складывается впечатление, что норманны не столкнулись со словенами и финнами на Ладоге и Волхове, а давно и охотно взаимодействовали с ними в обширном балтийском пространстве.

Многие славянские элементы культуры, обнаруженные в Старой Ладоге (VIII в.) и на Рюриковом Городище (IX в.), находят параллели на западе — в археологии балтийских славян. Таковы наружные хлебные печи, керамика, двушипные наконечники стрел — «прямое

археологическое свидетельство культурных связей поморских славян и населения истока р. Волхова» (Носов 1990:164, 166). Укрепления мысового городища Любша середины VIII в. в низовьях Волхова (напротив Старой Ладogi) выстроены в свойственной балтийским ободритам панцирной технике; в середине VIII в. «здесь осела популяция, связанная по происхождению с западными славянами» (Рябинин, Дубашинский 2002: 202–203). Лингвистический анализ новгородских берестяных грамот показал связь по ряду изоглосс древне-новгородского и западнославянских, особенно северолехитских, диалектов (Янин, Зализняк 1985:217–218). Совпадения в новгородском и западнославянском именовании, топонимике, составе монетных находок свидетельствуют об образовании основного массива населения русского Северо-Запада за счет притока балтийских славян (Янин 2004:11). Биоантропологические данные позволяют видеть в новгородских словенах «переселенцев с южного побережья Балтийского моря, впоследствии смешавшихся уже на новой территории их обитания с финно-угорским населением Приильменья» (Алексеева 1999:168–169). По мнению Й. Херрманна, балтийские славяне с берегов Финского залива «расселялись на восток по землям финно-угров, достигнув территорий Чудского, Ладожского, Онежского озер, и распространились далее на северо-восток» (Херрман 1986:23–24). Верхнерусскую археологическую культуру VIII–X вв., сложившуюся во взаимодействии балтийских славян с балтами, финнами и скандинавами, можно рассматривать как часть единой «северославянской культурно-исторической зоны» (Лебедев 1985:44–48). В VIII–IX вв. верхнерусская культура обнаруживает столь существенные связи с культурами прибалтийских славян, что можно говорить даже не о миграции славян с берегов Балтики в район Новгорода и Ладogi, а о «постепенном развитии и распространении общих инноваций в пределах единой, непрерывной культурно-исторической области» (Кирпичников и др. 1986:200).

Существуют предположения, что в VIII в. импульс к переселению с запада на восток задавали славяне, и «к приходу норманнов словене могли уже “сидеть” на Любше» (Лебедев 2005:502). Более вероятен иной сценарий, в котором генераторами движения выступали викинги, а их сопровождали союзные славяне. Норманны военными и торговыми рейдами прокладывали пути, а славяне обживали и осваивали новые места; норманны контролировали магистральные пути, славяне — локальные ниши. Две культуры шли бок о бок, и не

случайно большие скандинавские дома и славянские избы с печами стояли по соседству в Старой Ладоге.

По этому сценарию норманны осознанно приглашали или принуждали балтийских славян к совместному движению и поселению на путях своих военно-торговых экспедиций. Именно варягам принадлежит первенство в «призвании славян» на Ладогу во второй половине VIII в. Век спустя уже славяне, обосновавшись на Волхове, участвовали в призывании очередных варягов в Гарды. Истекший век многое изменил: за несколько поколений северославянская общность вокруг норманнского пути обрела свое «словенское лицо», пополнив собственное прибалтийское наследие элементами культур попутчиков-скандинавов и местных финнов. Смешанные браки и совместная колонизация укрепили альянс скандинавов и северных славян, зародившийся еще на берегах Балтики и в совместном движении к Волхову в VIII в. Впоследствии, судя по летописям, русь и словене стали неразлучной парой в дальних походах IX–XI вв., например, в походе на Царьград 912 г., когда Олег в ознаменование победы велел сшить для руси паруса «паволочиты», а для словен — «кропийные» (из дорогой ткани и из грубой). С одной стороны, это указание на военный союз руси и словен, с другой — на разный статус союзников. Впрочем, к началу того же века относятся свидетельства стирания этих граней и смешения разделяющих понятий, например фраза летописца о словенах, которые «от Варяг прозвашася Русью» (ПСРЛ Т. 1 1846: 12, 13).

Варяжско-славянский альянс скреплялся полукровками, во все времена выступавшими посредниками между разными культурами и зачинателями новых смешанных культур. Такой новой культурой стала Ладожская Русь, сложившаяся во взаимодействии варяжской руси, словен и финнов. А. А. Хлезов видел в основе этого союза подражание боевым скандинавским дружинам «жадной до воинских новшеств молодежи» из финнов, балтов и славян (Хлезов 2002:135). Из славян наибольшей боевитостью выделялись южнобалтийские ободриты и велеты-лютичи (Нидерле 2001:121, 122), давние партнеры и соседи германцев, связанные с ними перекрестными браками. Г. С. Лебедев представлял Старую Ладогу VIII–IX вв. зимним пристанищем викингов, где подрастали «зимние дети» — отпрыски варяжско-славянских походных браков, воспитывавшиеся под надзором матерей-славянок в ожидании из «заморья» отцов-варягов. «Эта юная “русь”, маргинальная в местном социуме, подраставшая со славян-

ским языком матери, пополняла контингенты торгово-военных дружин сначала в Ладоге, но в IX–XI вв. и во всех “трех центрах Руси”, будь то Славия, Куйаба или Арса; “дети зимних постоев” подрастали в сознании своего тождества “руси” конунгов, странствующей по морям, и легко сливались с этой “русью” княжеских дружин. По сути таким “зимним ребенком” остался в Ладоге Игорь, переданный Олегу; безотцовщиной вырастал осиротевший Святослав Игоревич; тот же маргинальный статус удержал, при жизни воинственного батюшки, Владимир Святославич» (Лебедев 2005:503).

Завершая экскурс к началу Руси, остается уделить внимание главной фигуре, задававшей смысл всей этой мозаичной истории, — варяжскому князю (конунгу), стратегии которого обязана своим становлением Старая Ладога. При всей симпатии к корабелям, кузнецам и ювелирам мы отдаем себе отчет в том, что без власти не растут ни города, и государства, а от характер этой власти зависит облик государства.

Вряд ли Ладога была «фамильным владением первых Рюриковичей», как полагал А. Н. Кирпичников (1988:55). Город достался Рюрику так же, как прежде и позднее он оказывался в руках конунгов и ярлов других скандинавских родов. Долгие годы Ладога служила не только ключом к Гардам, но и трамплином политических реваншей для целой плеяды конунгов: отсюда уходили в битвы за Норвегию Олав Трюггвасон, Олав Толстый (Святой) и Харальд Суровый; из Ладожской гавани отплывал на родину сын Олава Святого, воспитанник Ингигерд и Ярослава, юный норвежский король Магнус.

В варяжской княжеской стратегии Альдейгьюборг — форпост скандинавского военно-торгово-даннического промысла на Восточном пути. Если рассматривать походы викингов как промысел в дальних странах, то Старая Ладога оказывалась удобной базой и для смены кораблей, и для объезда окрестных владений, и для подготовки дальних южных и восточных экспедиций, и для хранения добычи, в том числе трофеев, полона и дани. Город был не только узлом путей и коммуникаций, но и относительно безопасным местом, удаленным от других военно-политических центров. Можно допустить, что первоначально этот форпост был не столько местом жительства, сколько местом транзита (прибытия, хранения, ожидания, отправления), и князья здесь не столько жили, сколько кружили в походах и полюдьё.

Норвежский конунг Хальвдан Эйстейнссон провел на Восточном пути полжизни (в годы правления в Норвегии Харальда Пре-

красноволосого, на рубеже IX–X вв.). Перед отъездом домой, в Норвегию, на тинге (вече) в Ладоге он начал свою прощальную речь со слов: «Вот провел я в Аустрвеге шестнадцать зим». За эти годы он подчинил Альдейгьюборг, Бьярмию, отразил нападения врагов на Кирьялаботн (Карелию). Власть над Ладогой он передал ярлу Скули, над Бьярмией — шведскому конунгу Сигмунду. Сказитель сбивается, называя домом Хальвдана то Ладогу, то Бьярмию, то Норвегию (Глазырина 1996:83–89). Конунг имел основания считать своей страной не только *Nórvegr* (Норвегию), но и *Austrvegr* (Восточный путь). Более того, усилиями Хальвдана и подобных ему *Austrvegr* (Восточный путь) со временем стал *Austrríki* (Восточным государством), поскольку именно правление конунга превращало *vegr* (путь) в *ríki* (государство).

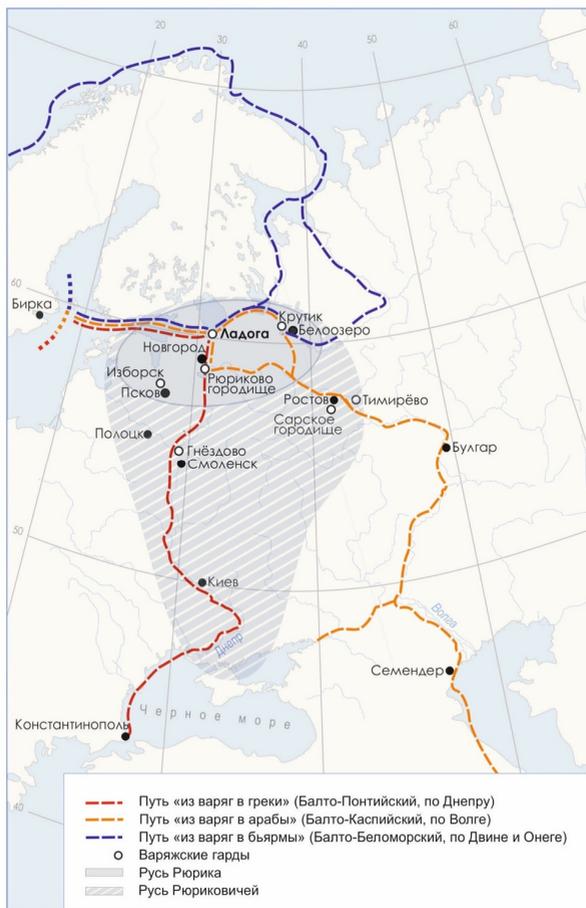
Само по себе правление в стиле викингов разительно отличалось от привычного стереотипа — варяжский князь по обилию движения напоминал кочевника. Тот же Хальвдан пять лет (точнее зим) провел в походе (точнее плаванье) по Аустрвегу, еще пять лет — в рейде на Бьярмию и Карелию. Примечательно, что саги описывают на Восточном пути не местных жителей, а «викингов и вооруженных людей», из-за чего складывается впечатление, будто повсюду в этих краях обитали только викинги, а не финны и славяне. Понятно, что сага видит мир глазами воина-скандинава, для которого первостепенное значение имеют его соперники за власть над пространством — такие же искатели славы и богатств, как он сам. В реальной жизни богатство обладает ценностью лишь при наличии власти и силы, иначе становится западней для его обладателя, превращающегося в мишень для соперников и разбойников. В этом отношении главным делом было не накопление богатств, а поддержание власти, ради которой конунги проявляли щедрость и раздаривали трофеи своим воинам. Иначе говоря, бесконечные походы конунгов мотивировались не алчностью, а укреплением власти, обеспечивавшейся контролем над пространством и опережающими действиями.

Старая Ладога стала центром военных сборов, формирования дружин, брачных контактов, обмена дарами, отправления дружинных и торговых культов и ритуалов. Вероятно, она была и местом сбора дани с кривичей, словен, мери, веси, чуди, муромы, черемис, мордвы, перми и других племен, названных в Начальной летописи данниками варягов/руси. Во всяком случае именно отсюда дань вывозилась на морских судах в Скандинавию или направлялась по речным путям в

других направлениях. Впоследствии эти варяжские владения были унаследованы ладожанами и новгородцами, а опыт изгнания-призвания варягов сохранился в новгородской практике выдворения-приглашения князей.

Альдейгьоборг — ключ к Гардам со стороны Скандинавии не только в географическом, но и историческом смысле, поскольку с него начались Гарды. *Aldeigja* — единственный город на Восточном пути, который упоминают скандинавские скальды, и в тех же висах впервые произносится имя *Gardar* (Джаксон 1991:108). Название *Aldeigjuborg* значительно чаще встречается в скандинавских сагах, чем имена других русских городов. Самым торным был путь в Ладогу из Швеции, родины многих ладожан, по «морю Варяжскому», реке Неве и «озеру Нево» (Ладоге). По этому пути двигались в Гарды варяги, и Ладога развивалась как колония викингов, выросшая в метрополию руси.

Город той поры (сканд. *gardr*, рус. *град*) служил для *руси* перевалочной базой, местом походных сборов, удовольствий и увеселений. Движение викингов по Восточному пути (*Austrvergr*) началось за полвека до норманнских налетов на Британию (790-е гг.) и носило более устойчивый характер, чем их разбои на Западном пути (*Westvergr*). Альдейгьоборг стал узлом варяжских путей, в котором сходились, по меньшей мере, три великих пути «из варяг»: «в греки» — Балто-Понтийский (по Днепру), «в арабы» — Балто-Каспийский (по Волге) и «в бьярмы» — Балто-Беломорский (по Двине и Онеге).

Старая Ладога за столетие переросла уровень скандинавской колонии и превратилась в узел трех норманнских путей и многообразного полиэтничного взаимодействия. Одно то, что захоронения норманнов, славян и финнов смешаны здесь на общих кладбищах, свидетельствует о сложившемся межэтническом союзе. В этом симбиозе развивалась новая культура — северорусская (верхнерусская, новгородская). Она прошла три этапа: ладожский (VIII в.), ильменский (IX–X вв.) и новгородский (XI в.). Викингская колония Ладога (Aldeigja, Aldeigjuborg) была военно-политическим центром на перекрестке путей «из варяг», но оставалась восточной гаванью «морских кочевников». Переход варяжских князей и их спутников через Вол-

ховские пороги на берег Ильмень-озера с основанием княжеского варяжского городка (Рюрикова городища) в IX в. открыл новую сеть коммуникации, ядром которой стали «речные кочевники». В XI в. под прикрытием Рюрикова городка сложился посад-город, в котором обосновались союзные норманнам славяне и финны, а также торговцы-скандинавы. Резиденция князя в Рюриковом городке и выросший в двух километрах ниже по реке «посад» образовали сообщество, называвшееся Новгородом. Схема образования посада-города рядом с княжеским городком (*gardr+spad*) повторилась в истории целого ряда русских городов того времени — Смоленска у Гнёздова, Ростова у Сарского городища, Мурома у Чаадаевского городища.

Пути на юг

Река Волхов, вытекающая из Ильмень-озера и впадающая в Ладогу, в длину едва превышает 220 км, однако на этом коротком водном пути произошло эпохальное превращение скандинавской культуры в русскую. Случилось это «против течения» — по следам легендарного Рюрика, поднявшегося по Волхову от устья до истока, от Старой Ладоги до Нового города (Новгород) на берегу Ильменя. Если Aldeigjuborg еще хранил традиционное скандинавское окончание *borg*, то новый город назывался уже на русский лад с окончанием *gardr* (град) — Hólmgardr (Холм-город). Сначала (в IX в.) Новгород встал на месте, ныне называемом Рюриковым Городищем, позднее (в XI в.) переместился чуть ниже по реке и стал называться Великим Новгородом, а за княжеским городком осталось название Городище.

Приильменная низменность, где вырос город Рюрика, прежде была «настолько слабо освоенной, что археологических памятников предшествующего времени почти нет» (Лебедев 2005:540). Порожистый Волхов с неплодородными почвами не привлекал ни промысловиков-финнов, ни земледельцев-славян, вызывая интерес лишь у скандинавов как транспортная магистраль, ведущая из Старой Ладоги на юг (по Днепру) и на восток (по Волге).

Роль попутчиков варягов в колонизации Волхова сыграли балтийские славяне-поморяне, с которыми у новгородцев обнаруживается множество параллелей, включая язык, физический тип, археологический вещевой комплекс. Например, хлебные печи, которые «можно рассматривать как этнографическую черту славянского населения», идентичны в слоях X в. Ладоги, Городища, Новгорода и польского Поморья (Гданьск, Щецин) (Носов 2012:114). Северные славяне-

переселенцы, называемые словенами, становились постоянными жителями — сторожами, аграриями, фуражирами, строителями — городков на норманнских путях. В окружении туземцев они хранили верность своим патронам-воинам, которые в свою очередь опирались на своих людей в чужих землях. Таким оседлым поселенцам было удобнее налаживать отношения с местным населением путем бытовой «народной дипломатии».

Сложившаяся в этом симбиозе новая верхнерусская культура прошла три этапа: ладожский (VIII в.), ильменский (IX–X вв.) и новгородский (XI в.). Aldeigja была военно-политическим центром на перекрестке варяжских путей и оставалась скандинавской колонией «морских кочевников». Переселение варяжского князя и его через Волховские пороги на берег Ильмень-озера открыло в IX в. новую сеть путей и положило начало культуре «речных кочевников».

Переход Рюрика от Ладоги к Ильменю означал нечто большее, чем преодоление Волховских порогов. Он привел к сложению речной магистральной славяно-русской культуры на основе морской скандинавской и лесной славянской. Стихией викингов было море, а символом их культуры — langskip (морской «длинный корабль»). На морских судах викинги доходили из Балтики по Неве до Ладоги, но дальше, за Волховскими порогами, начиналась речная стихия. На пути из Ладоги в Ильмень-озеро рождалась верхнерусская культура, символом которой стал ушкуй (речное судно). Скандинавский тинг заместился русским вече, норманнский лангскип — новгородским ушкуем, большой варяжский дом — северорусскими хоромами, торговая хватка викингов — купеческим нравом новгородцев. От варягов новгородцы унаследовали и даннические области, и их торгово-партнерский (сетевой) стиль колонизации новых земель. К XIII в. верхнерусская (северорусская, новгородская) культура заместила культуру викингов на северо-востоке Европы.

Первоначально контакт славян и скандинавов был взаимодействием различных систем адаптации: славянская культура локальных ниш так же органично входила в норманнскую культуру больших пространств, как норманнская торговля и военный промысел дополняли комплекс жизнеобеспечения славян. В устойчивом, хоть и не бесконфликтном, контакте эти культуры усиливали друг друга: норманны разными средствами (торговлей, данью, грабежом) собирали «урожай» на славянских землях, а славяне пользовались услугами скандинавов в дальней торговле и военных кампаниях; норманны со-

здавали колонии на славянских землях, а славяне заселяли новые пространства по проторенным скандинавами путям. В сочетании локальной (славянской) и магистральной (норманнской) деятельностных схем сформировалась обширная общность под названием Русь и родилась новая синтетическая верхнерусская, или северорусская, культура. В удвоенном потенциале северорусской культуры кроется ключ к феномену «русской экспансии».

Альянс скандинавов и северных славян (словен и кривичей), сложившийся в совместном движении от Балтики к Волхову в VIII в., сохранялся до последних варяжских походов XI в. Это взаимодействие, скрепленное совместными походами и смешанными браками, породило качественно новую культуру, вобравшую в себя скандинавскую магистральность и славянскую локальность.

Генератором движения по этим путям выступали норманны, рассматривавшие дальние страны как своего рода промысловые уголья. Промыслами в данном случае выступали война, грабеж, полудье, сбор дани, торговля, служба у царей далеких стран (например, хазарского кагана или византийского императора). Варяжские походы шли с севера, о чем прямо свидетельствует концентрация ранних (IX в.) находок скандинавского происхождения в Старой Ладоге и Рюриковом Городище (Макаров и др. 2014:22).

От Ладogi в VIII–IX вв. начинались два основных пути «из Варяг»: Балто-Понтийский (по Днепру) и Балто-Каспийский (по Волге), причем волжский был освоен на полвека раньше днепровского (Янин 1956:103; Рыдзевская 1978:51, 64; Носов 1990:188–190; 1999:160). По Волжской магистрали с начала IX в. вверх текло арабское серебро, вниз – рабы и пушнина. Движение руси сопровождалось созданием цепи колоний – подобий Ладogi – перевалочных баз, превращавшихся в гарды (*gardr*). Верхневолжская цепь гардов начиналась с Сарского городища (у оз. Неро), Михайловского и Тимерёва (под Ярославлем).

Вместе с русью в Ростовскую землю, Ярославское и Костромское Поволжье в IX в. двигались ладожско-ильменские славяне и финны (Седов 1982: карта 35; Дубов 1982: 33–45). В. О. Ключевский отмечал, что заселение Ростово-Суздальского края славянами «началось задолго до XII в., и русская колонизация его первоначально шла преимущественно с северо-запада, из Новгородской земли, к которой принадлежал этот край при первых русских князьях» (Ключевский 1987: 289). «Земля мери (Ростов) была, по-видимому, покорена или

колонизована словенами», — полагал А. А. Шахматов (1904: 66), указывая на наименование Ростово-Суздальского края в IV Новгородской летописи «Словенской землей». По мнению Е. Н. Носова, «балтийско-волжский путь ни в коей мере нельзя считать лишь путем скандинавов... Теми же путями, по которым восточное серебро доставлялось к истоку Волхова, в обратном направлении шли группы словенских колонистов в Волго-Окское междуречье» (Носов 1990:189). Как видно, колонизация Верхнего Поволжья проходила по той же схеме русо-славяно-финского движения, что и освоение Ладogi и Ильменя из Балтии: русь выступала военно-торговым ядром, славяне и финны — сподвижниками, заселявшими и осваивавшими локальные ниши.

Закрепившись на Волжском пути, русы прошли в Каспийское море, а по волго-донскому волоку в Азовское море. Вторжения руси в Грецию и Амстриду в 840–865 гг., их морские походы в Средиземноморье могли осуществляться с «готского плацдарма» — Подонья и Меотиды (Приазовья), куда викинги добирались по Волге. Таким образом, первоначально русь прошла к южным морям по Балто-Каспийскому пути, и первые гарды южнее Волхова появились на Волге — не случайно арабские географы сообщали, что русы живут к востоку от славян (Заходер 1962:33), а некоторые исследователи допускали возможность существования на Средней Волге «докиевского» норманнского государства (Смирнов 1928:223–229).

Включенность Волго-Камского перекрестка — Волжской Булгарии — в Балто-Каспийский путь норманнов иллюстрируется известным описанием Ибн-Фадлана работоторговли русов и похорон руса в Булгаре на Волге (Атиле) в 921–922 гг. (Заходер 1962:53–59). И век спустя, несмотря на оттеснение Балто-Каспийского пути Балто-Понтийским, старая Волжская магистраль оставалась в поле зрения норманнов. В 1029 г. князь Ярослав Мудрый и его жена Ингигерд предложили изгнанному из Скандинавии норвежскому конунгу Олаву Толстому (впоследствии Святому) стать правителем страны Вульгарии, которая, по словам Ярослава, «составляет часть Гардарики, и народ в ней некрещеный» (Стурлусон 1980:335, 340). Олав предпочел вернуться в Норвегию, где погиб в битве под знаменами христианства (иначе геополитическая карта Восточной Европы могла бы выглядеть иначе). Страна Вульгария (Vúlgaría, Valgaria, Vvlgaria, Wlgar/i/a) обычно отождествляется с Волжской Булгарией (Metzenthin 1941:121; Hollander 1964:483). Правда, в российской историографии

со времен Н. М. Карамзина на это принято возражать, что в то время Булгария не была частью Руси, и Ярослав не мог предлагать Олаву чужие владения. Возможно, Ярослав действительно предлагал Олаву не Волжскую Булгарию (которая к тому времени была уже страной ислама), а пограничное с ней волжское пространство.

Главной магистралью Балто-Понтийского междуморья был путь «из Варяг в Греки», на котором выросла Русь. Судя по тому, как изначально Рюрик простроил силовую линию своих владений — от Иборска (Трувор) через Ладогу к Белоозеру (Синеус) — южное направление было для него второстепенным; туда двинулись на вольный промысел Аскольд и Дир, найдя на Днепре селение Киев, платящее дань хазарам. Иногда исследователям кажется, что путь «в Греки» может читаться и наоборот — «в Варяги». Разумеется, магистральные пути всегда были двусторонними, однако в данном случае метрополией был именно Север, откуда шло движение на юг. Археология Ладоги и Рюрикова городища показывает, что формирование центров власти, торговли и ремесла началось на Севере раньше, чем в Среднем Поднепровье (Макаров 2012:455). И на днепровском направлении движение варягов и их спутников с севера на юг включало дальние военно-грабительские походы и постановку гардов.

К югу от волховских гардов в IX в. на перекрестке путей по Волхову, Двине и Днепру расположился варяжский городок, называемый на языке археологии Гнёздово. Сочетание локальных (металлообработка, судостроение) и магистральных (международная торговля, военное дело) функций, равно как устойчивый контакт пришлых скандинавов и местных кривичей, позволяет видеть в Гнёздове крупнейшее «гнездо» руси на пути «в Греки». Местные кривичи были участниками призвания Рюрика и похода Олега. Гнёздовский гард, наряду с Рюриковым городищем (ранним Новгородом), стал колыбелью новой славяноязычной верхнерусской культуры. Расцвет Гнёздова, как и волжских гардов, пришелся на X в., а закат — на середину XI в., когда неподалеку от него поднялся славяно-русский Смоленск (см.: Лебедев 2005:227, 481, 482).

Во второй половине IX в. очередь дошла до Киева, который, по летописи, был занят Аскольдом и Диром в 862 г. Археологически эта века подкрепляется свидетельствами роста киевского посада во второй половине IX в. и появлением к концу века в Киевском некрополе скандинавских больших курганов и воинских погребений с конем и оружием (Лебедев 2005:549, 561). Прежде, судя по археологии, на ме-

сте Киева существовали лишь разрозненные поселения, которые, согласно летописи, платили дань хазарам.

Среди скандинавских курганов на Горах Киевских оказались и могилы Аскольда и Дира, убитых Олегом в 882 г. при захвате Киева. Олег сел княжить в Киеве, провозгласив себя князем («аз емь роду княжа»), а Киев — матерью городов русских («се буди мати градом Руским»); кроме того, он «нача города ставити» и наложил дани на союзных словен, кривичей, мерю, а также на вновь покоренных полян, древлян, северян и радимичей.

Тон летописи в повести об Олеге Вещем настраивает на восприятие его как творца государства Русь. Кстати, употребление слова *русь* в сюжетах об Олеге значительно расширилось в сравнении с временем Рюрика, когда оно относилось преимущественно к варягам:

«Русь» при Рюрике	«Русь при Олеге
(1) заморские варяги, наряду со свеями, норманнами, готами, англами; (2) дружина Рюрика (862 г.), рать Аскольда и Дира в походе на Царьград (866 г.); (3) земля, названная по имени варягов (Ладога, Белоозеро, Изборск), при этом киевская земля звалась Польскою; (4) безбожники, чьи корабли молитвами патриарха Фотия разметала буря	(1) варяги и словене, к 898 г. так прозвались от варяг поляне; (2) войско в походе на Царьград 907 г. с участием варягов, словен, чуди, кривичей, мери, полян, северян, древлян, радимичей, хорват, дулебов, тиверцев; (3) города с князьями, подчиненными Олегу (Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и др.), а также Киев, определенный Олегом как «мати городом руским»; (4) земля и ее жители (купцы, челядь, послы) в текстах договоров с греками 907 и 912 гг.; (5) закон, по которому клялись оружием, Перуном и Велесом; (6) род (Карлы, Инегелд, Фарлоф и другие варяги), элита (руси паруса «паволочиты», а словенам — «кропийные») во главе с великим князем руским;

(7) не-христиане (не-греки) в правонарушениях типа «убьет христианин русина или русин христианина»
--

Рюрик и Олег — современники, родственники, единомышленники. Под их княжением родилась страна Русь (земля Руская). Дружинная кочевая *русь* продолжала кружить в походах и полюдье, но уже обретя собственную страну. За полвека княжения Рюрика и Олега пришельцы варяги стали туземной русью: родившееся на Руси поколение князей и знати стало новой элитой новой страны (отныне очередным внешним варягам противостояли собственные русские дружины). Новый смысл обрело выражение «град Руский» — как существующий на земле Руской, а не построенный пришлой *русью*. В этом отношении Олег стал создателем новой реальности, в которой он «нача города ставити» (не первые, но в новых обстоятельствах), и даже дал полюбившемуся Киеву звание «мати градом Руским» (хотя варяжский Киев младше Новгорода и Гнёздова, не говоря уже о Старой Ладого).

И все же разница между их стратегиями существенна. Рюрик создал северную столицу Руси — Новгород (Рюриково городище), Олег — южную столицу Киев, используя ее для как опорный стан для походов на Царьград. В варяжской проекции оба города выглядят не взаимоисключающими, а дополняющими станциями на пути «в Греки». Вероятно, и первоначальный сценарий с участием Аскольда и Дира предполагал ту же расстановку гардов на магистральном пути; скорее всего, он и работал, пока был жив Рюрик, но с его смертью в 879 г. сторожевые посты пришлось переустанавливать, и два варяга были пущены в расход. В отличие от Рюрика, остававшегося на севере, Олег предпочел жительство в Киеве, куда перевез с собой и княжение. Таким образом, движение и княжение на Руси изначально шло с севера на юг.

Этот порядок не изменился в следующих поколениях князей. Игорь мало что добавил к княжеской стратегии, продолжив дальние походы на Царьград и местное полюдье, найдя смерть в земле древлян. Впрочем, среди забот русского князя заметно прибавили отношения с Царьградом, где почти одновременно с Игорем пришел к власти Константин Багрянородный (Игорь в 912, Константин в 913 гг.), и русская летопись обращает внимание на это совпадение: «В ле-

то 6421. Поча княжити Игорь по Олезе. В се же время поча царствовати Костянтин, сын Леонтов, зять Романов» (ПСРЛ I 1846: 18). С той поры южные события (византийские, болгарские, печенежские) безусловно преобладают в описаниях деяний киевского князя, в том числе по части прав в отношениях между греками и русами (судя по объему текста о правах, эти отношения и южная политика вообще доминировали). Визит вдовы княгини Ольги к византийскому императору Константину Багрянородному, сопровождавшийся крещением, был прямым продолжением южной политики

При Святославе южный вектор дошел до своего апогея: в юности он княжил в Новгороде или Старой Ладогe (Константин Багрянородный, IX, 4–27), прошел по всему пути «из Варяг в Греки» (в этом смысле поддержал траекторию русской власти «с севера»), но весь свой пыл обратил на юг. Крайней точкой схода на юг было заявление Святослава матери своей Ольге и боярам: «Нелюбо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславце на Дунае, яко то есть середя в земле моей, яко ту все благая сходятся: от Греки злато, паволоки, вина, оwoщеве различные, из Чех же, из Угор серебро и комони, из Руси же скоря и воск, медь и челядь» (ПСРЛ I 1846: 28). Святославу Киев был немил, он метил дальше на юг. В этом смысле он мало отличался от других своих современников викингов-космополитов, забывших или отодвинувших память о родине и посвятивших себя обустройству своих южных государств — так вели себя викинги в Европе: Хрольф Пешеход во Франции, Вильгельм Завоеватель в Англии, Райнульф и Вильгельм Железная Рука в Италии, Роберт Гвискар на Сицилии.

Младший и побочный (от ключницы) сын Святослава Владимир был в юности приглашен новгородцами на княжение. После смерти отца в 972 г. он оказался на обочине киевских склок между его старшими братьями. Когда Ярополк убил Олега и послал посадников в Новгород, Владимир бежал за море и вернулся назад с дружиной варягов. С ними он взял Киев, расправился с братом Ярополком, захватив его жену и княжеский стол. Таким образом, княжение Владимира установилось с севера на юг, из Новгорода в Киев.

История повторилась еще раз в исполнении Ярослава, который с юности (с 987 г.) по воле отца княжил в Новгороде. В 1014 г., поссорившись с отцом и боясь его гнева, Ярослав призвал варяжскую дружину из-за моря. Вскоре Владимир умер, и между его многочисленными сыновьями началась кровавая распря. Святополк убил Бориса и

Глеба, затем Святослава и, по словам летописца, задумался: «Яко избью всю братью свою и прииму власть Русьскую един» (ПСРЛ I 1846:60). Однако избить почти всю братию суждено было не ему, а брату Ярославу, засевавшему до поры в Новгороде. В 1016 г. Ярослав с варяжско-новгородской ратью двинулся к Киеву и разбил брата Святополка, которого не спасли ни печенеги, ни поляки. Однако вскоре, в 1018 г., Ярослав потерпел поражение под Волынью от Болеслава, бежал в Новгород с намерением бежать дальше «за море», но новгородцы его не пустили — посекали ладьи. С призванными в очередной раз варягами Ярослав пошел на Киев, прогнал Болеслава, затем его одолел вернувшегося Святополка. После очередного поражения от Мстислава в 1024 г. Ярослав вновь спасся в Новгороде и опять «посла за море по Варягы». На этот раз варяжской силы не хватило, и предводитель варягов Якун не устоял против Мстислава Удалого. Еще некоторое время Ярослав отсиживался в Новгороде, пока братья не помирились «и начаста жити мирно и в братолюбстве» (ПСРЛ I 1846:64).

Поражение дружины Якуна стало закатом варяжской эпохи. Успех Мстислава показал, что на Руси окрепли свои дружины, способные побеждать некогда всемогущих викингов. Для нашей истории показательно то, что после поражения Ярослав бежал не в Киев, а в Новгород: именно на севере он мог укрыться и подготовить реванш, тогда как Киев стал бы для него западней. Таким образом, власть киевского князя росла не в самом Киеве, а на севере, в Новгороде, уже в готовом виде являясь в Киев. У любвеобильного Владимира было 12 сыновей, но именно тому, что княжил в Новгороде, суждено было одолеть других в распре за власть.

Итак, в ходе рождения и становления Руси с 862 по 1024 гг. русские князья неизменно утверждали свою власть походами с севера на юг в сопровождении варяжской дружины:

- (1) Рюрик прошел вверх по Волхову от Старой Ладogi к Ильмень-озеру и основал Новгород (862 г.);
- (2) Аскольд и Дир, отпросившись у Рюрика в Царьград, прошли с севера на юг и овладели Киевом (862 г.);
- (2) Олег военным рейдом покорил пространство от Ладogi до Киева (882 г.);
- (3) Святослав в отрочестве княжил в Новгороде, затем отправился воевать на дальний юг и едва не перенес столицу Руси на Дунай (969 г.);

(4) Владимир, князь Новгородский, походом с севера при помощи варягов взял Киев, расправился со старшими братьями и стал князем киевским (998 г.);

(5) Ярослав с помощью варягов походами с севера на юг трижды утверждался на Киевском столе (1016, 1018, 1024 гг.).

Во всех эпизодах Север был источником движения и княжения «из варяг», тогда как Юг — территорией промысла и транзита «в греки». Киев стал центром постольку, поскольку служил местом сбора походов на Царьград. Сам по себе он был, скорее, пограничьем, чем средоточием силы. Новгород регулярно «воссоединялся» с Киевом путем военного захвата, причем все рейды проходили по одному сценарию с участием варяжской дружины. На пути «из варяг в греки» власть шла с севера на юг, а не наоборот — Новгород ни разу не был завоеван из Киева (если не считать погрома, учиненного во время крещения Добрыней и Путягой). Как подметил С. М. Соловьев, «в борьбе северных князей с южными варяги нанимались первыми, печенеги — вторыми, следовательно, первым помогала Европа, вторым — Азия... Печенеги ни разу не дали победы князьям, нанимавшим их» (Соловьев 1988: 223). Из Новгорода (Ладоги) в Киев распространялась власть создателей и реформаторов Руси: вслед за Олегом по тому же пути и сценарию (с непременным участием варяжских дружин) господство Севера над Югом утверждали Владимир и Ярослав. При всем великолепии и стратегическом значении Киева, очагом политического и культурного влияния в эпоху викингов оставалась Северная Русь.

В отношениях варягов и славян в Балто-Понтийском и Балто-Каспийском пространстве бросается в глаза преобладание партнерства на севере и рабства на юге. Как уже говорилось, со словенами и кривичами у варягов был лад, выразившийся в совместных поселениях и походах, тогда как на юге на юге русы прославились «охотой на рабов». Конечно, и на севере встречалось рабство — времена были такие, что свобода не мыслилась без рабства и свободный человек не смотрелся без слуги, — однако оно никогда не становилось делом жизни и главным промыслом. В свое время (XI в.) Адам Бременский корил «морских разбойников-викингов» Швеции за то, что «не знают они верности никакой по отношению друг к другу и без сострадания продают один другого, захватив как несвободного слугу своему другу либо варварам» (Adam, IV, 6). На рынке можно было купить даже королевича, как случилось с малолетним Олавом Трюггвасоном, когда

его пытались укрыть на востоке от преследований Матери конунгов Гуннхильд, но судно захватили викинги, и будущий король был продан в рабство сначала за козла, потом за плащ. Лишь по прошествии шести лет неволи Олав был выкуплен на рынке Сигурдом Эйриксоном, то есть еще раз продан, но на этот раз в хорошие руки (Стурлусон 1980:100–101).

На южных путях *русь* замечена в пристрастии к работорговле. Константин Багрянородный (IX, 73) упомянул единственный товар *руси* — закованных в цепи рабов. Русы отправлялись в Византию или Болгарию торговать невольниками сразу с полюдьа (в данном случае «полюдьа» следует понимать буквально как поход *по люди*, как по грибы по ягоды). У киевских князей не было недостатка в опыте рабовладения: Игорь, провожая послов императора Романа в 945 г., одарил их «скорою и челядью и воском»; те же товары, с добавлением меда, русы вывозили на Дунай при Святославе.

Север в русской традиции прочно ассоциирован со свободой веча, торговли, городской жизни; Юг отягощен тавром рабства и работорговли промышленных масштабов, которой занимались скандинавские викинги, итальянские купцы, кочевники венгры, торговцы евреями. Например, ученики славянского первоучителя св. Мефодия были проданы еврейским купцам, которые доставили их на продажу в Венецию (Назаренко 2001:95–96). Главными перевалочными пунктами европейской работорговли в эпоху викингов (IX–X вв.) были Венеция, Арль и Кордовский халифат Омейядов. Отсюда невольники поступали в мусульманские страны Африки, Ближнего и Среднего Востока (Verlinden 1979:153–173). Ведущую роль в международной работорговле играли еврейские купцы (Назаренко 2001:94). О. И. Прицак полагал, что еврейская торговая сеть охватывала всю Европу, включая Хазарию и Волгу, где она существовала в виде корпорации Ар-Рус (*ар-разанийа* Ибн Хордадбега); при этом слово *русь* произошло от кельтской основы *Rut в последовательности *Rut–Ruzz–Russ–Rus*, а носителями этого имени были еврейские торговцы, которые, смешавшись с викингами, образовали на Волге политию, выросшую в Русское государство (Pritsak 1970:241–259; 1981:25). Если поиски (по Прицаку) хазаро-еврейских корней Руси сомнительны, то международный размах работорговли на юге Руси очевиден. Для викингов промысел рабов на Восточном пути был едва ли не ведущим мотивом движения, обустройства «угодий» и путей к рынкам Халифата и Византии.

Крестная мать городов русских

Обращаясь к Повести временных лет, следует помнить, что она составлена черноризцем киевского Печерского монастыря, задававшимися вопросами: «Откуда есть пошла Руская земля» и, следом, «Кто в Киеве нача первее княжити» (ПСРЛ Т. 1 1846: 1). Понятно, что киевский летописец совмещал эти два вопроса в одном, поскольку к тому времени (XII в.) Киев уже стал первым на Руси княжеским столом и церковной митрополией. Вопрос звучал риторически и содержал в себе установку: историю происхождения и княжения соотнести с первенством Киева.

С той поры до сегодняшнего дня в российской историографии господствует югоцентризм. Стереотип, опирающийся на версию дунайского происхождения славян, звание Киева «мати градом Руским» и византийские истоки православия, настраивает на восприятие общего хода истории Руси с юга на север. Той же цели служит искусственный историографический конструкт «Киевская Русь», в летописях отсутствующий. Даже путь «из Варяг в Греки» некоторые исследователи видят наоборот — «из Грек в Варяги»: по мнению Б. А. Рыбакова, «восточнославянская государственность вызревала на юге, в богатой и плодородной лесостепной полосе Среднего Поднепровья. Темп исторического развития здесь, на юге, был значительно более быстрым, чем на лесном и болотистом севере с его тощими песчаными почвами» (Рыбаков 1982: 284, 294).

На самом деле, как уже говорилось, Киев как город (град, *gardr*, а не «разрозненные поселения» на Горах Киевских) младше Ладоги, Рюрикова городка и Гнёздово, а «матерью городов русских» он был назван позже, когда приглянулся Олегу или, что еще вероятнее с учетом мотивов киевского монастырского летописания, когда стал христианской столицей Руси. В верховьях Днепра варяги расположились в начале, в среднем течении — во второй половине IX в., когда и начался рост киевского посада на Подоле (Лебедев 2005:549, 561). Полвека понадобилось варягам для продвижения от волховских порогов к днепровским. Не случайно Киев (*Kænugarðr*) не упоминается ни в рунических надписях, ни в скальдических стихах норманнов IX–XII вв., а в королевских сагах назван лишь в «Пряди об Эймунде». Как резиденция варягов Киев сложился значительно позже верхнерусских (волховских, верхнеднепровских, верхневолжских) гардов и по возрасту не годится им «в матери».

Выражение «мать городов» пришло на Русь из Византии вместе с переведенным на церковнославянский язык греческим церковным лексиконом. Как заметил И. П. Медведев, прозвание Киева «матерью городов» исходит из его соперничества с Константинополем (*aemula Sceptri Constantinopolitani*) и «является несколько неуклюжим калькированием греческого слова женского рода “митрополис” (преном Константинополя), в то время как название “Киев” и само русское слово “город” — мужского рода» (Медведев 2014:301). Иначе говоря, звание «матери» применительно к Киеву — подражание византийскому обозначению Константинополя как «матери городов» (*mitropolis*). Судя по всему, наименование Киева «матерью городов русских» связано вовсе не с рождением, а с крещением; Киев, если угодно, — «крестная мать» (или отец) Руси.

Качество материнства по отношению к Руси у Киева есть, и оно проявляется уже в позиции и политике княгини Ольги (например, в ее уговорах сына Святослава оставаться в Киеве, а не воевать на Балканах и, тем более не переносить столицу в Переяславец на Дунае). Однако по-настоящему ярко столичность Киева обозначилась с принятием христианства. Теополитика Владимира в короткий срок сделала его Святым, а княжескую резиденцию Киев — столицей христианской Руси. В «Слове о законе и благодати» (1051 г.) киевский митрополит Иларион утверждает миссию князя Владимира: «как Константин Великий с матерью своею Еленой веру утвердил, крест принеся из Иерусалима и веру по всему миру распространив, так и ты с бабою твоею Ольгою принесьша крест от новаго Иерусалима, Константина града, и сего по всеи земли своей поставивша, утвердиста веру». При Владимире, по словам Илариона, «капища разрушались и поставлялись церкви, идолы сокрушались и являлись иконы святых, бесы убежали, крест же освящал грады» (с той поры на долгие времена утвердились в качестве подвигов святых «сокрушение идолов» и «разрушение капищ»). В заслугу «кагану Георгию» (князю Ярославу Мудрому) Иларион славит создание величественного Киева: «И славный град твой Къев величствомъ, яко венцемъ, обложилъ, предаль люди твоа и градъ святыи, всеславнии... “Радуися, благоверный граде! Господь с тобою!”».

Не только князья, но и церковные иерархи, в том числе Иларион, созидали новую для Руси «абсолютную реальность». По словам Д. С. Лихачева, киевский митрополит выступил «предвещателем духовной судьбы России и русского народа»: «Концепция Илариона, считавше-

го Русь и ее главный город Киев преемниками миссий Константинополя и Иерусалима, продолжала существовать и после завоевания Руси в XIII веке татарами, а на падение Киева ответила усложнением концепции, видя в городах Владимире и Москве приемников Киева и Второго Рима — Константинополя» (Лихачев 2007:35–36).

Можно только восхищаться религиозным энтузиазмом, охватившим в ту пору князей и церковных иерархов, если за короткий срок Киев превратился в сопоставимый с Константинополем город храмов. Титмар Мезенбургский в начале XI в. характеризовал Киев как большой город с 400 церквями и 8 рынками. Адам Бременский называл его соперником Константинополя и «блестящим украшением Греции» (православного мира). В пожаре 1017 г. в Киеве сгорело до 700 церквей (Ключевский 1987 1:182). Столица Владимира и Ярослава представляла собой религиозную колонию Византии, стремительно превращавшуюся в метрополию («мать городов») вновь крещеной страны. В подражание Константинополю «Киев украшают золотыми воротами, строят в нем церкви тем же святым, что и в Константинополе (св. Ирины, св. Георгия, но прежде всего, конечно, св. Софии) (Медведев 2014:301).

Не только блеск куполов многочисленных церквей освящал новую реальность Руси. Как отмечал Д. С. Лихачев, сила русской культуры и христианства — в письменном слове, которым в полной мере владели церковь, монастыри, монахи (Лихачев 2007:60-61). Слово от бога способно изменить историю, создав миф, который в свою очередь становится фактом истории. Христианецентризм (югоцентризм) книжников-монахов, заместивший варяжский североцентризм, скоро передался всем книжным людям, а через них и обывателям (по древнерусской поговорке «свет инокам — ангелы, свет мирянам — иноки»). С появлением славянской письменности и распространением христианства в ментальной карте жителей Руси ось мироздания уперлась в Царьград и Святую землю.

Понтийская (византийско-киевская) магистраль была не только руслом греческой религии, но и генератором русско-христианской мифологии. По ней на Русь передалась идеологема Киева как нового Царьграда, из которой произросли идеи «Русь — новый Израиль», позднее «Москва — новый Иерусалим» и «Москва — третий Рим» (см.: Ботор 2009). Стойкость этой идеологемы на протяжении веков до сего дня обеспечивается удобством ее применения для укрепления центральной власти. «Схема объединителя», тщательно разработан-

ная отечественной историографией, замещает реальную динамику мотива-действия статичной идеологемой державного единства и взаимного служения вождя и народа. Первые русские князья рисуются даже восстановителями некоего исконного единства — Олега немало удивил бы пафос историков, видящих его заслуги в том, что «единство русских земель было восстановлено» (Лебедев 2005:421), что его поход 882 г. «знаменовал окончательное объединение Верхней Руси и Русской земли Среднего Поднепровья в единое Древнерусское государство» (Кирпичников и др. 1986:287). Олег после смерти Рюрика осваивал путь на Царьград и если болел о единстве, то скорее в отношении своей дружины, а не народов будущей России. Реальные мотивы князей, настроенных на захват добычи и чужих владений, подменяются мотивациями историков, создающих образы дальновидных отцов-созидателей государства.

На этой почве возшла и прижилась искусственно сконструированная идеологема «Киевская Русь». В летописях словосочетания «Киевская Русь» нет — это поздний кабинетный историографический конструкт XIX века. Сначала историки (М. А. Максимович, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров и др.) использовали это выражение вполне уместно — применительно к локальному сообществу (княжеству) полян или киян, наряду с Черниговской Русью, Червонной Русью, Суздальской Русью и т. д. Возведение «Киевской Руси» на историографический пьедестал началось с лекций В. О. Ключевского, который, с одной стороны, использовал выражение «Киевская Русь» для обозначения дружины, ходившей на Царьград (что документально), с другой — видел в Киевском великом княжестве первую форму Русского государства (что умозрительно):

Появление Рюрика в Новгороде, кажется мне, неудобно считать началом Русского государства: тогда в Новгороде возникло местное и притом кратковременное варяжское княжество. Русское государство основалось деятельностью Аскольда и потом Олега в Киеве: из Киева, а не из Новгорода пошло политическое объединение русского славянства; Киевское варяжское княжество этих витязей стало зерном того союза славянских и соседних с ними финских племен, который можно признать первоначальной формой Русского государства (Ключевский 1987: 159).

Уклончивые интонации вроде «кажется мне» и «неудобно считать» звучат в этой фразе для смягчения ожидаемой жесткой критики ввиду явного насилия над летописным текстом и произвольного умаления роли Рюрика в пользу Аскольда и Новгорода в пользу Киева. Но историографии было угодно отнестись милостиво к вольности популярного лектора: М. К. Любавский, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков приняли «Киевскую Русь» как обозначение государства, а Б. Д. Греков своей многократно изданной одноименной монографией (1944) утвердил ее место в лексиконе историков. Не отставала и зарубежная историография, в которой *Kievan Rus'* фигурирует как данность, не требующая обоснований (в англоязычную литературу термин проник из английского перевода «Истории России» В. О. Ключевского). Лишь в самое последнее время историки стали задаваться вопросом «Откуда есть пошла Киевская Русь?». Ответы оказывались подчас неожиданными: например, киевский историк, уроженец Киева, руководитель Центра исследований Киевской Руси Института истории НАН счел этот термин «химерой» книжного происхождения (Голочко 1999).

Расцвет Киева, пришедшийся на княжение Ярослава, был недолог. Русский князь на Царьград уже не ходил, завоеваниям предпочитал матримониальную международную политику, «любил церковный устав» и книги, строил города и храмы. Социокультурный взлет «Киевской Руси» принято связывать с благотворным воздействием христианства и политики централизации. На самом деле величие это было подготовлено трехвековым движением норманнов (руси) и северных славян по балто-пonto-каспийским магистралям, а южная религия лишь прошла по путям, проложенным северными воинами-язычниками. Когда же единение в северном пути сменилось единением в южном боге, Русь начала слабеть и распадаться. «Варяжский путь» замер, крестившиеся варяги осели, динамичная прежде Русь распалась на статичные локальные княжества (Головнёв 2022).

Киев как «псевдо-Константинополь» отцвел и ослабел уже в домонгольский период: при Ярославичах он еще был первым столом, через поколение — одним из первых, а затем был заброшен — Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо не ехали в Киев, оставив там своих ставленников. Как отметил Б. Самнер, упадок интереса русских князей к Киеву ознаменовался его разграблением в 1169 г. Андреем Боголюбским (Sumner 1947:35). И дело не в атаках торков или половцев — с кочевниками у киевлян сложились вполне союзни-

ческие отношения, включавшие браки и крещение половецкой знати. Мотивация русской элиты сократилась в масштабах и локализовалась в уделах. Киевский стол утратил великокняжеский статус со смертью Александра Ярославича (1263 г.), а в конце века из Киева бежал и митрополит Максим, после чего город пришел в запустение. Впрочем, особая роль Киева, несмотря на его скорый закат, долго оттенялась религиозным статусом — до образования в 1589 г. Московского патриархата митрополит Русской церкви звался Киевским.

Северное кольцо

Путь в Бьярмию Оттара, Хаука и других норвежских мореходов начинался из Халогаланда и проходил вдоль берегов Финнмарка. В «Описание Земли I» сказано: «К северу от Норвегии — Финнмарк. Там земля поворачивает на северо-восток и дальше на восток, пока не доходит до Бьярмаланда» (Мельникова 1986: 81, прим. 17). Этот «финский» путь вел в Бьярмию с севера.

Существовал и восточный, «шведский», путь из Скандинавии в Бьярмию. В «Пряди о Хауке Длинные Чулки» рассказывается, что шведский конунг Эйрик, прослышав о рейде Хаука в Бьярмию, поспешил послать туда своего викинга Бьёрна, который прошел в Бьярмию через Восточное (Балтийское) море³ (Тиандер 1906). В Саге о Хервёре и конунге Хейдрекке упоминается берсерк Арнгрим, совершивший поход Восточным путем (*Austrvergr*) в Бьярмаланд (Глазырина 1996:41). О восточном пути повествует и Саксон Грамматик в IX книге «Истории данов»: узнав о подготовке данов к восточному походу, бьярмы вознесли к небесам магические заклинания, вследствие чего выход кораблей в море был задержан бешеными грозами, затем даны мучались от жгучей жары, и, наконец, многих унесла болезнь (Сахо 1979:286). К тому же времени, вероятно, относятся сюжеты Саги о Стурлауге Трудолюбивом. Первый поход Стурлауга в Бьярмаланд начался в норвежской области Наумдаль и проходил по северному морскому пути к устью реки Vîna (Северной Двины).

Готовятся они отплыть и продвигаются вдоль фьорда. Аки сказал: «Я думаю, что никогда прежде мне не был нужен попутный ветер так,

---

³ Балтийское море называлось Эйстрасальт (Eustrasalt, где *eystri* — сравнительная степень прилагательного *austr* — ‘восток’, *salt* — ‘море’) — ‘Более Восточное море’ (Глазырина 1996:96).

как сейчас». Тут тотчас подул попутный ветер, и плыли они до тех пор, пока не приплыли к Бьярмаланду и дальше по реке Вине.

(Глазырина 1996:153, 184).

Получив титул конунга и «большое государство» в Свиарики (Швеции), Стурлауг совершил второй поход в Бьярмию. На сей раз его путь, скорее всего, лежал по Балтийскому морю в Финский залив, по Неве в Ладожское озеро и оттуда в Бьярмию. Примечательно, что в рассказе об этом рейде не упомянута река Vîna, которая в описаниях походов в Бьярмию по северному морскому пути обычно является конечным пунктом.

Одним летом объявляет Стурлауг о том, что хочет отправиться в Бьярмаланд. Собирает он тогда большое войско... Сжигают и палат они все [в Бьярмаланде], что могут, и совершают одно злодеяние за другим. Раундолвь, конунг бьярмов, узнал об этом и собирает тотчас войско, но было у него, однако, мало людей. И тотчас, как они встретились, завязалась у них тяжелейшая битва и жесточайшие бои... А закончилась эта битва тем, что там пал конунг Раундолвь, а с ним и много воинов. А после этого великого деяния подчинил себе Стурлауг весь Бьярмаланд.

(Глазырина 1996:157–159, 187).

В Бьярмии на рубеже IX–X вв. замкнулось кольцо северо-восточных путей норманнов. Вероятно, в те годы викинги окончательно выяснили, что, отправляясь на север, огибая Нордкап и следуя вдоль берега Колы, они оказываются в «восточной» стране Бьярмии. В драпе (поэме) о Харальде Серая Шкура (Gráfeldardrápa, ок. 970) скальда Глума Гейрасона Бьярмия отнесена уже к «востоку»:

Покоритель королей, дерзновенный в словах, окрасил кровью свой меч на востоке (*austr*), к северу от горящего селения, где я видел бегущих бьярмов; учредитель договоров среди людей стяжал славу в этом походе, юный конунг, в битве на берегу Двины.

(Ross 1981:29).

Путь из варяг в бьярмы представлял собой «северное кольцо», по которому шло движение северных викингов. Последние вояжи норманнов в Бьярмию проходили по северному кольцу через Гандвик и Балтику. Исландские анналы под 1222 г. и Сага о Хаконе Хаконар-

соне (ок. 1265) повествуют о поездке в Бьярмию норвежского купца Хельги Богрангссона (северным путем). Хельги остался в Бьярмии на зимовку, а один из его спутников по имени Эгмунд отправился на юг в Гардарики и добрался до Суздальской земли (Suðrgalaríri). Здесь его настигла весть о расправе бьярмов над Хельги. Эгмунд вернулся в Норвегию через Новгород (восточным путем). С целью мести за Хельги в Бьярмию совершили рейд Андрес Ремень Щита и Ивар из Утвика (северным путем). Оканчивая рассказ, исландский книжник отметил, что отныне поездки норманнов в Бьярмию прекратились (Джаксон 1991:137; Hofstra, Samplonius 1995:243–244; Глазырина 1996:37–38).

Викинги с легкостью преодолевали огромные расстояния по морям. У речных порогов и волоков морские кочевники останавливались, меняли морские суда на речные, создавали перевалочные базы и зимовья. Для прохода по северному кольцу мореплавателю должен был быть путь, от Балтики до Гандвика, преодолеть на речном судне, пройти на лыжах или проехать на санях (нарте, кережке). По восточному пути викинги могли пойти на морских судах из Балтики по Неве до Ладоги. По северному пути они из Гандвика входили в Двинский залив и устье Двины. Для дальнейшего движения в обоих случаях им приходилось строить речные суда и делить дружины, оставляя часть людей стеречь корабли. От Ладоги к Двине вели пути через Онегу и р. Емца, через Белоозеро и р. Вага, через Белоозеро и р. Сухона.

В устье Двины викинги могли бросить якорь у мыса среди «островов Вины», как повествует Сага об Одде Стреле; К. Ф. Тиандер полагал, что «такой мыс имеется на том месте, где теперь г. Архангельск, именно Пур-Наволоок» (1906: 117, прим. 2). Они могли пройти вверх по Двине, если собирались зимовать в Бьярмии, как купец Хельги. Торжище бьярмов (kaupstaðr), посещенное Ториром Хундом и его спутниками (по Саге об Олаве Святом) нередко соотносится с местом, где позднее вырос северорусский город Холмогоры (Brøgger 1928:32). По мнению К. Ф. Тиандера, двинский «Хольмгард» (Холмогоры) был скандинавской торговой колонией, пристанищем викингов, приезжавших к низовьям Двины (Тиандер 1906). На эту тему М. В. Ломоносов по-поморски размашисто набросал исторический эскиз:

Пермия, кою [северные авторы] Биярмиею называют, далече прости-
ралась от Белого моря вверх, около Двины реки, и был народ чудский

сильный, купечествовал дорогими звериными кожами с датчанами и с другими нормандцами. В Северную Двину-реку с моря входили морскими судами до некоторого купеческого города, где летом бывало многолюдное и славное торговище: без сомнения, где стоит город Холмогоры.

(Ломоносов 1952:195–196).

Археология пока не дает убедительного подтверждения существованию постоянной перевалочной базы норманнов на Северной Двине. Очевидно, она уступала по масштабам Ладогге, которая в ту пору была политической столицей «северного кольца». Особую роль Ладогги в освоении Севера подчеркивал А. Н. Насонов (1951:79–80). «Зерно исторической правды» в исландских описаниях пути «из северного Приладожья по Онеге и Северной Двине к Белому морю» (Альдейгьюборг–Бьярмаланд) заметила Е. А. Рыдзевская, допуская, правда, что путь этот был проложен не норманнами, а «карелами и новгородцами» (1978:85).

Викинги, проигравшие борьбу за Ладоггу, нередко укрывались в Бьярмии, как это сделали противники ладожского конунга Хальвдана.

Ульвкелль Сниллинг в бою спасся бегством. Он добрался до берега с пятнадцатью воинами, но потерял все остальное войско. Он стал выяснять, где находился Ульв, его брат, и узнал, что он в Бьярмаланде. Отправился он тогда к нему. Харек звался тот конунг, который там правил; его дочь звали Эдню. Ульв посватался к ней, но конунг не хотел отдавать ее замуж; тогда Ульв начал грабить в его стране... И закончилось тем, что Ульв получил Эдню, и стали братья охранять Бьярмаланд.

(Сага о Хальвдане Эйстейнссоне, XV; Глазырина 1996:71).

В дальнейшем конунг Хальвдан в союзе с карелами (жителями Кирьяботны) совершил карательный поход на Бьярмию.

Вслед за тем был у Хальвдана тинг с жителями этой земли [Кирьялаботны], и решили так, что военный поход в Бьярмаланд должен состояться через месяц. Люди одобрили его и пришли в Бьярмаланд, и был ярл Скули там в походе. Там не было сильного сопротивления [со стороны бьярмов]. Подчинили они себе всю страну. Эдню, дочь Харека, Хальвдан взял в свою власть... После этого собирается Халь-

вдан оттуда домой в Альдейгьюборг. Всего он отсутствовал пять зим; там люди приветствовали его.

(Глазырина 1996:73, 83).

В Альдейгьюборге собрался тинг, на котором Хальвдан держал речь: «Я теперь имею в своей власти Бьярмаланд и Эдню, дочь конунга Харека. Это государство, а также девушку я отдаю Сигмунду, если они оба того пожелают». В «Пряди о Вале» сюжет дополняется фразой о возвращении героев «домой»: «Хальвдан и Сигмунд отправились теперь домой в Бьярмаланд, и остался Сигмунд там в своем государстве, а Хальвдан ушел в Норег, и о нем есть большая сага» (Глазырина 1996:83–85, 89). Образ Бьярмии, связанной с Ладогой политическими и брачными узами, делает понятным сообщение «Грипль» и «Описания Земли I» о том, что бьярмы платят дань конунгу Гардов: «Затем [земля] поворачивает на северо-восток и на восток, пока не доходит до Бьярмаланда, который платит дань Гардарики» (Мельникова 1986:81, 158–159).

Неопределенность дальних пределов Бьярмии сочетается с представлением о нескольких Бьярмиях. Саксон Грамматик говорил о Дальней Бьярмии (*Biarmia ulterior*), в «Истории Норвегии» упомянуты «те и другие бьярмы»⁴, Олаус Магнус различал Ближнюю и Дальнюю Бьярмии. Ближняя покрыта высокими горами и вечными снегами, она препятствует проникновению европейцев в Дальнюю Бьярмию, которую населяют племена оленеводов, охотников и рыболовов (Савельева 1983:46–47). Версия о двух Бьярмиях⁵, по мнению Т. Н. Джаксон, снимает разночтения в географии и помогает разобраться, например, в событиях Саги о Хальвдане Эйстейнссоне, когда в одном случае Бьярмаланд оказывается к югу от Белого моря, в другом — к северу (Джаксон 1991:132–134). При попытке наложить версию о двух Бьярмиях на географический контекст Саги о Хаконе Хаконарсоне возникает ощущение некоей третьей Бьярмии: к конунгу

---

⁴ Фраза из «Истории Норвегии» “*Kiriali et Kwæni cornuti Finni ac utrique Biarmones*” (*Historia Norwegiæ* 1880:75) переводится как «кирьялы и квены, рогатые финны, и те и другие бьярмы». Латинский синтаксис позволяет понять часть фразы о бьярмах и как продолжение перечня племен, и как пояснение к предыдущей части фразы. В последнем случае кирьялы, квены и рогатые финны причисляются автором текста к бьярмам (Глазырина 1996:42).

⁵ Картина симметричного расположения двух Бьярмий к югу и северу от Белого моря соответствует представлению о двух Квенландах в «Описании Земли I». Два Квенланда разделены Ботническим заливом Балтийского моря (квенами назывались финны северного побережья Ботнического залива), а две Бьярмии — Белым морем и его Кандалакшским заливом (Джаксон 1991:133–134).

Хакону «пришло много бьярмов, которые бежали с востока от войны татар» (см.: Матузова 1979:31–32). Возможно, описываемые в саге события произошли около 1253 г. (Мельникова 1986:91, прим. 26), а участниками их были карелы (Шаскольский 1945:39). Однако, принимая во внимание географию северной кампании Батгя, более реалистичным представляется исход беглецов из Ярославского Поволжья или Белоозера.

Восточная Прибалтика, Кольский полуостров, Карелия, Верхнее Поволжье, Подвинье, Прикамье, Волжская Булгария — неполная панорама гипотетически отводимых для Бьярмии областей Восточной Европы. Давняя мечта исследователей нанести Бьярмию на карту едва ли исполнима. И дело не в том, что Альфред недопонял Отгара или запутались в деталях исландские сказители. Судя по всему, норманнам Бьярмия представлялась страной с одной границей, ближней, тогда как дальняя была размыта в необозримых северных и восточных просторах.

К. Ф. Тиандер и Д. В. Бубрих выдвинули не исключающие друг друга этимологии Vjarmaland: от древнескандинавского **berm-*, **barm-* (**Verema*, **Verma*) — «край», «борт», «береговая полоса» (Тиандер 1906:67) и прибалтийско-финского *perä-maa* — «задняя земля», «земля за рубежом» (Бубрих 1947: 28). Для норманнов и балтийских финнов «Бьярмия» — берег, край морского пути, где начиналась «Крайняя земля».

Бьярмия («Бьярмия или Корелия») не упоминается в русских летописях, за исключением Иоакимовской (Татищев 1962: 108, 249). Вероятно, ладожане и новгородцы, унаследовавшие слово «Бьярмия» от скандинавов, придали ему славяно-русское звучание «Пермь» (Перемь, Пермь). В самом раннем списке данников Верхней Руси «Пермь» значится среди северных областей: Чюдь, Меря, Весь, Муром, Черемис, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Нарова, Либь. По наблюдению В. Н.Татищева (1962: 426), первое известие о Перми содержится в Степенной книге и датируется 967 г.

Две «Перми» окружали Беломорье. На юге Колы находилась известная по договорным грамотам Новгорода 1264 и 1304–1305 гг. волость Колоперемь (Голопьярьмь) — «Кольская Пермь» (Мачинский, Мачинская 1988:55; Джаксон 1991:134). В Заволочье располагалась собственно Пермь; со временем ее восточная часть стала именоваться Пермью Вычегодской или Старой Пермью. В грамоте Великого Новгорода и тверского князя Ярослава Ярославича 1264 г. названы обе

«Перми»: «А се волости новгородские: Бежиче, Городец, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера...» (Грамоты 1949: 9). С XIV в. в русских источниках (Троицкой летописи под 1321 г.) появляется третья Пермь с определениями Великая или Чусовая.

Если Кольская Пермь и Двинско-Вычегодская Пермь лежали на северных путях викингов, то едва ли им доводилось бывать на Чусовой. Впрочем, неподалеку от Великой Перми проходил освоенный норманнами с IX в. балто-волжский путь, и в Булгаре они бойко торговали пленницами. Новгородцы продолжили норманнскую традицию наименования дальних восточных рубежей своих владений «Крайней землей»: по мере их продвижения к Уралу отступала на восток и «Пермь»; начался этот путь с Колы, а закончился на Каме; в той же последовательности прежние «крайние земли» — Колоперемь, Старая Пермь — теряли свои устаревшие имена.

Звания прямых наследников бьярмов обычно удостоиваются карелы и коми (Ross 1954: 337; Odner 1985: 4). Их предки населяли западную и восточную окраины Бьярмии. Между ними лежало Подвенье (Заволочье) — центральная Бьярмия или Двинская Пермь, превратившаяся вскоре в Русский Север. Приморские берега Бьярмии, вероятно, населяли лопь (саамы) и самоедь (ненцы). Остается согласиться с авторами, соотносящими «Бьярмию» с полиэтническим пространством Русского Севера⁶.

К. Вилкуна, сопоставив *bjarm-* с известным в восточно-финских диалектах словом *permi* (бродячий торговец), предположил, что странствующими купцами в IX–XIII вв. могли быть предки коми, подвизавшиеся в роли посредников на оживленных торговых путях между Скандинавией и Поволжьем (Vilkuna 1966:64–93). Эта версия заслуживает пристального внимания, правда, не с точки зрения поиска изначальной этимологии названия «Бьярмия», а в толковании скандинаво-финно-пермского взаимодействия и объяснении истоков специфических черт культуры коми-зырян, заслуживших своей предприимчивостью прозвище «северные евреи». Очевидно, слово *бьярм* приобрело у прибалтийских финнов нарицательный смысл «бродячего торговца» благодаря заметному участию жителей «Крайней земли» в международной торговле на путях «в арабы» и «в бьярмы».

⁶ «Неопределенно широкое содержание названия Бьярмаланд позволяет считать, что этноним бьярмы не обозначает какое-то отдельное племя, но является общим термином, использованным скандинавами по отношению к ряду народов Русского Севера» (Глазырина 1996:97); Бьярмия охватывала «необъятное, богатое пушиной лесное пространство от Урала до Белого моря» (Кирпичников и др. 1986:197).

Долгое время истории и антропологии Севера мешал историографический образ кровожадного и корыстолюбивого викинга, эксплуатировавшегося саамов, финнов и других мирных северян. Однако он заимствован из более поздней эпохи укрепления государственности в странах Скандинавии. По мнению П. Урбанчика, лишь после того как центральная власть преуспела в подавлении самостоятельности северных хёвдингов⁷, отношения между саамами и скандинавами испортились: «Экономическое сотрудничество и терпимость сменились администрированием и идеологической агрессией» (Urbanczyk 1992:196). Возможно, и описания норвежских походов за данью *skattr* (например в Саге об Эгиле) несут отпечаток событий XIII в., когда скандинавы установили государственную повинность «финской дани» (*finnskatt*), а карелы часто нападали на государственных сборщиков пушнины (см.: Odner 1985:6; Hofstra, Samplonius 1995:242).

Реалии археологии и этнографии представляют иную фигуру норманна, начиная с Отгара, разводившего оленей и торговавшего с бьярмами. Раскопки погребального судна викингов в Северной Норвегии (Лекангере, к югу от Бодо), где известковые почвы обеспечили высокую сохранность скелета, показали, что захороненный человек обладал внешностью современного саама (Stenvik 1980:129). Лекангерский «викинг с саамским лицом», погребенный по элитному обряду в корабле, позволил по-новому взглянуть на нордический облик не только жителей Халогаланда, но и норвежского королевского дома, особенно в контексте сведений о женитьбе основателя династии норвежских королей Харальда Прекрасноволосого на саамской девушке (см.: Hofstra, Samplonius 1995:242).

К. Однер (Odner 1981:28) пришел к заключению, что отношения между норманнами и саамами имели симбиотический характер сотрудничества и специализации, благодаря чему каждая группа занимала собственную экологическую нишу и, к взаимной выгоде, вносила свой вклад в общее производство. Эта система открыла доступ к ресурсам, которые в ином случае едва ли могли быть освоены. Норманны получали от саамов ценные меха и экспортировали их на юг, а саамы получали от норманнов зерно и металлические изделия, применявшиеся в промыслах.

Северные пути и освоение Арктики во все времена строилось более на партнерстве, чем вражде. Размах движения норманнов по северному кольцу связан не только с их военно-торговыми достоин-

---

⁷ Hófdingi — вождь, военачальник — представитель знати, рангом ниже конунга.

ствами, но и успешной народной дипломатией — «психологической совместимостью» скандинавов, финнов и славян Скандзы, Гардов и Бьярмии, основанной на многовековом соседстве, совместных походах по Арктике, межэтнических браках и диалоге северного язычества.

Литература

- Алексеева Т.И. Антропологическая характеристика восточных славян эпохи Средневековья в сравнительном освещении // Восточные славяне. Антропологическая и этническая история. М.: Наука, 1999. С. 163–169.
- Ботор Т. Обоснование теории «Москва — Третий Рим» в зеркале новейшей литературы // Государство и нация в России и Центрально-Восточной Европе / Ред. G. Szvak. Будапешт: Russica Pannonica, 2009. С. 78–90.
- Брим В.А. Происхождение термина Русь // Россия и Запад. Ч. 1. Пг.: Гос. изд-во, 1923. С. 5–10.
- Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск: 1947. Госиздат Карело-Финской ССР. 51 с.
- Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М.: Ладомир, 1996. 240 с.
- Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М.: Наука, 1987. 210 с.
- Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.
- Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.
- Головнёв А.В. Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. 1949. М.; Л.: АН СССР.
- Греков Б. Д. Киевская Русь. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1944. 347 с.
- Давидан О.И. К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией (по материалам нижнего слоя Староладожского городища) // Скандинавский сборник. Вып. XVI. Таллин, 1971. С. 134–146.
- Джаксон Т.Н. Система речных путей Восточной Европы в представлении средневековых скандинавов // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28–29 августа 2000 года. Казань, 2001. С. 110–122.
- Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л.: ЛГУ, 1989. 256 с.
- Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 280 с.
- Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. С. 189–297.
- Ключевский В.О. Сочинения. Т. 1: Курс русской истории. М.: Мысль, 1987. 430 с.
- Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции.

- М.: Наука, 1977. 280 с.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / Ред. Г. Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М.: Наука, 1991. 493 с.
- Кузьмин С.Л. Сопки Нижнего Поволжья: Взгляд на проблему на исходе XX века // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 89–99.
- Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 287 с.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
- Лихачев Д.. Русская культура. СПб.: Искусство — СПб., 2007. 440 с.
- Ломоносов М.В. 1952. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л. Изд-во АН СССР. 689 с.
- Мавродин ВВ. Образование Древнерусского государства. Л.: Изд-во ЛГУ, 1945. 429 с.
- Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М.: Наука, 1990. 216 с.
- Макаров Н.А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 449–459.
- Макаров Н.А., Носов Е.Н., Янин В.Л. Начало Руси глазами современной археологии // Труды Отделения историко-филологических наук / Ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 2014. С. 17–36.
- Мачинский Д.А. Колбязи «Русской Правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник: по материалам историко-географической конференции. Вып. 1: Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988. С. 90–103.
- Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л.: Наука, 1988. С. 44–58.
- Медведев И.П. О значимости византийского фактора в истории российской государственности // Труды Отделения историко-филологических наук / Ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 2014. С. 300–308.
- Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения (тексты, перевод, комментарий). М.: Наука, 1986. 231 с.
- Мусин А.Е. Структуры власти в Ладого XI–XV вв. // Ладога и ее соседи в эпоху раннего Средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 69–87.
- Назаренко А.В. Норманны и появление курганов в Приладожье // Северная Русь и ее соседи. Л.: ЛГУ, 1979. С. 142–147.
- Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки рус. культуры, 2001. 784 с.
- Нидерле Л. Славянские древности. М.: Алетейя, 2001. 592 с.
- Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 215 с.
- Носов Е.Н. Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 151–163.

- Петрухин В.Я. «Русский каганат», скандинавы и южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы, 1999: материалы и исследования. М.: Наука, 2001. С. 127–142.
- ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. 377 с.
- Разумова А.П. Некоторые особенности сказочной традиции Пудожского края // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: Изд-во Карел. НЦ АН, 1980. С. 58–75.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
- Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М.: Наука, 1978. 240 с.
- Рябинин Е.А. Новые открытия в Старой Ладoge (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Л.: Наука, 1985. С. 27–75.
- Рябинин Е.А., Дубашинский А.В. Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб.: ИИМК, 2002. С. 196–203.
- Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». Л.: Наука, 1983. 136 с.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 337 с. (Археология СССР).
- Смирнов П. Волзький шлях і стародавні Русь. Київ: Українська акад. наук, 1928. 228 с. (Збірник істор-філолог. відділу. Ч. 75).
- Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен: в 18 кн. Кн. 2. М.: Мысль, 1988. 768 с.
- Стальсберг А. Торговый инвентарь женских погребений эпохи викингов (субъективная интерпретация) // Stratum Plus. Неславянское в славянском мире. Вып. 5. СПб.; Кишинев; Одесса. 1999. С. 158–163.
- Стурлусон С. Круг Земной. М.: Наука, 1980. 688 с.
- Татищев В.Н. 1962. История Российская: В 7 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Тиандер К.Ф. 1906. Поездки скандинавов на Белое море. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова. 450 с.
- Толочко А.П. Химера «Киевской Руси» // Родина. 1999. № 8. С. 29–33.
- Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. С. 8–128.
- Хлевов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. СПб.: Евразия, 2002. 336 с.
- Шаскольский И.П. 1945. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. Т. 14. М. С. 38–61.
- Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1904. Т. IX. С. 288–365.
- Янин В. Л. Новгородские посадники. М.: Изд-во МГУ, 1962. 387 с.
- Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004. 416 с.

- Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1985. 314 с.
- Adam of Bremen. History of the Archbishops of Hamburg-Bremen / Transl. by F. J. Tschan. New York: Columbia University Press, 1959. 288 p.
- Brøgger A.W. 1928. Håløygenes Bjarmelandsferder // Festskrift til rektor J. Qvigstad 1853, 4 April 1928. Tromsø Museums Skrifter, Vol. 2. Tromsø: Tromsø Museum. H. 27–36.
- Historia Norwegice. 1880. Monumenta Historica Norvegiae. Utv. Av G. Storm. Kristiania: Brøgger.
- Hofstra T., Samplonius K. Viking Expansion Northwards: Mediaeval Sources // Arctic. 1995. Vol. 48 (3). P. 235–247.
- Hollander L.M. Snorri Sturluson. Heimskringla. (Translation, Introduction, and Notes). Austin, 1964.
- Metzenthin E.M. Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania: Bryn Mawr, 1941. 144 p.
- Odner K. Saamis (Lapps), Finns and Scandinavians in History and Prehistory. Ethnic Origin and Ethnic Processes in Fenno-Scandinavia // Norwegian Archaeological Review. 18. 1985. P. 1–12.
- Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. 1: Old Scandinavian Sources Other than the Sagas. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press, 1981.
- Ross A. S. C. 1954. Ohthere's "Cwenas and Lakes" // The Geographical Journal. Vol. 120. London.
- Ross A. S. C. 1981. The Terfinnas and Beormas of Ohthere. London: Viking Society for Northern Research.
- Saxo Grammaticus. The History of the Danes. Translated by H. E. Davidson and P. Fisher. Vol. I: English text. Vol. II: Commentary. Cambridge: D. S. Brewer, 1979.
- Schramm G. Sechs warägische Probleme // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1986. Bd. 34, Heft. 3. Stuttgart. S. 363–373.
- Stenvik L. F. Samer og nordmenn. Sett i lys av et uvanlig gravfunn fra Saltenområdet // Viking: Tidsskrift for Norrøn Arkeologi. 43. 1980. H. 127–139.
- Sumner B. H. Survey of Russian History. New York; London: Duckworth, 1947. 464 p.
- Urbanczyk P. Medieval Arctic Norway // Institute of the History of Material Culture, Polish Academy of Sciences. Warszawa: Semper, 1992.
- Verlinden C. Ist mittelalterliche Sklaverei ein bedeutsames demographisches Faktor gewesen? // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. 66. Stuttgart; Wiesbaden, 1979.
- Vilkuna K. Studien über alte finnische Gemeinschaftsformen // Finnisch-ugrische Forschungen. XXXVI, H. 1–2. Helsinki, 1966.
- Wilson D. M. The Vikings and Their Origins. Scandinavia in the First Millennium. London: Thames & Hudson, 1996. 144 p.

Хазарские крепости Нижнего Дона и международные пути Восточной Европы

Проблематика сообщения связана с проектами, поддерживаемыми в последние годы программами университета «Высшая школа экономики»: студенты университета принимают участие в исследовании крупнейшего центра эпохи викингов на Руси в Верхнем Приднепровье – Гнёздова и спасательных раскопках стратегического центра Хазарского каганата на Дону – Саркел/ Правобережное Цимлянское городище (ПЦГ).

Крепость на ПЦГ по предварительным датировкам была построена до Левобережного Саркела на рубеже VIII и IX веков: Саркел был построен византийцами ок. 840 г. Жизнь в Гнёздове началась не позднее IX в., обнаружены остатки портовой зоны (Мурашева и др. 2018). Исследователей давно привлекает концентрация там монет императора Феофила (829-842), с посольством к которому связано первое упоминание *руси* в Бертинских анналах. Под 839 г. говорится о посольстве византийского императора Феофила к Людовику в его столицу Ингельхайм на Рейне: в составе этого посольства присутствовали люди Рос (Rhos), которые прибыли в Константинополь «ради дружбы», но не могли вернуться в свою землю прежним путем, ибо этот путь преградили свирепые варвары. Феофил просил Людовика пропустить дружественных ему «росов» через империю франков, и Людовик должен был расследовать их происхождение. Эти люди, правителем которых был хакан (chakanus), признали, что они – «от племени свеонов» (шведов). Каролинги пытались сдерживать натиск викингов, и Людовик заподозрил в пришельцах не «друзей», а шпионов, которых велел задержать (Назаренко 2010. С.17-21).

В отечественной историографии, несмотря на явный «норманистский» характер источника (обнаруживающего скандинавское происхождение начальной руси), доминирует представление о первой дипломатической и инициативе Русского государства – «каганата», правитель которого претендовал на хазарский титул «хакан». В советской историографии столицей этого государства, естественно, должен был значиться Киев. В последующих модификациях, учиты-

вающих отсутствие каких-либо свидетельств о Киеве в первой половине IX в., столицу некоего «Русского (Росского) каганата» размещают то на новгородском Городище (К. Цукерман и др.), то в Ладоге, где известны скандинавские древности IX в. Ладога оказывается в такой конструкции как бы «предпочтительней», ибо только там известны древности, синхронные посольству 839 г., но неясными остаются границы предполагаемого «Русского каганата», да и «столица» его представляла тогда небольшой поселок. Наконец, «тучи» этого историографического фантома стали сгущаться над Гнёздовом, где обнаружено 11 фоллисов и уже два солида Феофила, на «конкурентном» новгородском Городище – всего 5; 7 фоллисов Феофила было найдено в Скандинавии (5 – в ориентированной на связи с Русью Бирке: ср. [Shepard 1995. P. 48; Шевцов 2017. С. 144]), что возвращает нас к проблематике «шпионского» посольства «росов».

При этом со времен В.О. Ключевского было очевидно, что это посольство в Константинополь совпадает по времени с хазарским посольством к Феофилу: Константин Багрянородный свидетельствует о просьбе хазарского хакана (и пеха) помочь в строительстве крепости Саркел на Дону. Крепость была построена ок. 840 г. Как уже говорилось, согласно Бертинским анналам, люди «Рос» в 838 г. уверяли императора Феофила в своих дружественных отношениях с греками. При этом не раз предполагалось, что русь Бертинских анналов подчинялась именно хазарскому, а не некоему «русскому» кагану.

Древнейшая *русь* была активна на трансконтинентальных восточноевропейских магистралях, главной из которых в IX в. был Дон с выходом в бассейн Оки и далее на верхнюю Волгу, в Поволховье, Ладогу и Скандинавию: об этом маршруте свидетельствуют ранние клады восточных монет; восточное серебро стало поступать в Европу по окончании хазаро-арабских войн с рубежа VIII и IX вв.

Один из ранних кладов (ок. 800 г., выставлен в экспозиции Гос. Эрмитажа) обнаружен как раз на хазарском Правобережном Цимлянском городище, «фланкирующем» в IX в. перевоз через Дон: на левом берегу был построен Саркел. Один из дирхемов клада отнесен к подражательному хазарскому чекану, другой несет очевидное руническое (скандинавское) граффито (Мельникова 2001. С. 120); во время раскопок на ПЦГ удалось обнаружить лишь половинку дирхема 796-797 г., В.С. Флёров считает, что регулярное поступление монеты на Дон относится ко второй четверти IX в. (Флёров, Петрухин 2004. С. 176). Существенно, что материалы Правобережного Цимлянского го-

родища включают черепицу, это указывает на византийскую строительную традицию: и эта крепость с башнями очевидно была построена греками за несколько десятилетий до Саркела. Дон был осевой магистралью Хазарского каганата: неслучайно воздействие византийской строительной техники обнаружено В.С. Флёровым не только на ПЦГ, но и на Семикаракорском городище в низовьях Дона [Калинина, Флёров, Петрухин 2014: 109 и сл.]. Укрепление «домениальных» владений хазарского кагана могло быть связано как с осложнением хазаро-венгерских отношений (видимо, венгры были свирепым народом, угрожающим международным путям, на который ссылались послы *Рос* Бертинских анналов), так и с важностью Донского пути – магистрального как для Хазарии, так и для становящихся трансконтинентальных торговых связей Руси. Днепровский путь был перекрыт венграми, стремящимися к Дунаю.

Начальная *русь* (в греческой огласовке, сохраненной Бертинскими анналами – *Рос*), скандинавское имя которой означало дружину «гребцов» (др.-сканд. *roþeR), передвигающуюся по рекам, носила не племенное, а дружинное имя: люди *Рос* не могли именоваться викингами, как они прозывались на морях, в том числе Балтийском, ибо не могли использовать морские суда для *викинга* – морского похода; на реках нужны были гребные ладьи. На реке Рейн у Людовика Благочестивого они использовали это дружинное имя, что вызвало подозрение императора, не понаслышке знавшего норманнов.

Джонатан Шепард (Shepard 1995) исследовал исторический контекст известия Бертинских анналов и перечислил археологические находки в Северной Европе, которые могли относиться к деятельности посольства народа *Рос*: это упомянутые монеты Феофила и одна печать. Места находок примечательны: это главные порты викингов – Хедебю в Дании и Бирка в Швеции (там найдены серебряный милиарсий и два медных фоллиса), а также упомянутое Новгородское Городище (четыре фоллиса): Е.Н. Носов усматривал в этих находках свидетельство прямого пути из варяг в греки (Леонтьев, Носов 2012. С.111). В статье 1995 г. Дж. Шепард еще не упоминал Гнёздово – крупнейший торговый центр эпохи викингов на Верхнем Днепре возле Смоленска, сконцентрировавший, как уже говорилось, наибольшее количество монет: 11 фоллисов и два солида (последний солид добавился во время раскопок 2018 г.). Особого внимания удостоилась золотая монета-привеска из гнёздовского кургана Л-47 (содержавшего скандинавское сожжение в ладье). Эти находки провоцируют на пря-

мое соотнесение их топографии с маршрутом посольства 839 г., подразумевавшим днепровский путь из варяг в греки, а не Дон со строящимся Саркелом и другими крепостями. Они дают и дальнейший простор для спекуляций о размещении Русского каганата на северном «острове русов» в районе Новгорода (ср. уже у А.А. Шахматова в 1919 г. – переиздание: Шахматов 2010. С. 253-256) или в киевском Приднепровье.

Однако ни Городище, ни Гнёздово (ни даже Киев) не имеют напластований, определенно синхронных посольству. Монеты, использованные в качестве привесок к ожерелью, не дают абсолютной даты, они зафиксированы во вторичном использовании. Это относится и к милиарисию Феофила из Бирки, включенном как подвеска в женское ожерелье: еще шведский археолог Т.Арне в 1946 г. увязывал эту находку с посольством 839 г., полагая, что «русский хакан» пребывал прямо в Бирке. «Прямые» исторические выводы из отдельных находок были бы рискованными. Вместе с тем, археология демонстрирует все разнообразие этнокультурных контактов на Балтике: в балтийских «воротах» Руси – Ладоге и на других торговых поселениях Восточной Европы преобладают находки из средней Швеции – региона Бирки, но выделяются и «импорты», имеющие датское или датско-фризское происхождение. Для нашей темы показательна рассмотренная Дж. Шепардом находка 1966 г., происходящая из Хедебю: это печать патрикия Феодосия, датируемая временем от 820 до 860 г. и свидетельствующая об активности византийской дипломатии на Балтике в тот период, когда Византия боролась с арабским завоеванием в Западном Средиземноморье. Послы «народа Рос» могли быть участниками этой дипломатической миссии, и находка печати может указывать на их маршрут на Балтику – из Ингельхайма на Рейне в Хедебю. Другая печать Феодосия была недавно найдена в культурном слое города Риббе – «порта» викингов, расположенного на границе Дании и Фрисландии. Эта находка упрочивает предположение о византийской дипломатической активности на Балтике, но не может считаться прямым отражением *маршрута* русского посольства 839 г. Так или иначе, норманны и хазары оказывались в сфере интересов той общности, которую, Д.Д. Оболенский (1998) поименовал «Византийским содружеством наций»: «содружество сложилось в 30-40-е гг. IX в., и посредником в реализации этих трансконтинентальных интересов была начальная «варяжская» русь.

Эти интересы, застигающие все три «стороны» взаимодействия, сформировались как раз в эпоху Феофила, отступавшего под натиском арабов и искавшем союзников в Европе: естественным союзником представлялся Людовик Благочестивый: к нему (или его наследнику Лотарю) было отправлено посольство с упомянутым патриkiem Феодосием – византийский хронист (Продолжатель Феофана. С.286) замечает, что союз с франками состоялся бы, если бы не смерть главы посольства. Известно также, что распространение византийских принципиально отличалось от обращения дирхемов, основных платёжных средств в Восточной и Северной Европе IX-XI вв.: политику торгового протекционизма – запрета на вывоз драгоценных металлов Византия унаследовала от Римской империи; драгоценные металлы (ткани и т.п.) можно было вывозить лишь в качестве даров). Схожая ситуация наблюдается в Хазарии: византийские солиды VII-VIII вв. из хазарских погребений относятся к правлению тех императоров, которые искали союза с хазарами (против тех же арабов). Неясно, стремился ли Феофил (и его предшественники) способствовать укреплению Хазарии в борьбе с рвущимися на Балканы венграми (до них – болгарами), или надеялся на их выступление против арабов на Кавказе; так или иначе, крепости на Дону греками были построены.

Менее очевидна ситуация с выпадением византийских монет на Руси (и в Скандинавии): преобладают не драгоценные медные монеты (фоллисы), которые едва ли могли быть посольскими дарами. Конечно, они могли быть престижными знаками пребывания в Византии (для этой роли особенно показательными были привески), но в Гнёздове, в конце концов, оказались в культурном слое. Вне зависимости от исторической интерпретации феномен монет Феофила может свидетельствовать о двух обстоятельствах: во-первых, эти монеты сохраняли ценность на Руси и в X веке (в Византии монеты иконоборцев, к каковым относился Феофил, изымались из обращения); во-вторых, эпоха сложения Древнерусского государства и пути из варяг в греки в X в. не была оторвана от начального этапа русско-хазарско-византийских связей, о чем свидетельствует и распространение «заявленного» в 839 г. имени *русь* на это формирующееся государство.

Проблемой остаются начальные этап сложения путей – днепровского и донского. Как уже говорилось, византийские солиды известны в хазарских комплексах VII-VIII вв., загадочными остаются маршруты арабского похода Марвана в Хазарию в 737 г. Показатель-

но, что Марван в традициях политики халифата, начал боевые действия на византийской границе и лишь затем двинулся через Армению, разделив армию на две части: одна двинулась на Дербент, другая с самим Марваном через Дарьяльское ущелье к Самандару, где армии объединились и двинулись к столице каганата ал-Байда. вынудив кагана запросить мира и принять ислам (Новосельцев 1990. С. 183-186). Преследуя кагана, Марван достиг некоей «Русской реки», или «реки славян» (согласно автору X в. ал-Куфи): неясно была ли эта река низовьями Дона или Волги и кого из северных народов именовал арабских автор славянами – *ас-сакалиба* (Калинина и др. 2009. С. 158-163).

Литература

- Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Петрухин В.Я.* Восточные источники// Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Т. III. М., 2009.
- Калинина Т.М., Флёров В.С., Петрухин В.Я.* Хазария в кросскультурном пространстве. М., 2014.
- Леонтьев А.Е., Носов Е.Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X в. // Русь в IX-X вв. Археологическая панорама. Москва-Вологда. 2012.
- Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001.
- Мурашева В.В., Малышева Н.Н., Френкель Я.В.* Исследование прибрежной территории озера Бездонка на пойменной части поселения Гнёздовского археологического комплекса// Гнёздовский археологический комплекс Материалы и исследования/ отв. ред. С.Ю. Каинов. Вып. 1. М., 2018. С. 286-339.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. IV: Западно-европейские источники. Сост., пер. и комментарий А.В. Назаренко // М., 2010.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Оболенский Д.Д.* Византийское содружество. Шесть византийских портретов. Пер. А.В. Горизонтовой и др. М., 1998.
- Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / изд. подг. Я. Н. Любарский. СПб. 1992.
- Флёров В.С., Петрухин В.Я.* Экспедиция «Хазарский проект» и проблемы сохранения городищ каганата на Нижнем Дону// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Выпуск двадцатый. Азов, 2004. С. 172-189.
- Шевцов А.О.* Монеты императора Феофила (829–842 гг.) на территории Гнёздовского археологического комплекса //Российская археология, 2017, № 1, с. 141–149.

Шахматов А.А. Русская диалектология: лекции/ под ред. Б.А. Ларина. СПб. 2010.

Shepard Jh. The Rhos guests of Louis the Pious: whence and wherefore? // Early Medieval Europe. № 4(1). 1995. P. 41–60.

«Ехали хазары»: «этнические» версии одного балладного сюжета.

Речь пойдет о широко известном в восточнославянской традиции балладном сюжете о девушке, которую некие заезжие гости уговорили оставить родной дом и поехать с ними, пообещав красивую жизнь. Но слова своего они не сдержали и в конце концов девушку погубили.

Публикатор белорусских вариантов этой баллады П.В.Шейн полагал, что сюжет отражает действительный случай времен нахождения русских войск на границе польских и белорусских земель и впоследствии распространяется по «всей Великой и Белой Руси» [Шейн 1887: 492].

Анализируя версии о похищенной девушке в контексте восточнославянского корпуса балладных текстов, Ю.И.Смирнов объединяет их в два сюжета в зависимости от концовки: №76 «Чужеземцы (казаки, уланы и др.) сманили девушку, увезли и сожгли, привязав к сосне косами» и №77 «Чужеземец (казак, солдат и др.) увез шинкарку со всем добром, обобрал и бросил в воду» [Смирнов 1988: 35–36]. В обоих случаях судьба героини не завидна — она гибнет в огне или тонет (ее топят). Варианты со счастливым концом редки: так, К.В.Квитка приводит два варианта с Волыни (девушку от казака-гайдамака спасает брат) и один из Бердичевского уезда Киевской губернии (братья девушки убивают похитителей-ляхов) [Квітка 1926: 80–81, 93].

Что касается географии сюжетов, то параллельное бытование версий с сожжением или утоплением героини зафиксировано на обширной восточнославянской территории от Белозерья на севере до Карпат на юге и от западноукраинских и западнобелорусских земель до восточных регионов Украины и Белоруссии и южнорусских областей [см., например: Гринченко 1899: 266–268 (№ 526А, 526Б, 526В); Добровольский 1914: 398; Квітка 1926; Романов 1886: 84 (№ 33), 199 (№ 46), 431–432 (№ 180); Смирнов 1988: 35–36; Чикаленко 1896: 85–87; Шейн 1887: 345 (№ 411), 346 (№ 412), 346 (№ 413), 490–491 (№ 604), 491 (№ 605), 492 (№ 606); Liubchenko 2011: 226–227].

Героиней баллады может быть девица Галя (Гандзя, Гануся) или еврейка Хая (Хайка, Хаечка, Гайка, Рейзя), в связи с чем некоторые исследователи предлагают рассматривать «славянскую» и «еврейскую» версии баллады в качестве самостоятельных сюжетных типов [Liubchenko 2011: 226]¹.

Кто же является похитителями несчастной Гали/Хайки? Это может быть персонаж, названный по имени (Ясь Дембровский, Ивась Терновский, Иванко Чернецкий, Василенко, Ваня/Ванька, Ясь и др. [Liubchenko 2011: 228; Добровольский 1914: 398]) или собирательный образ «чужаков»-поезжан (казаки, гайдамаки, солдаты, гусары, уланы, молодцы, чужеземцы, турки, поляки / ляхи, «три волошина», русак, еврей).

Среди версий, где похитителями оказываются чужеземцы, обратим внимание на версию, записанную на востоке Киевской губернии, в Каневском уезде: согласно этой версии девушку похищают евреи.

Ой у поли, в поли
Корчомка стояла.
Та дрид-бом, та дрид-бом,
Тра-ра-ра-ра, ром, бим, бом!
А у тій корчомци
Хайка шынкувала;

А до тэйи Хайкы
Найихальжыдкы
Пыты та гуляты
Хайкыпидмовляты:
«Ой, йидь, Хайко, з намы,
З намы, молодцямы!»

Та й повезлы Хайку
Горамы, ярамы,
Та й доvezлы Хайку
До сынього моря.
«Хоч, Хайко, топыся,
Хоч назад верныся!»

---

¹ В. Любченко провел детальный анализ 30 украинских вариантов «Баллады о Хайке», записанных со второй половины XIX в. до конца XX в., определил географию сюжета, выделил основные мотивы и структурные элементы текстов [Liubchenko 2011: 226–227].

— «Ой, я утоплюся,
Назад не вернуся.
Нехай мойи косы
Тыхый Дунай носыть;
Нехай мойиногы
Та пойдяты сомы;
Нехай мойирукы
Та пойдятыщукы!» [Гринченко 1899: 267–268, №526].

Итак, заезжие «жыдкы»² сманивают корчмарку Хайку; таким образом, конфликт разворачивается в еврейской среде. До недавнего времени это была единственная из известных нам версий со столь очевидным «этническим» колоритом, где похитителями оказывались евреи.

В 2017 г. участниками экспедиции Школы филологических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в д. Спиридонова Буда Злынковского района Брянской области была записана баллада с зачином «Ехали хазары с Дона и до дома...»³. Информантка КНМ, 1942г.р., местная уроженка, предварительно показала собирателям тетрадку, на одной из страниц которой была наклеена вырезка из газеты «Брянские факты» с текстом баллады в рубрике «Любимые мелодии» (согласно вырезке, текст опубликован по просьбе жительницы пос. Свень Брянского района Г.П.Верховиной).

Во у нас была́ пёсня. [Поет:]

Ехали хазáры с Дóна и до дома,
Сговори́ли Га́лю по́ехать с собою.
Ой, ты Галя, Галя мо́лодая,
Сговори́ли Га́лю по́ехать с собою.

Едем, Галя, с нами, мудрыми жидами,
Будешь жить получше, чим у ро́дной мамы.

---

² Обратим внимание на то, что это не самоназвание гостей: далее они сами себя именуют «молодцами». В сходном варианте из Херсонской губернии в качестве похитителей фигурируют «трымолодци» [Чикаленко 1896: 86].

³ Фольклорный архив факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (<https://folklore.linghub.ru>), ID 507, записали Э.Г.Матвеева, Е.С.Очкасова.

Не слуша́ет ба́тьку Галя молодая,
На возу́ с жидами смело восседает.

Привезли́ те Галю пыльными путями
Кру́чимияра́ми, те́мными лесами.

Распинали Галю жирными руками,
Привязалибе́дну да к сосне́ коса́ми.

А под но́ги Гале хворост накидали,
О́тверху до ни́зусо́сну зажигали.

Со́сна догорает, Галя призывает:
«Ой, кто слышит-знает, пусть меня спасает!»

Казакі́ слышали, к лесу прискакали,
Жи́доўпоўбивали, Галю выручали.

У кого есьдо́чки, пусть тех учат точно,
С жадными жидами шляться не пускали. [Запись прерывается.]

Сговори́ли Галю по́ехать с собою. Ой, де́вочки. [Запись прерывается.]

В этом варианте на месте Хайки, похищенной соплеменниками, фигурирует «Галя молодая», которую похищают «хазары», в дальнейшем именуемые «жидами». Ее везут «пыльными путями, кру́чимияра́ми, те́мными лесами». «Хазары» не просто привязывают Галю к сосне, они «распинают» ее «жирными руками», и только появление казаков, которые «жи́доўпоўбива́ли», спасает Галю от гибели⁴. Баллада завершается моральной сентенцией: «У кого есьдо́чки, пусть тех учат точно,/ С жадными жидами шляться не пускали».

Брянский печатный вариант, вероятно, имеет общий источник с тиражируемым в интернете вариантом «Ой ти, Галю...», где похити-

---

⁴ Таким образом, перед нами еще один вариант с счастливой развязкой — героиня спасена.

телями также выступают «хозари»⁵. Сходство этих вариантов налицо, в чем можно убедиться, сравнив фрагменты текстов (брянский вариант скорее всего является русифицированной версией украинского текста: *Іхалихозарііз Дону до дому— Ехали хазáры с Дóна и до дома Єдем, Галя, с намі, с мудримі жидами— Едем, Галя, с нами, мудрыми жидами; Ростинали Галю масними руками— Распинали Галю жирными руками; Попід ноги Галі накидали хмизу— А под но́ги Гале хворост накидали; Казаки почули, до лісу майнули, Жидів порубали, Галю врятували— Казаки́ слыхали, к лесу прискакали, Жи доўпоўбивали, Галю выручали* и т.п.).

Эта интернет-публикация из серии «Развенчиваем мифы» имеет подзаголовок «Как хазары казаками стали» и сопровождается пояснением: «О том, как подменяли нашу культуру, а с ней и наше самосознание». В комментариях ведущий транслирует откровенно ксенофобский (антисемитский) конспирологический текст (с намеками на так называемый кровавый навет) о трансформации «настоящей» песни, определяя процесс изменения песенного текста как «способ одурачивания» массового слушателя и делая акцент на якобы «подменном» словом «казаки» слове «хазары». Из чего, вероятно, должно следовать, что все известные с XIX в. украинские, белорусские и южнорусские варианты, где фигурируют казаки, являются зловердной подделкой мифических хазар-евреев и имеют целью опорочить казацье сословие.

Отметим, однако, что известен еще один вариант баллады с упоминанием хазар, но без счастливой концовки. Кобзарь Василь Литвин исполняет текст, записанный от жительницы с.Гребені Кагарлыкского района Киевской области Сельветы Антоновны Назаренко, которая, спев балладу, сказала, что именно этот вариант является «правильным», что не казаки, а хазары являются похитителями Гали⁶.

---

⁵ Видеоролик Творческой студии «Импульс» «Развенчиваем мифы: Ой Ты, ГАЛЮ, Как хазары казаками стали» 2016. 23 авг. URL: <https://youtu.be/Fnd8D0Cqy4>.

⁶ Іхалихозари (народна пісня)— співаєкобзар Василь Литвин// ПодорожнійЗнахар: [канал на YouTube]. 2017. 11 апр. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MzCcZUoqMeg>. Текст воспроизведен с сохранением орфографии и строфики источника.

Їхалихозариіз торгу-розбою,
Підманули Галю— забрали з собою.
Ой, ти, Галя, Галя молодая,
Підманули Галю— забрали з собою.

«Дівчинонькогарна, поїхали з нами,
Кращетобі буде, як в рідноїмами!
Ой, ти, Галя, Галя молодая,
Кращетобі буде, як в рідноїмами!»

Галя спокусилась, на воза вмостилась—
Та й повезли Галю темними ярами.
Ой, ти Галя, Галя молодая,
та й повезли Галю темними ярами.

Стали спочивати в глибокім ярочку—
Там і оганьбиликозацькую дочку...
Ой, ти Галя, Галя молодая,
Там і оганьбиликозацькую дочку.

Розійшлись по лісі, назбиралихмизу—
Та й обклали сосну від гори до низу.
Ой, ти Галя, Галя молодая,
Та й обклали сосну від гори донизу.

Прив'язали Галю до сосни косами—
Підпалили сосну, поїхалисамі.
Ой, ти, Галя, Галя молодая,
Підпалили сосну, поїхалисамі.

Кричить Галя криком, кричить-репетує:
«Ой хто мене чує— нехай порятує!»
Ой, ти, Галя, Галя молодая,
Ой, хто мене чує— нехай порятує!

Сосна догорає, Галя примовляє:
«Ой, хтодочокмає, нехай навчає!»
Ой ти, Галя, Галя молодая,
Ой хтодочокмає, нехай навчає.

Навчіть, батько й мати, ой, з ким дочкам знатись,
а кого здалека треба обминати.
Ой, ти Галя, Галя молодая,
а кого здалека треба обминати.

Посетители ресурса оставляют свои комментарии (их более 740), из которых следует, что вариант с хазарами людям знаком. Ссылаются при этом на свидетельства своих предков: «Щепрабабця-переповідала, що НИХТО НІКОЛИ не співавїхаликозаки, лишехозари»⁷, «Моя бабуся тежспівала “хозари” і дужеважко переживала, коли чулавиконання “козаки”, казала, що з козаків хтозна кого роблять...». Вспоминают варианты, в которых фигурируют татары и предлагают лексические «реконструкции»: «Вариант татары я слышал от своей бабушки, а она от своей»; «З точки зору лексики, то “їхаликозаки”—цеспотворення від слова “кайсаки”—себтотатарськірозбійники»; «не хозари, а казари [далее рассуждения о древности Трипольской культуры и трипольцах как первонасельниках]». Но главное, что волнует публику, это установление «исторической правды»: «Коли я буламаленька, я почувалацуперекручену пісню. І подумала, як так, козаки не могли такого зробити з дівчиною? Як українці могли співати пісні, як наши предки знущалися над дівчатами?»; «Як я тішуся, щовирозказалиїстинноправдивуверсію цієї пісні. А як гидотно перекрутили її правдиві слова!»; «Про козаків якасьбрехня у цій пісні в радянському варіанті»; «Мне не всегда был понятен сомнительный смысл песни... Только сейчас стало понятно»; «Всегда чувствовал, что в этой песне что-то не так, теперь всё встало на свои места».

Характеризуя пісню про Галю як «перекручену», злонамеренно искажену польователи сети не склонны погружаться в стихию аутентичного фольклора (см. выше высказывание о том, что вариант с казаками является «советским»), интересоваться историей сюжета или сопоставлять варианты. Любопытно, как современное массовое сознание предпочитает оставаться в рамках традиционных стереотипов, поддерживая образ «страшного» этнического соседа.

Обратим внимание еще на такую деталь: многие украинские и белорусские варианты баллады, героиней которых является шинкаря Хайка, содержат припев, который представляет собой цепочку звуко-сочетаний, явно имитирующих (пародирующих?) еврейские нигуны

---

⁷ См. URL:<https://www.youtube.com/watch?v=MzCcZUoqMeg>. Здесь и далее тексты приводятся с сохранением авторской орфографии.

(мелодии-напевы без слов, особенно популярные в хасидской среде) [см.: Береговский 1962: 19–21]. Звукопись выступает здесь как своеобразный «этнический маркер»: «Ох вэй-дзон-дзон!» [Гринченко 1899: 266, №526А]; «Ой вей, вей, ой бом, бом!/ Та ну ну ну...» [Гринченко 1899: 267, № 526Б]; «Та дрид-бом, та дрид-бом,/ Тра-ра-ра-ра, ром, бим, бом!» [Гринченко 1899: 267–268, № 526В]; «Ой вей, вир бом, бом,/ Вир бом,/ Вир бом, Вир бом, Вир бом» [Чикаленко 1896: 85–87]; «Вей-вей, бом-бом, матулечказом-зом, тара— рира— бом— бом» [Романов 1886: 199, №46]; «Спалюбиў Ванька жидоўку Хайку, ой, вэй, вэйма, мамуля, ой, зон, зонна́, нанна́, жидоўку Хайку» [Добровольский 1914: 398]⁸.

Для придания текстам этнического колорита в припев могут включаться слова и словосочетания на идише: «Гей, гей, гут, гут!» (Борисовскийу. Минской губ.) [Шейн 1887: 490–491, №604]; «...тателе, мамеле, вусисдус? ах, вей, вей, вей, вей!» (Киевская губ.) [Демуцький 1905: 61–62, №113]; «Ой, вей, жыдовочка, ой джугкоханочка,/ За дрей шабаш, за дрейгугел, за дрей гой,/ Ой вей, тром, бом-бом!» (Александрийскийу. Херсонской губ.) [Материалы для этнографии 1916: 151, №181]; «Ой у полі, в полікоршомка стояла/ Ой, вей жидівочка, сугель, кугель, коханочка, та дрейсабаш, та дрейгугель,/ та дрейХаім, ром-бом-бом! (Бердичевскийу. Киевской губ.) [Квітка 1926: 90].

Что касается мелодии, то, как отмечает публикатор варианта из Могилёвской губернии, «мотив песни замечательно печальный, как бы похоронный» [Романов 1886: 199, № 46]⁹. При этом песня помещена публикатором в раздел песен «юмористических», что наводит на мысль о том, что использование «еврейской» мелодии здесь, возможно, имеет характер пародии. Исследователь мелодической структуры баллады о похищенной девушке К. В. Квитка также указывал на стилизаторскую функцию «еврейских» припевов, включенных в традиционные славянские балладные мелодии [Квітка 1926: 89–91, нотный пример на с.170].

Рассматриваемые нами варианты баллады с упоминанием евреев и хазар эту структурную особенность уже утратили, и «этническую окраску» сюжету придает лишь указание на национальность похитителей.

---

⁸ См. также примеры в: [Liubchenko 2011: 233].

⁹ В публикации отмечается, что аналогичные тексты записывались в Гомельском, Сенненском, Чериковском и Рогачёвском уездах.

У нас нет оснований не доверять тем, кто утверждает, что слышал от своих предков балладу о похищении девушки Гали хазарами. Проблема состоит в том, что большинство этих свидетельств не атрибутированы и не привязаны к какой-либо конкретной локальной традиции. В настоящее время песни, в которых действуют чужеземцы под этническими именами «хазары/хозары», «жыды», «жыдки» и чей образ иногда приобретает антисемитскую окраску, локализируются на брянско-черниговском пограничье, на юге Киевской и севере Черкасской областей Украины. Возможно, перед нами узколокальная версия баллады, текстологическое и «географическое» изучение которой еще предстоит (в частности, интересны будут – если будут найдены – варианты из регионов Нижнего Дона и Кубани, в фольклорной традиции которых тема взаимоотношений казаков и «хазар» отражена в местных преданиях).

Отметим еще один любопытный факт. В Сборнике Кирши Данилова (XVIII в.), первом в истории русской литературы собрании былин, исторических песен, скоморошин, есть уникальная песня «Там на горах наехали бухары»¹⁰, повествующая о прибытии некоего посольства, предводителю которого по имени Жинжа «дарят» девушку: «Привели ему, жиду, жидовочкухорошу...» [Сборник Кирши Данилова 1977: 213, № 60]. Припевом в этом тексте является глоссолагическое сочетание слов «весур, весур, валахтантарарахтарандаруфу», в котором исследователи видят следы еврейской, татарской, бурятской лексики [Горелов 1974: 192]. Именование гостей с востока «бухарами» и евреями («жидами») маркирует собирательный образ чужака и, возможно, как и в случае с сюжетом о похищении девушки «хазарами», указывает на векторность распространения данной песни.

Литература

- Береговский 1962 — *Береговский М.* Еврейские народные песни / под общ. ред. С.В. Аксюка. М., 1962.
- Горелов 1974 — *Горелов А.А.* Диффузия элементов устно-поэтической техники в Сборнике Кирши Данилова // *Русский фольклор.* Т. 14. Л., 1974. С.166–201.

---

¹⁰ Другие варианты этой песни неизвестны. Условно локализовать сюжет можно опираясь на предположения о возникновении Сборника Кирши Данилова в урало-сибирском регионе.

- Гринченко 1899 — *Гринченко Б.Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Вып.3: Песни. Чернигов, 1899.
- Демуцький 1905— *Демуцький П.* Народні українські пісні в Київщині. Ч.1. Київ, 1905.
- Добровольский 1914 — *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Квітка 1926 — *Квітка К.В.* Українські пісні про дівчину, що по мандрувала з зводителем // *Етнографічний вісник.* 1926. №2. С.78–107, 167–173.
- Материалы для этнографии 1916 — *Материалы для этнографии Херсонской губернии / собрал И.В. Бессараба.* СПб., 1916. (Сб. Отделения рус. яз. и словесности Имп. акад. наук; т. 94, №4).
- Романов 1886 — *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вып.1: Песни, пословицы, загадки. Киев, 1886.
- Сборник Кириши Данилова 1977 — *Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым / 2-е доп. изд. подгот. А.П. Евгеньева, Б.Н. Путилов.* М., 1977.
- Смирнов 1988 — *Смирнов Ю.И.* Восточнославянские баллады и близкие им формы. Опыт указателя сюжетов и версий. М., 1988.
- Чикаленко 1896 — *Чикаленко Е.* Лирнык Василий Мороз // *Киевская старина.* Т. 52. № 3. 1896. С. 79–87.
- Шейн 1887 — *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т.1: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. Ч.1. СПб., 1887.
- Liubchenko 2011 — *Liubchenko V.* Didactic Ballad of Haika: Some Approaches to the Question of Ukrainian-Jewish Bilingual Folklore // *Українська орієнталістика: Спеціальний випуск з юдаїки / під ред. В.Черноіваненка.* Київ, 2011. С. 225–242.

Ладога на трансъевропейских путях раннего средневековья.

Контакты северо-запада современной России, а в средневековье - северная часть Древней Руси в границах Новгородской и Ростово-Суздальской земель - с соседними странами весьма многообразны. В исторический период их объединяют периоды войн и союзнических отношений, экономические, политические, культурные и династические связи и многое другое.

Такие контакты отмечаются исследователями, начиная с эпохи поздней бронзы - раннего железного века.¹ На трассе так называемой «аландо-камской трубы» зафиксированы находки акозинско-меларских топоров-кельтов. Не прерывались они и в последующие периоды. Так, уже в первой половине VIII века фиксируются сакрально-культурные связи двух субконтинентов, простирающиеся от Приуралья на востоке до Швеции на западе. В частности, на этом пространстве зафиксированы находки поясов и их деталей так называемого «неволинского типа», характерного для погребений Прикамья конца VII – VIII в. н.э.² За пределами Предуралья они встречены в воинских и достаточно богатых мужских погребениях на территории Финляндии, Эстонии, а в Швеции такая находка обнаружена в королевском кургане в Старой Уппсале.³ Кстати сказать, в Прикамье такие пояса встречены, в основном, в женских захоронениях. Устойчивые контакты указанных регионов подтверждаются и другими категориями находок – стеклянными бусами и гривнами «глазовского» типа, которые служили в качестве одного из платежных средств на

---

¹ *Мейндер К.Ф.* Проблема происхождения финно-угров по данным археологии // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М., 1974. С. 25-28; *Кузьминых С.В.* Меларские кельты Восточной Европы: к проблеме происхождения // Древности славян и финно-угров. Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 16-22 мая 1986 г. СПб., 1992. С. 46-52; *Kuz'minykh, S.* Osteuropäische und Fennskandische Tüllenbeile des Mälartyps: ein Rätsel der Archäologie // *Fennoscandia archaeologica*. 13. Helsinki, 1996. SS. 3-27.

² *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990; *Голдина Р.Д., Голдина Е.В.* Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (к 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. Киров, 1997. С. 5-23.

³ *Мейндер К.Ф.* Биармы // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 36-37; *Callmer J.* The beginning of the East-European trade connections of Scandinavia and the Baltic Region in the eighth and ninth centuries A.D. // *Internationale Konferenz über das Frühmittelalter*. Szekszard, 1989. S. 19-51.

территории Балтийского региона.⁴ Но особенно отчетливо эти связи проявились в конце I – начале II тыс. н.э.

Ещё до недавнего времени история Руси периода первых князей не была предметом специального исследования, поскольку за этим периодом надолго закрепилось понятие «таинственный» IX век. Отчасти это верно, поскольку археологические памятники этого периода крайне немногочисленны, территориально разобщены и не образуют четкого «пласта древностей IX века». Практически все пункты, отражающие контакты раннего периода, сосредоточены в регионе северо-западной России, а в то время — Северной или Верхней Руси. Вместе с тем, на территории Восточной Европы известно значительное число синхронных им памятников - кладов восточных монет-дирхамов, которые датируются первым и вторым периодами обращения арабских монет на территории Восточной Европы (по периодизации Р.Р. Фасмера), т.е. IX столетием в целом, и являются, по мнению исследователей, достаточно чуткими показателями интенсивности, направлений и уровня связей Руси с внешним миром. По территории Верхней Руси проходили трассы торговых путей - волжско-балтийского и днепровского. Именно Волга стала той магистралью, по которой на Русь, в страны Балтики и Северной Европы поступало монетное серебро - главный предмет восточного импорта в Восточную Европу, лишенную собственных рудных запасов. К рубежу VIII - IX вв. арабское серебро из государств Переднего Востока через Северный Кавказ, Хазарию и Булгар стало активно поступать в пределы Северной Руси.

Функционирование Волжско-Балтийского или Великого Волжского («из Варяг в Арабы») и Балтийско-Днепровского («из Варяг в Греки») путей явилось, наряду с расселением восточных славян в лесной зоне Восточной Европы, одним из основных факторов, способствовавших образованию Древнерусского государства.⁵ При этом, по мнению исследователей, первый выполнял, главным образом, тор-

---

⁴Фехнер М. В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X— XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43. М.: Советская Россия, 1967. С. 55–88; Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. ... С. 11-13; Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна Чепца в эпоху средневековья. Ижевск: Удм. ИИЯЛ; УрО РАН, 1998; Зеленцова О.В. О ранней дате и месте гривен глазковского типа в древностях поволжских финнов // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 314-322..

⁵Дубов И.В. Великий Волжский путь в истории Древней Руси // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999. С. 88-93; Мельникова Е.А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999. С. 80-87; Носов Е.Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157-170; и др.

говые функции, в то время как второй, Днепровский, играл роль военно-политической артерии.

В районе Ладоги система восточноевропейских речных магистралей смыкается с западной ветвью морских торговых путей, сформировавшихся в VII - VIII вв., здесь же пересекались оба важнейших пути Древней Руси - это и определило особую роль Ладоги в первые века русской истории. Возникший в середине VIII века полиэтнический торгово-ремесленный поселок Ладога стал своеобразными «воротами», через которые проходило движение арабского серебра в Балтийский регион.⁶ О роли, которую играло поселение в низовьях Волхова в европейской торговле серебром, говорит тот факт, что после пожара, происшедшего около 860 г. и зафиксированного на стыке горизонтов E₂-E₁ Ладоги, одновременно, примерно на десятилетие, прерывается поступление серебра в Швецию и на о. Готланд.⁷ Во второй половине IX века число находок восточных монет на о. Готланд и в Швеции возросло в 8 раз по сравнению с предшествующим периодом, что свидетельствует о том, что на смену даням и эпизодическим контактам пришла регулярная и прямая посредническая торговля Руси и Скандинавии,⁸ без всякого сомнения, через Ладогу. Колебания поступления дирхамов в страны Балтики четко коррелируются с летописными событиями политической истории Руси: «варяжская» дань - изгнание варягов - призвание Рюрика - уход последнего в Новгород - поход на Киев и др.

Становление торговых связей со странами Востока началось в 70-80-е гг. VIII в. и определялось потребностью населения Восточной и Северной Европы в серебряной монете и серебряном сырье для ремесленной деятельности. В районе Старой Ладоги находится одно из трех скоплений ранних монетных кладов — четыре клада VIII-IX вв. Первые клады восточных монет появляются практически одновременно на территории Северной Руси и Северной Европы (Ладога, 786 г.; Туне, Швеция, 784 г.). Древнейший клад Восточной Европы, обнаруженный в Ладоге, отражает начало регулярного притока куфических монет на континент. В древнейшем ярусе построек горизонта E₃ Ладоги найден и самый ранний дирхам чеканки 699/700 г., который фиксирует время поступления арабского серебра в пределы Северной

---

⁶Мачинский Д.А. Ладога — древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу» // Старая Ладога – древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003. С. 11-35.

⁷Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X-XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.

⁸Noonan T.S. The Vikings in the East: Coins and Commerce // Birka Studies. Vol. 3. Stockholm, 1994. P. 225-226.

Руси — 50-60-е гг. VIII века.⁹ Всего в настоящее время в Ладоге зафиксировано полтора десятка находок ранних умайядских и аббасидских монет 738-788 гг. чеканки.

Уже в первый период обращения дирхамов (до 833 г.) количество кладов, обнаруженных преимущественно на территории будущей Новгородской земли, значительно превышает число кладов в Скандинавии (где обнаружено всего 3 клада), что свидетельствует об ориентации на внутренние потребности Руси в серебряной монете, а не о транзитном характере ввоза дирхамов в этот период.¹⁰

Открытые торгово-ремесленные и военно-административные поселения, такие как Ладога в низовьях Волхова, Рюриково Городище под Новгородом, Гнёздово близ Смоленска, Тимерёво под Ярославлем и др., составляли единую систему центров и путей и играли основную роль в распространении среди местного населения предметов восточного импорта, прежде всего монетного. Нумизматический материал, полученный в результате раскопок памятников эпохи раннего средневековья, позволяет сделать вывод о более широком распространении монетного серебра на территории Древней Руси, чем об этом свидетельствуют материалы кладов. Для русского денежного обращения раннего средневековья характерна тесная связь внутреннего обмена с внешней торговлей - источником поступления общего для Восточной и Северной Европы средства платежа и обмена. Попадая компактными массами на обозначенные выше поселения, монеты затем перемещались на отдаленные рынки в результате местного или территориального обмена - путем постепенного перехода от одного местного рынка к другому. Памятниками таких интенсивных и многоступенчатых торговых операций являются клады длительного накопления, в том числе денежно-вещевые. В эти операции было втянуто разноязыкое население территорий, по которым пролегали пути. Результатом таких торговых операций было распределение в памятниках различных видов артефактов, связанных с торговлей или функционированием торгово-ремесленных поселений с полиэтничным населением.

Рост политического и экономического могущества Древнерусского государства в первой половине X столетия, сопровождавшийся развитием ремесла, городов, торговли, увеличением объема и количе-

---

⁹Седых В.Н. Монетные находки в Старой Ладоге и возможности археолого-нумизматического исследования // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В.И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб., 1994. С. 46 - 47.

¹⁰Янин В.Л. Русские денежные системы IX-XV вв. // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С.364-375.

ства торгово-денежных сделок, привел к насыщению восточноевропейского денежного обращения куфической монетой, что вызвало ее усиленный транзит на Запад, главным образом в Швецию - через Ладогу или по Западной Двине.¹¹ При этом необходимо отметить определенные черты сходства в экономическом развитии Скандинавских стран и Руси, в их денежном обращении. Это, прежде всего, отсутствие собственных источников серебра, основные разновидности иностранных монет, использовавшихся в обращении, близкие метрологические системы и т.п. Состав находок куфических монет вкладах Швеции и Восточной Европы, в первую очередь Северной Руси, свидетельствует не только о сходстве в составе Д.о., но и о существовании тесных русско-скандинавских связей.¹²

Вклад скандинавов в формирование материальной и духовной культуры Северной и шире - Древней Руси - общепризнан. В литературе достаточно обоснованно разработана периодизация этапов развития русско-скандинавских отношений,¹³ начиная с первых контактов в середине VIII в. (Ладога), до XIII столетия, характеризующегося внешнеполитическими столкновениями феодальных государств. Ранние контакты происходили, прежде всего, в дружинной среде и засвидетельствованы погребальными памятниками Ладоги, Гнёздова, Тимерёва и Киева. Археологические материалы фиксируют скандинавов и их семьи в числе постоянных жителей ранних городов, торгово-ремесленных и военно-административных центров Руси. Происходивший в них торговый и торгово-ремесленный обмен включал в себя различные виды продукции: керамику, ремесленный инструментарий, украшения, оружие и пр. Обмен на этом уровне начинается уже в середине VIII в., о чем свидетельствуют материалы Ладоги,¹⁴ достигая максимума к середине X века. При этом различаются уровни трансляции культурных достижений, имевшие конечной целью взаимовлияния и взаимообогащения культур Древней Руси и ее непосредственных соседей - стран Прибалтики и Скандинавии. Необходимо отметить, что большинство технико-технологических заимствований, фиксирующихся на торгово-ремесленных поселениях и в древнерусских городах, было следствием непосредственного общения русских

---

¹¹ *Лотин В.М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX-XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. IX-XX вв. Л., 1970. С. 67; *Даркевич В.П.* Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 389.

¹² *Лотин В.М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX-XII вв.) ... С. 65-66.

¹³ *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.

¹⁴ *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. Пер. с нем. / Общ. Ред. Е.А. Мельниковой. М., Прогресс, 1986. С. 189-297.

ремесленников и купцов с живыми носителями иных культурных традиций. Результатом таких контактов являются известные уже в значительном числе находки «вещей-гибридов», представляющих собой орнаментально и конструктивно сплав мотивов и элементов Севера, Запада и Востока.¹⁵ На всех перечисленных выше крупных поселениях найдены клады арабского серебра и другой восточный импорт, предметы общевалтийского круга древностей и скандинавского происхождения.

Появившись в Ладогe в середине VIII в., т.е. с самого начала становления торговых путей в Северной Руси, скандинавы на протяжении почти трех столетий принимали активное участие в международной торговле, поставив целью продвижение и закрепление вдоль основных водных артерий, которые вели к источникам серебра и местным пушным рынкам. Постепенно скандинавы проникли вглубь территории Руси вплоть до Волго-Окского междуречья, где их присутствие зафиксировано уже для начала IX в. в материалах Сарского городища.¹⁶

Увеличение торговой и политической активности скандинавов в IX-X вв. засвидетельствованы письменными источниками - русские летописи, сообщения восточных авторов и скандинавские саги, а также археологическими и нумизматическими данными. Археологические исследования последних десятилетий обогатили отечественную науку рядом новых категорий источников - берестяные грамоты, клинковая эпиграфика, ведущим специалистом по которой является А.Н. Кирпичников, а также новая категория, имеющая археолого-нумизматическое происхождение - граффити на монетах, преимущественно на куфических.¹⁷ Впервые в значительном числе они были зафиксированы на монетах крупнейшего клада IX столетия для Восточной Европы - Тимерёвского под Ярославлем. Эта находка послужила толчком для активизации изучения монетного материала в стране. В настоящее время граффити на монетах происходят из погребений VIII-XI вв., в том числе из погребений X в. Гнёздовского и Киевского некрополей, а также из материалов крупнейших археологических комплексов (Новгород, Гнёздово, Тимерёво) и кладов арабского серебра IX-XI вв.¹⁸ Основные типы граффити на восточных мо-

¹⁵ Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги ... С. 277.

¹⁶ Леонтьев А.Е. Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища // Скандинавский сборник. 26. Таллин, 1981. С. 141-149.

¹⁷ Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., Издательство Ленинградского университета, 1990.

¹⁸ Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.

нетах представлены в материалах Руси, преимущественно из района балтийско-волжского пути, и Скандинавии, являясь показателями теснейших русско-скандинавских экономических и культурных связей. В целом, эти находки характерны для огромной территории Северной Европы. Граффити на монетах - явление интернациональное, значение их многообразно, и, безусловно, надо ожидать пополнения этой новой категории источников в будущем.

Согласно письменным источникам, подтвержденным и дополненным данными археологии, после непродолжительного периода, сопровождавшегося выплатой дани заморским варягам, конфедерацией северных племен был приглашен на княжение Рюрик. По сведениям древнейших авторитетных и не отредактированных списков летописей, «сел» Рюрик в Ладоге / Альдейгъе, которая, очевидно, уже была столицей некоего раннегосударственного образования, возглавляемого этносоциумом «рус / рос» в предшествующий период и где находилась резиденция правителя, принявшего титул «хакана» франкских Бертинских анналов.¹⁹ Призванный князь укрепляет Ладогу, затем, вскоре, переносит столицу зарождающегося государства к истокам Волхова, на Городище. Одновременно ведётся борьба за обладание торговыми путями, строительство крупных военно-торговых поселений. При этом, очевидно, была разрушена установившаяся в предшествующий период система даней и торговли. Все эти события и деяния сопровождались дестабилизацией обстановки в государстве, которая нашла, как представляется, своё отражение в нумизматическом материале.

Монетные клады - памятники, отражающие состав денежного обращения, направление экономических, политических, культурных связей определенной страны в определенный период, являются своеобразными регуляторами нормального функционирования товарного рынка.²⁰ Возникновение синхронных или близких по времени «резервных фондов», переход обращающейся монеты в неподвижное сокровище можно объяснить, при наличии иных причин, двумя основными - сильные общественные потрясения (войны, междоусобицы, народные восстания, вражеские нашествия), имевшие следствием этих потрясений захирение, угасание экономической жизни государ-

---

¹⁹ *Мачинский Д.А.* Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. Сборник статей. СПб., 2002. С. 5-38.

²⁰ *Рябцевич В.Н.* Некоторые вопросы тезаврации сокровищ // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1970. С. 150-161.

ства (уменьшение количества товаров, замедление скорости их обращения, упадок деятельности рынка и потребности его в деньгах) и, напротив, оживление деятельности рынка, развитие товарно-денежных отношений.

Значительное внимание проблеме восточноевропейских кладов восточных монет уделено в исследованиях американского нумизмата Т.С. Нунана.²¹ Ссылаясь на опубликованные Т. Нунаном данные, А.Н. Кирпичников в ряде статей²² характеризует период 860-880-х гг. как время роста торговой активности и расширения международной торговли, что выразилось в неуклонном росте монетных поступлений на территорию Восточной Европы в период, совпадающий с деятельностью основателя новой династии князя Рюрика.

Часто воспроизводимая в литературе таблица времени и количества выпавших в Восточной Европе кладов по периодам свидетельствует, что в период 860-879 гг. количество выпавших кладов значительно увеличилось: именно в эти годы было захоронено более половины всех дирхамов, зарытых в Восточной Европе в период между 780 и 899 гг.

Клады этого периода преимущественно состояли из аббасидских дирхамов и

содержали небольшое количество умайядских дирхамов и монет других династий (Идрисидов, Хараджидов, АлидовТабаристана и др.).

При этом анализ композиций кладов этого периода показывает, что многие из дирхамов, импортированных в Восточную Европу до времени правления Рюрика, ещё долго оставались в обращении. Так, в крупнейших кладах (Тимерёво, Любынь, Шумилово, Погребное,

---

²¹Noonan T.S. 1) Ninth century dirham hoards from European Russia: A preliminary analysis // Viking-Age Coinage in the Northern Lands. Ed. M.A.S. Blackburn and D.M. Metcalf. Oxford: BAR, 1981, pp. 47-117; 2) The first major silver crisis in Russia and the Baltic, c. 875 – c. 900 // Hikuin, 11 (1985): 41-50; 3) Fluctuations in Islamic trade with Eastern Europe during the Viking Age // Harvard Ukrainian Studies, 16 (1992): 237-259; 4) Viking-Age dirham hoards from Eastern and Northern Europe // A Survey of numismatic research, 1990-1995, ed. by Cécile Morrisson and Bernd Kluge (Berlin: International Numismatic Commission, 1997), 751-759; 5) The impact of the Islamic trade upon urbanization in the Rus' lands: the tenth and early eleventh centuries // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient [Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997], édités par M.Kazanski, A.Nercessian et C.Zuckerman (Réalitésbyzantines 7), Paris: Lethielleux, 2000, 379-393; 6) НунанТ.С., КовалевР.К.Клад 873/74 гг. изЛюбыни: войнызахоронениекладоввэпохуРюрика // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26-29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 152-156; и др.

²²Кирпичников А.Н. 1) Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28-29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 9-35; 2) Великий Волжский путь и эпоха торговой революции // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Болгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». Часть II. Казань, 2002. С. 188-217.

Бобыли, Хитровка) почти все эти старшие дирхамы были импортированы в Восточную Европу до эпохи Рюрика. При этом сравнение состава восточноевропейских кладов этого периода с составом кладов с Ближнего Востока с убедительностью показывает, что они различны.²³ Так, известный клад 878/79 гг. из Сузы (Иран) содержал в своем составе 90 % дирхамов, отчеканенных в 860-870-х гг. То есть, в 860-870-е гг. на Ближнем Востоке обращалось совсем немного старых дирхамов. Таким образом, большинство старых дирхамов, бывших в обращении в Восточной Европе во времена Рюрика, попало туда до 860 года, в период предшествующих интенсивных русско-исламских торговых связей.

Военно-политическая нестабильность в эпоху Рюрика способствовала тому, что накопленные ранее дирхамы стали попадать в землю. Клады этого периода зафиксированы: *на основной государственной территории* -

Новгород, 864 г.

Рюриково городище, два клада 860-х гг.;

на путях, контролировавшихся, очевидно, сторонниками Рюрика -

Панкино, 863 г.

Иловец, 864 г.

Потерпильцы, 866 г.

Москва, 866 г.

Супруты, 866 г.

Торопецкая округа, 867 г.

Шумилово, 871 г.

Кузнецкое, 870-е гг. и др.;

в военно-торговых и военно-административных центрах, основанных в этот период (например, три тимереvских клада 860-х гг.).

Кроме того, учитывая существовавшую в Восточной Европе традицию помещения серебра в землю с целью сбережения сокровищ,²⁴ можно предположить, что в число кладов, отражающих след-

---

²³Седых В.Н. 1) Северная Русь в эпоху Рюрика по данным археологии и нумизматики // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 84-96; 2) Клады эпохи Рюрика: свидетельства активной международной торговли или сильных общественных потрясений? // Восточная Европа в древности и средневековье. Время источника и время в источнике. XVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Герентьевича Пашуто. Москва, 14-16 апреля 2004 г. Материалы конференции. М., 2004. С. 180-187; 3) Клады эпохи Рюрика: археолого-нумизматический аспект // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11-15 апреля 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2005. С. 106-107.

²⁴Дубов И.В., Седых В.Н. О возможных причинах сокрытия кладов восточных монет в Древней Руси и Скандинавии // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26-29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 11-14.

ствии этих бурных событий, должны быть включены сбережения, не востребованные, не изъятые из-за тревожной обстановки, но спрятанные в землю до ее наступления, т.е. в период, предшествующий событиям 860-х гг. К таким кладам очевидно, примыкают клады, обнаруженные на Западной Двине – Даугаве, датируемые по младшей монете временем до призвания Рюрика -

Ахремцы, 852 г.

Гробин, 853 г.

Соболево, 857 г.

и эпохой Рюрика

Лучёсы, 862 г.

Витебская губ., 866 г.

Лифляндская губ., 872 г.²⁵

Как и так называемый «среднеокский» сгусток кладов -

Растовец, 864 г.

Борки, 867 и 869 гг.

Мишнево, 869 г.

Гручино, 860-е гг.

Острогов, 870 г.

Хитровка, 873 г.

Железницы, 878 г. - клады по этой водной магистрали - Западная Двина - Даугава - обязаны своим появлением, вероятно, поискам новых вариантов торговых путей зарождающегося государства.

Ладожский клад дирхамов с младшей монетой 847 г., исходя из стратиграфического анализа, также был спрятан, по данным О.И. Давидан, очевидно, не ранее чем с уровня горизонта E₁, т.е., начиная с 860-х гг.²⁶

Вспышкой военных действий, «...которые нарушали картину нормального, равномерного и довольно редкого невостребования кладов» объясняют В.А. Булкин и Д.А. Мачинский появление двух «сгустков» кладов (волго-балтского и среднеокского) в период 862-878 гг.²⁷

Очевидно, что беспокойное время отразилось, и в другом виде памятников - в погребальных древностях. Именно к эпохе Рюрика на Руси относятся первые скандинавские погребальные комплексы -

²⁵Марков А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910; Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

²⁶Мачинский Д.А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси ... С. 5-38.

²⁷Булкин В.А., Мачинский Д.А. Русь конца VIII – начала X вв. на балто-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне. (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 14.

курган № 95 могильника Костино в юго-восточном Приладожье, курганы Кусцинского, курган Ц-2 и № 47 Лесной группы в Гнёздово, некоторые курганы могильника Новосёлки под Смоленском и ранние курганы Тимерёвского могильника.

Таким образом, эпоха Рюрика может быть охарактеризована как время обращения огромного количества дирхамов, поступивших в пределы Восточной Европы до 860 года, и интенсивных столкновений в землях, включаемых в состав молодого государственного образования. Именно всё это стало причиной появления больших кладов, подобных кладам из Тимерёва, Любыни и др.

На всех восточноевропейских «виках» IX-X вв. найдены клады восточного серебра, предметы общебалтийского круга древностей и скандинавского происхождения. В настоящее время среди разнообразной посуды комплексов, определяемых как скандинавские, к последним однозначно могут быть отнесены глиняные сосуды определенной формы²⁸ и сосуды из жировика (стеатита), находки которых зафиксированы в материалах Гнёздова, Старой Ладogi и Киева.

В настоящее время сосуды с загнутым внутрь округлым венчиком в незначительном числе выявлены в материалах ярославских могильников, курганов юго-восточного Приладожья, Плакуна, Лесной группы Гнёздова, в слоях Тимерёво, Рюрикова и Сарского городища. В Ладoge эта керамика представлена единичными экземплярами в древнейших слоях Земляного городища - в горизонтах E₃₋₁ (1-я треть IX в.) и E₁ (2-я пол. IX в. - 1-я четверть X в.) и в слоях 1-й половины и 3-й четверти X в. в раскопе на Варяжской улице.²⁹

Как и в Швеции, где такие сосуды составляют группу местной керамики (einheimische Keramik),³⁰ на Руси сосуды этого типа имеют наибольшее распространение в период с четвертой четверти IX столетия до 1000 года, т. е. в период, когда скандинавы стали проживать в означенных центрах постоянно.

На трассах торговых путей возникло большинство раннесредневековых городов и торговых факторий, которые одновременно были и военно-административными, и ремесленными центрами с разноэтничным населением. Подобно Тимерёво под Ярославлем, они могли не располагаться непосредственно на берегах морей, рек или озер. Из

²⁸Седых В.Н. Об одной группе лепной керамики на памятниках Древней Руси // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001. С. 153-158.

²⁹Сениченкова Т.Б. Об одном типе керамики из Старой Ладogi // Ладoga и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Материалы чтением. СПб., 1998. С. 49.

³⁰Selling, D. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955: 166-174, 226.

восточноевропейских пунктов выделяются Ладога в нижнем течении Волхова, предшественник Новгорода - Рюриково городище в ее истоке и Гнёздово близ Смоленска в верховьях Днепра.

Упомянутые открытые торгово-ремесленные и военно-административные поселения составляли в древности единую систему торговых центров и международных путей и входили в особое североευропейское полиэтническое культурно-экономическое сообщество, объединявшее в VIII-XI вв. страны Балтийского моря.³¹ В рамках данной «Балтийской цивилизации раннего средневековья» налаживается устойчивый товарообмен, основанный на единой системе средств денежного обращения - на раннем этапе - арабские дирхамы, позднее - немецкие и английские денарии. Процесс градообразования в Древней Руси стадийно и исторически был связан с североευропейским, скандинавским.³² В восточноевропейских «виках» начинается на Севере проповедь христианства, присутствуют христианские общины. Возможно, первым археологическим свидетельством проникновения христианства в район Ладоги является находка кувшина типа «Татингер» с изображением креста в погребении скандинавского могильника в урочище Плакун. Ближайшие аналогии таким кувшинам известны в некрополе шведской Бирки. Их находки, по мнению некоторых скандинавских исследователей, связаны с деятельностью первых христианских миссионеров в Северной Европе.

Необходимо подчеркнуть специфику появления древнейших городских центров на севере Руси. Как подчеркивали В.Л. Янин и Е.Н. Носов «отнюдь не случайно развитие государственности на берегах Волхова привело к образованию феодальной боярской республики, в то время как в Южной Руси сложились более авторитарные формы правления».³³

Само расположение Северной Руси на окраине славянского мира, откуда открывались выходы к торговым центрам Балтики и на богатые пушниной просторы Северной и Северо-Восточной Руси, ключевое расположение на перекрестке важных международных торговых путей Восточной Европы определило характер сельского рассе-

---

³¹ Лебедев Г.С. Скандинавская и Русь в историко-культурном процессе раннего средневековья Европы (VIII-XI вв.) // Европа — Азия: Проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 7-23.

³² Куза А.В. Древнерусские поселения // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 39-104.

³³ Янин В.Л., Носов Е.Н. Археологическое изучение городов Северной Руси (итоги и перспективы) // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского Археологического съезда. Т. 1. Новосибирск, 2006. С. 91-93.

ления и особенности формирования городов. В отличие от юга, ранние города Северной Руси рождались преимущественно не постепенно, как главные поселения сельских районов, а вместе с ними, формируя прилегающие к ним округи.

Уже отмечалось, что одним из важных факторов формирования раннегородских центров Верхней Руси являлось прохождение по её территории крупных торговых и военных путей средневековья. У наиболее сложных участков водных путей - у порогов, близ волоков, в местах раздвоения рек на рукава - возникали поселения, которые контролировали участки пути и обеспечивали их безопасность. Некоторые из таких торгово-ремесленных поселений перерастали в города.

Маршруты торговых путей четко отмечаются находками отдельных кладов и их скоплениями. Повторюсь, именно скопившееся в Восточной Европе серебро побудило скандинавов двинуться вглубь восточноевропейского континента по основным водным путям с целью поставить под свой контроль эти пути и связанные с ними рынки сбыта серебра и пушнины. Однако у истоков восточной торговли стояли не скандинавы - она была определена экономическими потребностями населения Восточной Европы и мусульманского мира на исходе VIII века. Территория будущей Новгородской земли оказалась, благодаря своему выгодному географическому положению, втянутой в балтийско-волжскую торговлю с самого начала своего становления.

Для Ладоги, основанной в середине VIII века, с момента основания была характерна ориентация на внешние связи, развитая ремесленная деятельность, отсутствие значимой сельской округи, полиэтничный состав населения. Ладога представляет собой один из путей формирования древнерусского города и сопоставима с аналогичными ранними торгово-ремесленными поселениями Балтики, такими как Хедебю, Риббе, Бирка и др.

Становление путей сопровождалось созданием наднационального единого экономического пространства в масштабах значительной части Евразии на основе единой денежно-весовой единицы - исламского дирхама. Начало функционирования путей традиционно относят к 70-80-м гг. VIII века, однако в настоящее время накопились данные, свидетельствующие о более раннем движении дирхамов (закрытые комплексы Больше-Тиганского могильника, клад 745/746 г. из Калининграда, дирхамы первой половины VIII века в комплексах погребений и поселения в Бирке, Швеция и др.). Ни в одном древне-

русском городе не встречено такого количества ранних умайядских и аббасидских дирхамов, как в Ладоге. Кроме того, в составе кладов 1-го периода обращения дирхамов (до 833 года) монеты середины VIII века составляют 10-12 %, что может указывать на их прибытие в Восточную Европу вскоре после чеканки.

К настоящему времени опубликовано огромное количество разнообразной литературы о Ладоге - научных монографий и статей, путеводителей, рекламных проспектов и пр. При этом археология «младшего брата» Ладоги - Великого Новгорода - отражена в специальной библиографической литературе.³⁴ Представляется, что пришло время создать собственную библиографию *Археологии Ладоги*.

---

³⁴ *Археология Новгорода*. Указатель литературы, изданной с 1917 по 1980 г. / Под ред. В.Л. Янина, сост. П.Г. Гайдуков. Вып. 1. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. 223 с.; *Археология Новгорода*: Указатель литературы. 1981–1990 гг. Дополнения к указателю за 1917–1980 гг. / Сост. П. Г. Гайдуков. М.: Славия, 1992. 120 с.; *Археология Новгорода*: Указатель литературы. 1991–1995 гг. Дополнения к указателям за 1917–1990 гг. / Сост. П. Г. Гайдуков. Новгород, 1996. 84 с.; *Археология Новгорода*: Указатель литературы. 1996–2000 гг. Дополнения к указателям за 1917–2000 гг. / Сост. П. Г. Гайдуков. Великий Новгород, 2007. 95 с.; *Археология Новгорода*: Указатель литературы. 2001–2010 гг. / Сост. Т.А. Данько, М.Ю. Рябова, Э.Н. Белоножка, П.Г. Гайдуков, А.А. Кудрявцев / отв. ред. член-корр. РАН П.Г. Гайдуков. М., 2017; *Археология Новгорода*. Указатель литературы. 2011–2015. Дополнения к указателям за 1917–2010 гг. М.: Институт археологии РАН, 2019. 176 с.

Роль Волжской Булгарии в трансконтинентальной торговле в X—XII вв.: от Ладоги до Оби.

Волжская Булгария традиционно считается важнейшим транзитным пунктом и контактной зоной Востока и Запада в период X—XII вв. Господствует мнение, что «с начала X в. основной международный рынок, место встречи разноязыких торговцев, постепенно перемещается в Волжскую Болгарию, с падением Хазарии окончательно утвердившей свое первенство и к концу столетия ставшей основным партнером Руси в восточной торговле» [Леонтьев, Носов, 2012, с. 384, 386, 397, рис. 4]. Пиком активности торговых сношений признается X столетие. В основном, за этим тезисом скрываются многочисленные нумизматические находки и денежные клады арабских дирхемов, которые были обнаружены на обширной территории от Скандинавии до Прикамья.

Тезис об особой торговой роли Волжской Булгарии в истории Восточной Европы в той или иной степени продвигался с начала XIX в. российскими учеными востоковедами и казанскими любителями-коллекционерами и стал, практически, аксиомой в научных и научно-популярных штудиях в первой трети XX в. Первым обоснованно доказал роль волжских булгар в торговых контактах в средневековой Восточной Европе на основе не случайных сборов подъемного материала, а стационарных раскопок Болгарского городища и комплексного анализа археологических и исторических материалов, советский археолог А.П. Смирнов [Смирнов, 1951, с. 35-52]. Серьезную фактологическую базу на основе археологического материала, изученного с позиций современной науки, тема болгарской торговли получила в 80-х- 90-х гг. XX в., благодаря многолетним исследованиям Е.П. Казакова на археологических памятниках низовий Камы. Материалы с них были обобщены ученым в начале 1990-х гг. [Казаков, 1991]. Монографически тема болгарской торговли была изучена Р.М. Валеевым в середине 1990-х гг. [Валеев, 1995].

Особое внимание сюжет о торговых связях волжских булгар получил в начале 2000-х гг. в связи с подготовкой празднования сначала 1000-летия Казани (2005), а затем Елабуги (2007) в Татарстане. Казанские ученые единодушно поддержали идею о том, что именно

торговля стимулировала развитие урбанизации и социально-экономических процессов в Волжской Булгарии. При этом, акцент делался на внешнюю торговлю, преимущественно, международную. Торговля внутренняя привлекала внимание в меньшей степени. Только в начале XXI в. последняя частично была проанализирована на материале ювелирных изделий [Руденко, 2011; Руденко, 2015]. Ряд моментов, связанных с ближней торговлей булгар с финскими народами был затронут в исследовании о материальной культуре Волжской Булгарии [Руденко, 2007, с. 69-75].

Масштабные раскопки болгарских памятников во второй половине XX в. способствовали накоплению фактов о торговых и экономических связях Волжской Булгарии. Так о болгаро-русских контактах фундаментальное исследование провела М.Д. Полубояринова [Полубояринова, 1993]. Роль Булгарии в балтийско-волжской торговле охарактеризовал И.В. Дубов в своей монографии [Дубов, 1989, с. 149-160]. При этом исследователи отмечали вариативность торговых маршрутов от побережья Каспийского моря и до Балтийского [Леонтьев, Носов, 2012, с. 396, 400]. Не осталось без внимания и находки болгарских изделий X в. в Ярославском Поволжье. [Ярославское, 1963].

Как правило, отмечалось движение монет и некоторых категорий артефактов с Востока на Запад. Впрочем, был и обратный ход изделий из Северо-Западных земель Древней Руси в Поволжье через волжских булгар, правда, менее очевидный. Это, например, железные клепаные котлы IX – XI вв., которые, как отмечал Г.А. Архипов, были частой находкой в древнемарийских могильниках этого периода [Руденко, 1997, с. 122-129; Архипов, 1973, с. 58, рис. 72: 4-7, табл. П]. Аналогичные изделия встречаются в Приладжье в X в. [Старая, 2003, с. 114, кат. 416]. Эта тенденция для Марийского Поволжья сохранилась и в последующее время в XII в. [Архипов, 1986, с. 57, 58, рис. 49: б], хотя железные котлы в этот период активно вытесняются медными, болгарского производства.¹ Вероятно, сохранение тради-

---

¹Отметим, что, характеризуя болгарский импорт XI – XIII вв. исследователи часто включают в него изделия не болгарского происхождения или артефакты золотоордынского времени [Макаров, 2010]. В связи с этим стоит сказать, что после монгольского завоевания Волжская Булгария как суверенное государство перестало существовать, что повлекло за собой довольно быструю интеграцию этой территории в экономику формирующейся монгольской империи. Материальная культура последней в ведущих областях производства в Булгарской области Золотой Орды стала господствующей к концу XIII – началу XIV в. Правильнее было бы обозначать артефакты этого периода как золотоордынские, а не болгарские.

ций использования железных котлов в погребальной практике средневековых марийцев отчасти было стимулировано уже не болгарским, а русским влиянием [Никитина, 2010, с. 42].

Стоит заметить, что некоторые обобщающие выводы, родившиеся на основе археологических данных конца XX в., требуют в настоящее время корректировки. Так, например, гипотеза о поступлении ранних восточных стеклянных бус на древнерусские поселения севера и северо-запада Древней Руси (Белое озеро, Приладожье) через волжских болгар [Захаров, Кузина, 2012, с. 29] базируется на подъемном материале с одного болгарского памятника – Семёновского I селища, датирующегося второй половиной X – началом XI в. [Казаков, 1991, с. 18,20,30]. Этот тезис нуждается в более веских доказательствах. Как и гипотеза о Волжской Булгарии как поставщике медного сырья и других цветных металлов, поступавших транзитом в эту страну с Алтая, Камы и Урала. Утверждается, что «по Великому Волжскому пути металлы и их сплавы распространялись по всей территории Древней Руси» [Цветные, 2008, с. 161,162]. Малое количество анализов состава металла, собственно болгарских изделий [Зайцева, 2010], на наш взгляд, не позволяет однозначно поддержать эту идею.

Роль Волжской Булгарии в торговых сношениях с Прикамьем, северными территориями и с Зауральем в X – XII вв. до сих пор остается до конца не ясной, хотя многие из ученых, в силу традиции, утверждают, что с X в. или даже раньше, волжские болгары монополизировали торговлю с Западным Приуральем [Леонтьев, Носов, 2012, с. 401]. Можно сказать, что это предположение не совсем верно, поскольку не учитывает этнокультурную ситуацию в это время в Волго-Уральском регионе.

Транзитная роль Волжской Булгарии в трансконтинентальной торговле в X в. очевидна. Но другие аспекты внешних контактов болгар, в темпоральном отношении остаются исследованными недостаточно. Это касается тех же вопросов торговли, только в восточном от Булгарии направлении. В.П. Даркевич, опубликовавший свод находок средневекового художественного металла на территории Восточной Европы, зафиксировал факт того, что в Приуралье и Зауралье основной массив исламских изделий проникает в IX – X вв. [Даркевич, 1976, с. 147-150, 164,165, табл. III, 51]. Б.И. Маршак выделил группу болгарской торевтики из Зауралья, которая, по его мнению, соединяла в декоре отдельные элементы языческих воззрений и исламской художественной традиции, в первую очередь, стилизованные арабо-

графичные надписи [Маршак, 1996, с. 13-16]. Это предположение дало возможность дифференцировать исламский импорт художественного металла и подражаний ему. Последнее приписывалось волжским булгарам уже в X в. Данный тезис в настоящее время нуждается в существенном уточнении, что отмечалось в литературе ранее [Руденко, 2007, с. 94-98, рис. 120-122]. Дело в том, что нет никаких доказательств, учитывая достаточно обширный материал, происходящий с болгарских поселений X – XI вв., что такие изделия вообще могли быть произведены в Булгарии в это время.

Импорт восточной тореvтики из стран Центральной Азии и Ирана в Приочье, Поветлужье и на север Западной Сибири был приоритетным, хотя и более поздним – со второй половины X в., и, особенно, в первой половине XI в. Причем, путь восточных товаров через Волжскую Болгарию в Югру был не единственным. Это хорошо известно по более поздним сведениям, зафиксированных и в письменных документах [Таиров, 1995, с. 8-9]. Исследователи предполагают, что многие маршруты сложились здесь еще в дорусскую эпоху Сибири [Татуров, Тихонов, 1995, с.142-144]. Примечательно и то, что в этот период болгары преимущественно вели торговлю с поволжскими финнами. Находки восточной тореvтики (здесь речь не идет о ювелирных изделиях) в землях камских финнов (бассейн Чепцы и Пермского Прикамья) единичны и встречены в составе кладов и ни разу в погребениях [Иванов, 1997, с. 129, 130, рис. 44, 45].

Трансфер предметов восточной тореvтики и драгоценных тканей, а также какой-то части стеклянных бус, шедших через землибулгар, по сути, ограничивалась по большей части Марийским Поволжьем. Здесь спросом пользовались небольшие чаши, изготовленные из сплава цветных металлов с высоким содержанием олова –из т.н. «белой бронзы» [Руденко, 2000]. Они распространялась как на Средней Волге, так и в Зауралье практически одновременно [Маршак, 1996, с. 19, кат. 57,58]. Была востребована и бытовая металлическая посуда, в основном медные котелки, как болгарского производства, так и центральноазиатские, хорошо известные в кладах XI в. на Урале и в Зауралье [Руденко, 1997; Архипов, 1973, рис. 72: 1,2; Федорова, 1981]. Впрочем, медные походные котелки, наряду с медными или бронзовыми кувшинами, из стран ислама известны в странах Северной Европы по находкам в кладах, как минимум, с IX в.

Таким образом, на Запад через волжских булгар в X – начале XI в. транзитом шел монетный восточный металл, какая-то часть тореv-

тики и украшений. К Северо-Востоку от Булгарии – художественный металл был в приоритете.

Возникает вопрос и о посредниках транзитной болгарской торговли. Судя по сведениям письменного источника – «Записках» Ахмеда ибн Фадлана секретаря арабского посольства к болгарам в 922 г., посреднические функции перевозки части товаров до Булгара осуществляли хорезмийцы. Этот же автор упоминает у болгар руссов, которые у них имели становище, включая языческое капище [Ковалевский, 1956, с. 125, 143, 144]. Исследователи, чаще всего ассоциируют фадлановских руссов с варягами-скандинавами [Херрман, 1986, с. 67-73]. Не меньше оснований считать их и смешанными славяно-скандинавскими группами, часть которых образовалась в результате переселения семей скандинавов в русские земли [Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986; Лебедев, 2005, с. 483].

Насколько стабильными были контакты болгар и руссов установить в настоящее время нет возможности. Находки северных вещей на Средней Волге единичны – 1) фрагмент фибулы типа «Борре» на поселении Красная Речка-I в Ульяновской области [Руденко, 2007, с. 205, рис. 94: 4], 2) равноплечная фибула на территории Булгарского городища в подъемном материале, датируются X – XI вв., а то и позже. Из раскопок происходит только краснореченская кольцевая фибула, сохранившаяся фрагментарно. Она была обнаружена на 1-м штыке в слое пашни. Поселение предварительно датировано X – XI вв., однако, судя по описанию находок, артефактов X в. не было выявлено [Вискалин и др., 1989, с. 100, рис. 1; Семькин, 2002, с. 248, 249]. Отметим, что фибула типа «Борре» бала обнаружена на городище Идна-кар и датирована концом IX – второй половиной X в. Предположение А.Г. Иванова, что она попала на Чепцу от болгар не имеет убедительных доказательств [Иванов, 1997, с. 139, 140].

Из случайных сборов происходят бронзовые наконечники ножен мечей (2 экз.) того же времени, как и сами мечи (5 ед.), найденные в разных местах. Как отмечал А.Н. Кирпичников, связать их именно с варягами-руссами однозначно невозможно (Кирпичников, Измайлов, 2000, с. 211). Попытки трактовать эти находки как свидетельство некой варяжско-болгарской или даже «наемной» дружины варягов-руссов, а пояса с бронзовой гарнитурой из раннеболгарских могильников как доказательство «дружинной культуры» у болгар чуть ли не с IX в., как это делает И.Л. Измайлов [Измайлов, 2022, с. 288-305], не корректны. Исследователями отмечается, что далеко не все пояса с

бронзовым гарнитуром у славян и финнов в Восточной Европе являются принадлежностью дружинников [Зайцева, 2015, с. 197-198].

Также не выдерживает критики отождествление одного кремационного погребения с согнутым мечом обнаруженным в с. Балымери в Спасском районе современного Татарстана в конце XIX в. со скандинавами X в. Обряд кремации, широко распространенный в VIII – XI вв. не только в Северной Европе, но и в Восточной Европе, в том числе и у соседей болгар – мордовских и рязано-окских племен IX – X вв. У них известны и находки каролингских мечей, некоторые из которых, происходящие из кремационных погребений, были согнуты. Вещей скандинавского происхождения там нет [Шитов, 1992, с. 117; Шитов, 1994]. В.Н. Шитов связывал появление в X – XI вв. в Причье-мечей с усилением контактов с Древней Русью [Шитов, 1994, с. 48]. Кстати, на Оке исследованные подкурганные захоронения с кремацией, датированные концом X – началом XII в. Они связаны, как считают исследователи, с Волго-Клязьминским междуречьем, без какого-либо скандинавского влияния [Зеленцова, Милованов, 2015, с. 133].

В публикациях И.Л. Измайлова не раз говорится о «варяжском» Балымерском могильнике якобы состоявшем из 25 курганов, из которых раскопано 15, в числе последних и вышеупомянутое захоронение с мечом [Измайлов, 2022, с. 291, 292]. Говорить о его принадлежности к варягам-викингам и, в целом, о существовании этого курганного могильника, что является историографической традицией времени открытия кремации с мечом, преждевременно, пока не опубликованы материалы всех этих курганов. Приведенные в Отчете Императорской археологической комиссии за 1893 г. [Лихачев, 1891; ОАК, 1895, с. 95-97] «признаки» погребений вполне соответствуют характеристике почвы на коренной террасе Волги на этом участке [Руденко, 2001]. Кроме того, анализ опубликованных сведений, с привлечением всех известных данных по археологическим памятникам в селе Балымери и его окрестностях, позволяет заключить, что «курганы» располагались на месте поселения именьковской культуры включавшего городище «Шелом» и пять селищ [Археологическая, 1986, с. 24-25, №№ 102-107], что объясняет находки фрагментов лепной посуды, углей и костей в культурном слое и т.н. «курганах».

Само по себе, балымерское кремационное захоронение может быть и славянским, и местным финским. Оснований считать его скандинавским, нет, как и связывать его каким-либо образом с описанием похорон русса в Рисале Ахмеда ибн Фадлана. В целом, отметим,

что ссылки на датировки артефактов, найденных в землях волжских болгар, тех же самых мечей каролингского типа, стеклянных бус и т.п. по скандинавским и западноевропейским аналогиям, требуют корректировки. Бытование их, судя по имеющимся стратиграфическим материалам по раскопкам болгарских поселений, часто не совпадает с периодом изготовления и использования этих артефактов в Северной и Западной Европе. Так, например, об этом писал В.Н. Шитов по отношению к каролингским мечам в мордовских захоронениях X в. [Шитов, 1994, с. 45, 46].

Говоря о болгарской торговле, в первую очередь, о производстве болгарских изделий, шедших на экспорт, остается не разъясненным один важный момент – когда волжские болгары и в каком виде это осуществляли. Что касается собственно болгарских изделий и их импорта, то крупных болгарских ремесленных центров до второй половины X в. у болгар не было (до 965 г. они были в подчинении у хазарского кагана) [Руденко, 2022б]. Возникшее на рубеже IX – X вв. поселение в Мало-Иерусалимском овраге на территории Болгарского городища, видимо, ставшего в дальнейшем исходной точкой для развития города Булгара, было небольшим по площади, но при этом вовлеченным в торговые сношения, если судить по нумизматическому материалу, обнаруженному в жилых постройках. При этом следов какой-либо ремесленной деятельности на нем не было выявлено [Старостин, 2007]. Впрочем, подавляющая часть находок уже на самом Болгарском городище, относится к ордынскому времени [Город, 2008]. Говорить о особой роли города Булгара в XI в. в волжской торговле, как крупнейшем транзитном пункте в Восточной Европе на пути восточной и византийской торговли [Захаров, Кузина, 2012, с. 32], опираясь только на находки стеклянных изделий некорректно, тем более, что большинство их обнаружено не в Булгаре, а на территории Билярского городища, продукция ремесленных мастерских и торговых рынков которого в XI в. вытеснила ремесленников Булгар как с внутреннего, так и с внешнего рынков, сосредоточив у себя и поступления импортных товаров. Это подтверждают и находки из раскопок последнего десятилетия.

Булгарские торгово-ремесленные поселения в приустьевой части Камы – Семеновское, Измерское, а в Центральном Закамье – П Билярское, развивались во второй половине X в. Е.П. Казаков подчеркивает особое значение Измерского селища, определяя время расцвета второй половиной X – первой половиной XI в. (точнее, 70-

ми гг. X в. – 80-ми гг. XI в.), и сравнивая его с торгово-ремесленными поселениями типа Гнёздово и Бирки [Казаков, 1999; Казаков, 2000; Казаков, 2002, с. 57]. Масштаб и статус вышеперечисленных поселений на тот момент вероятно, были различными, поскольку имеющийся с этих памятников подъемный материал датируется в широких рамках – до начала XIII в.

Негородских поселений, на которых обнаружен нумизматический материал X в. немного: II Билярское, Толкишское, Остолоповское, Семеновское, Измерское, Маклашеевское, возможно, Русско-Урматское. Это целые дирхемы и их обрезки второй половины X – первой половины XI в., включая и монеты собственно болгарской чеканки. Нумизматический материал этого периода, в основном монеты восточные, выявлен на городище Казанский кремль и Булгарском. Западноевропейские монеты XI в. встречены на селищах Головкинском и Измерском [Казаков, 1991, с. 29,30, табл. II]. Отметим, что с середины X в. в кладах на территории Восточной и Северной Европы начинают встречаться дирхемы, отчеканенные булгарами, и они же в могильниках муромского Поочья и Поветлужья, в последнем случае, это средневековые марийские некрополи – Дубовский и Русенихинский [Леонтьев, Носов, с. 396; Федоров-Давыдов, 1984; Мухометшин, Гомзин, 2018].

Анализ материалов с ряда таких поселений показал, что основа их экономического существования — это внутренний обмен в болгарском государстве. Импорт дорогих предметов, таких как глазурованная восточная керамика, поделки из янтаря, полудрагоценных камней, стеклянных изделий и т.п. в сельскую местность в XI – XII вв. осуществлялся опосредовано, через рынки больших городов, о чем свидетельствуют, например, находки с Остолоповского селища, расположенного в центральной части болгарского государства [Руденко, 2002; Руденко, 2008].

Определенную группу находок составляют изделия имеющие аналогии в древнерусских северо-западных землях, в первую очередь в Приладожье, в том числе и на Старой Ладогe в горизонте X в. Это женские металлические украшения северных типов – браслеты, шумящие зооморфные привески, предметы торгового инвентаря, костяные расчески и гребни, некоторые виды костяных копоушек [Старая, 2003, кат. 129,166,178,203, 205,217,263, 264].

Продукция болгарских мастерских, экспортировавшаяся булгарами к поволжским финнам и в меньшей части к камским финнам во

второй половине X – начале XI в., на сегодняшний день определена Е.П. Казаковым. По его мнению, это пояса с бронзовым гарнитуром и поясные сумочки с бронзовыми деталями [Казаков, 2003, с. 39; Казаков, 2012, с. 55, рис. 2; Археология, 2008, с. 78, рис. 64]. По данным материалов Мининского археологического комплекса [Археология, 2008, с. 87-93, рис. 76, 77], такие пояса распространялись на Русском Севере не позднее начала XI в., хотя их соотнесенность с болгарским производством пока не доказана [Захаров, Кузина, 2012, с. 30]. Как показало изучение состава металла поясных накладок из Тимеревского могильника, сырье для их изготовления было неоднородным [Седых, Френкель, 2015, с. 225-227], поэтому в этом случае вряд ли они выпускались одной серией. Показательно, в этой связи, что кузнечная продукция волжских болгар, по результатам исследований В.И. Завьялова, у прикамских финнов практически отсутствовала [Завьялов, 2005, с. 159].

Высказано мнение, что прекращение массового производства бронзовой поясной гарнитуры мастерскими Волжской Болгарии в первой половине XI в. привело к прекращению использования поясов с такими украшениями и деталями в русских землях и даже в Скандинавии [Зайцева, 2015, с. 198]. Тезис этот надо доказать, поскольку, когда и что выпускалось болгарскими ремесленниками пока не установлено. Необходимо вносить поправки исходя из хронологии собственно болгарских древностей.

Активно болгары торговали бытовой медной посудой, как правило, котлами собственного производства и медным ломом [Руденко, 1992]. Причем география распространения этих артефактов на территории древнерусских княжеств весьма широка – от Чернигова и Киева на западе, до Новгорода и Белоозера на севере и Рязани на юге [Археология, 2008, с. 73,74, рис. 54, 55; Захаров, 2004, рис. 128]. В Приочье восточный импорт до последней трети X в. поступал через хазар. У последних были связи и с древнерусскими землями.

Стимулом для развития торговли населения Среднего Поволжья с Востоком было функционирование Великого Сибирского пути из Южной Сибири в Волго-Камье, являвшегося торговой магистралью, аналогичный Великому шелковому пути [Кызласов, 2007; Руденко, 2020]. По Сибирскому пути к болгарам во второй половине XI в. проникли из Южной Сибири, скорее всего, вместе с носителями, изделия аскизского круга древностей [Кызласов, 1983; Кызласов, 2018, с. 233, 234]. За несколько десятилетий болгары освоили производство ре-

плик и подражаний таким изделиям [Руденко, 2021; Руденко, 2022]. Причем, начиная с последней четверти XI в., производство их развивалось в Волжской Булгарии достаточно автономно, что можно объяснить регулярными половецкими вторжениями [Руденко, 2022а]. Тенденция к автономизации ряда производств, в том числе и изделий аскизского круга, сохранилась и в XII в., хотя, судя по всему, контакты по трассе Великого Сибирского пути продолжались.

В чем-то взаимоотношения волжских булгар и половцев напоминали половецко-русские отношения [Моргунов, 2012, с. 62-71], правда вином масштабе и ином контексте. Что касается реплик аскизских изделий, производившихся булгарами в конце XI – XII вв., они получили широкое распространение в самой Булгарии, а также попадали в земли соседних народов – удмуртов, марийцев, пермяков, и врусские княжества, правда в последнем случае, в основном, уже в XII - XIII в., отражая, во многом, новый этап их существования в Восточной Европе [Археология, 2008, с. 30,31, рис. 16: 9; Кызласов, 2010].

Со второй половины XI в. половецкие набеги вызвали перерыв в булгарской восточной торговле, вероятно, в связи с блокировкой сухопутных путей [Руденко, 2022а], что отразилось даже на составе погребального инвентаря средневековых марийских некрополей [Никитина, 2012, с. 43]. Движение по сухопутным торговым магистралям на Среднюю Волгу на протяжении XI– XIV вв. функционировало очень неровно, о чем можно судить по поступлению предметов восточного художественного металла [Руденко, 2019].

Таким образом, с X в. волжские булгары были вовлечены в транзитную международную торговлю Востока и Запада. При этом, товарные потоки перенаправлялись в двух направлениях – на северо-запад (Русь и Северная Европа) и на север и северо-восток (Марийское Поволжье и Прикамье). В первом случае это монетное серебро, иногда вместе с украшениями. Во втором – преобладала торевтика. Прямое участие посредников, например, варягов (руссов), в торговле с Северной Европой, пока не имеет весомого археологического подтверждения в булгарских древностях. Отдельные предметы северного происхождения имеют широкий контекст. Они, как и каролингские мечи, могут говорить лишь о перманентных контактах булгар с северными народами и Русью. Сообщение Ахмеда ибн Фадлана (922 г.) фиксирует факт сезонного пребывания руссов в землях булгар, но о их посреднических функциях у него ничего не говорится. Руссы, по

его сведениям, прибывали к булгарам со своими товарами, платили налог и отбывали далее. О пребывании их у булгар свидетельствуют немногочисленные находки болгарской керамики X в. в Верхнем Поволжье, Нижнем Поочье и Белоозерье [Коваль, 2010, с. 187]. Ничего не сказано у Ахмеда ибн Фадлана и о контактах руссов и булгар в других сферах, кроме торговых. Само по себе это было маловероятным по причине политической зависимости булгар от хазарского кагана до середины 960-х гг. С концом эпохи викингов и начавшимся «серебряном кризисе» фактически прекращается движение товаров через булгар в Северную Европу и северо-западные русские земли.

Иная ситуация сложилась в болгарской торговле на северном и северо-восточном направлении от Волжской Булгарии. Здесь предметы восточной торевтики достигали конечного пункта в близких от булгар территориях, населенных марийцами, мордвой и муромой. Эти товары обменивались на меха. Путь был более коротким и здесь булгары выступали как непосредственные участники торговых операций. В начале X в. до пределов Булгарии партии товаров доставлялись, чаще всего хорзмийцами, через земли гузов, печенегов и башкир и затем выкупались болгарскими торговцами, направлявшими их на пограничные с Булгарией торжища. По этой же схеме поступали к булгарам товары и по Великому Сибирскому пути в середине XI в. из Южной Сибири. Отметим, что восточный импорт, в первую очередь, чаши из «белой бронзы», в X – XI вв. через булгар не направлялся в Предуралье на Каму. В Зауралье, в первую очередь на север Западной Сибири, он шел непосредственно из стран Востока.

Развитию ситуации, отчасти, способствовало и то, что со второй половины XI в. из-за половецких вторжений в Волжскую Булгарию эти товары перестали поступать регулярно. Булгары стали компенсировать это собственной ремесленной продукцией, в частности медной бытовой посудой, керамическими изделиями, в меньшей степени изделиями кузнецов и ювелиров. Изменился и вектор направления торговых сношений. Это, в первую очередь, Прикамье, где булгары столкнулись с сильнейшей конкуренцией русских купцов, сначала новгородцев, а затем и суздальцев. С последними булгары с переменным успехом, соревновались и в Посурье, в землях мордвы и обугаризированных буртас.

Кроме того, булгарам был доступен обширный рынок Владимиро-Суздальской земли, чем они, судя по археологическим материалам, активно пользовались, вплоть до монгольского нашествия. Од-

ной из статей болгарского импорта в русские княжества этого региона была поливная керамика, привозившаяся в Болгарию из Центральной Азии и Ирана и художественное стекло Востока, которые активно завозились с XII в. [Коваль, 2010, с. 188, 190-192, рис. 65].

Торговые отношения болгар с Прикамьем смели свою специфику, поскольку импорт сюда ювелирных болгарских изделий, как и медной посуды, не имел смысла, ввиду того, что в Предуралье, в частности Пермском Прикамье функционировали собственные ремесленные центры, выпускавшие многочисленную продукцию по качеству не уступающую болгарской, а временами и превосходившую ее [Подосёнова, 2021].

На протяжении почти 300 лет волжские болгары выполняли роль связующего звена в глобальной системе торговли в западной части Евразии, причем характер торговых связей и функций Волжской Болгарии менялся в зависимости от изменений происходивших у самих болгар в политике и экономике, а также от масштабных кризисов, будь то истощение запасов серебра или вторжение с востока кочевников-половцев. Примечательно, что огромный поток монетного серебра, шедшего транзитом через болгарские земли в X в. существенного влияния на развитие собственно болгарских экономических ресурсов не оказал. Только лишь во второй половине X в. – начале XI в. ситуация стала меняться.

Литература

1. Археология северорусской деревни X – XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере в 3 т. Т.2 Материальная культура и хронология / Ред. С.Д. Захаров. М.: Наука, 2008. 265 с.
2. Археологическая карта Татарской АССР: Зап. Закамье. Часть 1 / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1986. – 112 с.
3. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское гос. изд-во, 1973. 196 с.
4. *Архипов Г.А.* Марийцы XII–XIII вв.: (к этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1986. 114 с.
5. *Валеев Р.М.* Волжская Болгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII вв. Казань: Фест, 1995. 158 с.
6. *Вискалин А.В., Ледяйкин В.И., Семькин Ю.А.* Работы экспедиции Ульяновского пединститута в 1987-1988 годах // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1989. С. 98-100.
7. Город Болгар. Культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

8. *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока, VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 199 с.
9. *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. 259 с.
10. *Завьялов В.И.* История кузнечного ремесла пермян. Археометаллографическое исследование. Ижевск: УИЯЛ УрО РАН, 2005. 244 с.
11. *Зайцева И.Е.* Цветной металл Волжской Болгарии: предварительный анализ // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / Отв. редакторы: Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль ; сост. В. Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 116 – 139.
12. *Зайцева И.Е.* Детали поясной гарнитуры из Шекшова в Суздальском Ополье // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Н.А. Макарова / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.-Вологда: Изд-во «Древности Севера», 2015. С. 184–198.
13. *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: «Индрик», 2004. 592 с.
14. *Захаров С.Д., Кузина И.Н.* Торгово-экономические отношения Руси и Волжской Булгарии (по материалам средневековых памятников Русского Севера) // Русь и Восток в IX – XVI веках. Новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 28–35.
15. *Зеленцова О.В., Милованов С.И.* Курганный обряд погребения в Нижнем Приочье в эпоху Средневековья // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Н.А. Макарова / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.-Вологда: Изд-во «Древности Севера», 2015. С. 122–134.
16. *Иванов А. Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: (конец V - первая половина XIII в.). Ижевск: УИИЯЛ, 1998. 308 с.
17. *Измайлов И.Л.* Средневековые булгары: становление этнополитической общности в VIII – первой трети XIII века. Казань: ИИ АН РТ, 2022. 736 с.
18. *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.
19. *Казаков Е.П.* Торгово-ремесленные поселения булгар X–XI вв. и Северо-Восточная Европа // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. Материалы Междунар. симпозиума / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 1999. С. 101–107.
20. *Казаков Е.П.* Измери – главный торговый пункт Волжской Болгарии (конец X – XI вв.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары // Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 87–99.
21. *Казаков Е.П.* О волжско-булгарском компоненте в системе древностей Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. История формирования и развития. Материалы Круглого стола. Часть II. Казань: АН РТ, 2002. С. 53–62.
22. *Казаков Е.П.* Проблемы взаимодействия волжских булгар с Волго-Окскими финнами в IX – XII вв. // Уваровские чтения – V: материалы научной конференции, посвященной 1140-летию Муромы / Науч. ред. Т.Б. Купряшина,

- Ю.М. Смирнов. Муром: Стерх, 2003. С. 38-42.
23. *Казаков Е.П.* Поясные накладки волжских болгар из Танкеевского могильника и Измерского селища // Русь и Восток в IX – XVI веках. Новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 53-61.
  24. *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / Общ. ред. Е. А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. С. 189-297.
  25. *Кирпичников А.Н., Измайлов И.Л.* Каролингские мечи из Болгарии (из фондов Государственного объединенного музея Республики Татарстан) // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 207-218.
  26. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и коммент. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956. 347 с.
  27. *Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси IX-XVII века. М.: Наука, 2010. 269 с.
  28. *Кызласов И.Л.* Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. // М.: Наука, 1983. 128 с. (Археология СССР. Свод археол. источников. Вып. ЕЗ-18).
  29. *Кызласов И.Л.* Великий Сибирский путь в судьбе России // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2007. Т. II. С. 63-71.
  30. *Кызласов И.Л.* Особенности появления аскизских изделий в Европе в XIII – XIV вв. // Русь и Восток в IX – XVI веках. Новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 139-162.
  31. *Кызласов И.Л.* Новое в жизни Восточной Европы в XI – XII веках (Влияние Великого Сибирского пути, открытое археологией) // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева. М.: ИА РАН, 2018. С. 228-250.
  32. *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 639 с.
  33. *Леонтьев А.Е., Носов Е.Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII – X в. // Русь в IX – X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.-Вологда: Изд-во «Древности Севера», 2012. С. 383-401.
  34. *Лихачев Н.П.* О двух фельсах, найденных около сельца Балымер, Казанской губернии // Записки восточного отделения императорского русского археологического общества, т.V. Спб., 1891. С. 105-110.
  35. *Макаров Н.А.* Русь и Волжская Болгария на Севере // Русь и Восток в IX – XVI веках. Новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 7-18.
  36. *Маршак Б.И.* Сокровища Приобья // Сокровища Приобья. Каталог выставки / Ред. Б.И. Маршак, М.Г. Крамаровский. СПб.: Формика, 1996. С. 6-44.
  37. *Моргунов Ю.Ю.* Древняя Русь и кочевники Причерноморья // Русь и Восток

- в IX – XVI веках. Новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 62-75.
38. *Мухаметшин Д.Г., Гомзин А.А.* Нумизматический материал из Русенихинского могильника // Археология Евразийских степей. 2018. №3. С. 242-255.
39. *Никитина Т.Б.* Древнерусские вещи в марийских могильниках IX – XI вв. // Русь и Восток в IX – XVI веках. Новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 36- 43.
40. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1893 год. СПб., 1895. 122 с.
41. *Подосёнова Ю.А.* Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: Перм. федерал. исследоват. центр УрО РАН, 2021. 210 с.
42. *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X-XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.
43. *Руденко К.А.* Булгарская бронзовая посуда и торговые пути средневековья // Путь из Булгара в Киев / сост., отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. С. 78-86.
44. *Руденко К.А.* Металлические котлы из финно-угорских археологических памятников Поволжья и Приуралья V - XIV вв. н. э. (вопросы происхождения, использования и назначения) // Финно-угроведение / гл. ред. К. Н. Сануков. Йошкар-Ола: МарНИИИ, 1997. № 2. С. 122 — 129.
45. *Руденко К.А.* Металлические чаши VIII — XI вв. из Среднего Поволжья // Древности Окско-Сурского междуречья / отв. ред. В. В. Гришаков. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т, 2000. С. 69-81 (Вып. 2).
46. *Руденко К.А.* Исследования археологических памятников у с. Балымери в 1996-1998 гг. // Вопросы древней истории Волго-Камья / отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. С.70-77.
47. *Руденко К.А.* Волжская Болгария в системе торговых путей средневековья (по материалам раскопок Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана) // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Болгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь», Казань-Астрахань-Казань, 6-16 августа 2001 г. / отв. ред. М.А. Усманов Часть II, Казань: ИИ АН РТ, 2002. С.31-52.
48. *Руденко К.А.* Волжская Болгария, Северо-Восточная Русь и Прикамье: проблемы исследования этнокультурных контактов и взаимовлияний в XI-XIV вв. (по археологическим материалам) // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье / ред. Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: НИИЯЛИ, 2004. С.105 — 115 (Археология и этнография Марийского края. Вып. 27).
49. *Руденко К.А.* Волжская Болгария в XI- начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: «Школа», 2007. 244 с.
50. *Руденко К.А.* К вопросу о торговле на Нижней Каме в XI – XII вв. (по материалам Остолоповского селища) // Камский торговый путь. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Елабуга, 26-27 апреля 2007

- года / ред. А.М. Каримуллин, Н.Г. Валеев, И.В. Корнилова, А.З. Нигамаев. - – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. С. 23 – 30.
51. Руденко К.А. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Том I. Казань: Заман, 2011. 256 с.
52. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
53. Руденко К.А. Динамика торговых связей Волжской Булгарии и Булгарской области Золотой Орды с Востоком (по материалам торевтики) // Азак и мир вокруг него: Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Е. Е. Мамичев. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2019. С. 192-194 (Донские Древности. Вып. 12).
54. Руденко К.А. Великий Шелковый путь и Булгарский улус Золотой Орды: пути культуры // Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии: материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Рах Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды», круглого стола «“ViaTatarica”: Золотая Орда на Великом Шелковом пути» (Казань, 26–28 июня 2019 г.) / Сост. и отв. ред. И.М. Миргалеев. М.-Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Издательский дом «Исламская книга», 2020. С. 93–106.
55. Руденко К.А. Средневековые аскизские материалы и их реплики на Великом Сибирском пути от Енисея и до Волги // Материалы международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной научной конференции "Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий", посвященной 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия/ отв. редактор Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова, 2021. С. 27-30.
56. Руденко К.А. Датировка железных пряжек, накладок и крючков эпохи Средневековья из Среднего Поволжья (по материалам Остолоповского селища в Татарстане) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34. №4. С. 101-116. DOI: 10.14258/tpai(2022)34(4).-06.
57. Руденко К.А. Кризисные трансформации в Волжской Булгарии в X – XIII вв. (по данным археологии) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XXI / Ред. А.М. Белавин. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т., 2022а. С. 86 – 94. DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-86 -9.
58. Руденко К.А. Алмуш – царь сакалиба. Казань: РИЦ «Школа», 2022б. 236 с.
59. Седых В.Н., Френкель Я.В. О металле украшений комплексов курганов №285 и №382 Тимерёвского могильника // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Н.А. Макарова / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.-Вологда: Изд-во «Древности Севера», 2015. С. 213-227.
60. Семькин Ю.А. Находка кольцевой скандинавской фибулы из Ульяновского Поволжья // Великий Волжский путь. История формирования и развития. Материалы Круглого стола. Часть II. Казань: АН РТ, 2002. С. 246-252.
61. Смирнов А.П. Волжские булгары. М.: ГИМ, 1951. 277 с. (Труды Государственного исторического музея; Вып. 19).

62. Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. 190 с.
63. *Старостин П.Н.* Остатки древнего Болгара у малого Иерусалимского оврага // Средневековая археология евразийских степей. Материалы учредительного съезда Международного конгресса. Т. II / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков / Археология евразийских степей. Вып. 2. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 140–144.
64. *Таиров А.Д.* Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: ЧелГУ, 1995. 44 с.
65. *Татауров С.Ф., Тихонов С.С.* Пути сообщения в Западной Сибири в эпоху позднего Средневековья // Очерки истории обмена и торговли в Древности на территории Западной Сибири. Часть II / Ред. В.И. Матющенко. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. С. 133-146
66. *Федорова Н.В.* Новый клад эпохи Средневековья с Барсовой горы // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1981. С. 148-152.
67. *Федоров-Давыдов Г.А.* Монеты Дубовского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья / Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1984. С. 160-172.
68. *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / Общ. ред. Е. А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. С. 8 - 128.
69. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н. В. Рындина. М.: Восточная лит., 2008. 191 с.
70. *Шитов В.Н.* Меч с клеймом ULFBERHT из Шокшинского могильника // Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики. Вып. 107: Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск: МНИИЯЛИЭ, 1992. С. 116-117.
71. *Шитов В.Н.* Мечи X-XI вв. на территории Мордовии // Археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. В.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 44—49.
72. Ярославское Поволжье X-XI вв. По материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Ред. А. П. Смирнова. М.: Сов. Россия, 1963. 144 с.

Болгар и Старая Ладога: их роль в каспийско-волжско-балтийском коридоре.

Болгар и Старая Ладога являются значимыми местами в истории России и Евразии в целом. Оба поселения имеют древнюю историю и связаны с двумя важными культурными и культовыми событиями, хронологически находящимися недалеко друг от друга: принятие ислама Волжской Булгарией в 922 году, как государственной религии, и призвание Рюрика и других варягов славянскими и финно-угорскими племенами будущей Северной Руси в 862 году. Оба события глубоко вплетены в историческую память народов России и оказали кардинальное влияние на всю дальнейшую историю цивилизаций Евразии. В том числе, два этих события аккумулировали существовавшие со времён бронзового века пути обмена и торговые направления между различными евразийскими народами, установив более тесные связи между Северной и Западной Европой, мусульманским Востоком и Китаем. Болгар и Старая Ладога находятся на двух торговых полюсах системы Каспийско- Волжско- Балтийского коридоров Великого Шёлкового пути, входя в состав колоссальной структуры торговли на всей территории Евразии и Северной Африки.

Именно в Болгаре в 922 году волжскими болгарами, предками современных казанских татар и чувашей, ислам был официально и добровольно принят в качестве государственной религии, с чем связано посольство во главе с арабским путешественником Ибн Фадланом. Ибн Фадлан описал в своих записках связь Болгара с другими культурами, в частности, с русами- славянским и финно-угорским названием скандинавских воинов и торговцев, живших в Балтии, Руси, в том числе, в Старой Ладоге. То, как Ибн Фадлан изобразил похороны знатного руса показывает культурное и цивилизационное взаимодействие Болгара и Старой Ладоги, Северной Европы и арабского мира. Есть мнение, что Ибн Фадлан наблюдал за похоронами знатного руса в Балымерах недалеко от Болгар.

Болгар в соответствии с Указом Петра 1 стал одним из первых мест Российской Империи, связанных с проблемой охраны и реставрации памятников истории и культуры. В наши дни Болгар комплексно изучается специалистами разных научных сфер, а в 2014 году стал объектом Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Не-

маловажным является сохранение и других археологических памятников болгар, например, Балымерского городища.

Болгарский историко-археологический комплекс является выдающимся примером геополитических и исторических преобразований Евразии, сыгравших ключевую роль в процессах формирования государств и цивилизаций, распространения ислама и православия, взаимодействия обычаев и культурных традиций современного татарского и других народов евразийского континента, также как Старая Ладога в развитии русского и финно-угорского народов. На протяжении более 15 столетий Болгар оказывал устойчивое воздействие на развитие архитектуры, технологий, монументального и декоративного искусства, градостроительства, сферы духовной культуры Евразии. Этот комплекс не имеет аналогов среди объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, расположенных в геокультурном регионе Восточной Европы и Центральной Азии. Все это определяет уникальное и выдающееся значение Болгара в контексте мусульманской и мировой истории и культуры и величину его историко-культурного потенциала.

Его отличительными чертами являются статусы одного из важнейших, наравне с Билярском, городов Волжской Булгарии, и первой столицы Улуса Джучи. Трудно переоценить то значение, которое оказала Волжская Булгария на развитие этнополитической истории и культуры народов региона в IX - на чале XV в. Она повлияла на этногенез, историю и культуру народов Волго- Камского и Уральского регионов. Значительную роль в этом играла, в том числе, активная торговая деятельность болгарских купцов. Являясь по сути монополистом в торговле восточных государств с Русью, северными странами (Балтия, Скандинавия) и северными народами (Приуралье, Зауралье, Сибирь), особенно в меховой, Волжская Булгария была важнейшим звеном в цепочке крупнейших трансконтинентальных путей Евразийского континента - северного отрезка Великого шелкового пути, Великого Волжского пути, Камско-Вятского, называемого еще Великим пушным путем и др. Комплексный анализ письменных, литературных, археологических, нумизматических, метрологических и языковых источников показывает взаимодействие торговых и культурных контактов и их влияние на культуру региона, взаимопроникновение идей, стилей, форм и норм.

Булгарские города, а особенно Болгар, были центрами развития ремесла, внутренней и внешней торговли, свидетельством чего является разнообразный археологический материал, находимый в ходе

раскопок. Городское ремесло развивалось как мелкое производство и отличалось от хозяйства полусвободных крестьян: оно было основано на собственности самого работника производства и являлось товарным.

В системе сухопутных путей с IX по XII в. наиболее активным (с небольшими перерывами в 50-60-е годы XI в.) был северный отрезок Великого шелкового пути - "путь Ибн-Фадлана". В X-XI вв. функционировал трансконтинентальный Алтайско-Поволжский путь (или шире – Сибирско- Поволжский путь) с возможным выходом в Индию и Китай (особенно в ордынский период). С X в. и в течение XII в. очень активной была трасса "Пути из Булгара в Киев". Как видим, подлинного расцвета торговые водные пути достигают в период раннего средневековья, когда интенсивность и масштабность контактов и взаимодействий культур привела к качественному скачку в историко-культурном развитии этого региона. В это время традиционный путь из Причерноморья и Прикаспия сомкнулся с торговой магистралью из балтийского региона. Это событие сыграло действительно революционную роль в истории Восточной Европы, резко ускорив и усилив социально-экономические, политические и цивилизационные процессы. Становление государства, возникновение и бурное развитие вначале протогородских центров, затем городов, ремесла и торгово-рыночных отношений, открытие широких торговых путей, налаживание регулярных культурно-информационных связей стали закономерным завершением предыстории региона и сделали Поволжье и Прикамье неотъемлемой частью

восточной мусульманской цивилизации и местом, где соединяются Восток и Запад, Север и Юг. Одним из крупных центров, «плюсов», соединения Востока и Запада был город Болгар в Восточной Европе и Старая Ладога на Севере.

Естественно, что эти торговые пути с теми или иными изменениями продолжали существовать и позже, в золотоордынский период - XIII-XV вв. - и получили свое дальнейшее развитие, углубление и соответственно наполнение товарами внутренних районов и рынков. Эпоха Золотой Орды открыла новую страницу в развитии культуры народов, вошедших в состав империи. Значительную роль в этом играли тесные торговые контакты со странами и регионами, отстоявшими от Волги на тысячи километров. Под их влиянием складывался общеперсидский золотоордынский стиль в искусстве и общеимперская мода. Вместе с тем продукция признанных ремесленных центров (Иран, Китай) становится неотъемлемой частью быта состоя-

тельных слоев общества и на периферии империи. Несомненно, что элементы новой золотоордынской «моды» стали основанием для последующего развития художественных традиций в Казанском ханстве и Российском государстве.

Обратную связь между северной Западной Европой, Востоком и Средним Поволжьем показывают найденные к настоящему времени находки –

Вещей скандинавского и венгерского происхождений, а также чешской монеты. Отдельные находки скандинавских артефактов VIII –Хвв., чешских монет X - ХIвв. и венгерских XI в. встречаются в погребениях и на территории Руси. По месту находок чешских монет на территории Восточной Европы можно проследить пути их проникновения в Среднее Поволжье и делать вывод, что их поступление шло по северному пути «Балтика - Белоозеро- Старая Ладога», а венгерских денариев - по южному пути «Прага - Киев». По нашему мнению, существовал и тот и другой торговые пути, и западноевропейские монеты могли поступать в Среднее Поволжье как по тому, так и по другому направлению.

По подсчетам американского нумизмата Т. Нунана, в кладах Восточной, Северной и Западной Европы было почти 319 тыс. дирхемов. Вместе с подражаниями инеопределенными дирхемами немногим больше 248,5 тыс. дирхемов было ввезено из Средней Азии в саманидскую эпоху, свыше 70 тыс. - импортировано с Ближнего Востока. Всего же с учетом коэффициента потерь из Средней Азии в течение X в. было ввезено 125 млн саманидских дирхемов, или 375 тыс. кг серебра, т.е. условно ежегодно ввозилось 3 750 кг серебра, или 1 250 тыс. целых дирхемов. Эти цифры показывают объемы торговли куфическим серебром, проходившим в X в. через рынки Волжской Булгарии в Восточную, Северную и Западную Европу.

Другим важным свидетельством значительных объемов торговли между Средним Поволжьем и Скандинавией являются находки подражаний и монет болгарского чекана. Шведский нумизмат Г. Рисплинг в 1985, 1987 и 1999 гг. провел детальное изучение состава металла куфических дирхемов в скандинавских археологических материалах и сделал вывод, что в IX в. 5 % монет были имитацией. Из них одна группа, датируемая второй четвертью IX в., относилась к хазарам. В X в. уже 10 % арабских монет являлись имитациями, большинство из них (около 80 %) было с определенной точностью произведено в Волжской Булгарии.

Монеты болгарской чеканки найдены в Эстонии - в 8 кладах, в Польше - в 10, в Финляндии - в 3, в Дании - в 2, в Норвегии - в одном кладе. Самое большое количество болгарских дирхемов найдено в Швеции - в 39 кладах, из них в 33 кладах на о. Готланд. Примечательно, что болгарские монеты X в. находились в обращении вместе с куфическими дирхемами X - начала XI в., а во второй половине XI - XII вв. - с западно-европейскими и византийскими монетами. Так, в Лунде (Швеция) найден клад монет 958-959 гг., состоявший из 235 куфических и 22 западно-европейских монет, а также 9 неопределенных.

В VIII-IX вв. торговлю Европы со Средним Поволжьем через Русь начали скандинавы, или, как называют восточные источники, русы. М.И. Артамонов отмечал, что этим именем могли называться норманно-славянские военные и купеческие дружины лишь постольку, поскольку они формировались в Русском государстве и выходили из него. Одним из их опорных пунктов была Старая Ладога. В Старой Ладоге были найдены куфические дирхемы очень раннего времени. Огромная масса куфических дирхемов, поступала в Восточную и Северную Европу в VIII - начале XI в. через Старую Ладогу. Особую группу монет составляют куфические дирхемы, подражания и монеты болгарской чеканки, которые, по сути, более чем на 260 лет составили основную группу монет, обращавшихся в Восточной и Северной Европе. болгарских монет Можно отметить монеты чеканки в в правление Микаила ибн Джафара, Бармана, Абдаллаха ибн Тагина, Талиба ибн Ахмеда (клад был зарыт в 965 г.). В Ботельсе на Готланде найден клад 948-949 гг. из 220 целых, 2 046 обломков куфических и западно-европейских монет и определенно 30 болгарских дирхемов Микаила ибн Джафара, Абдаллаха ибн Микаила. В Хэффиндсе (также на Готланде) в составе клада куфических монет (1 452 экз.) и вещей находились 25 болгарских монет Микаила ибн Джафара, Талиба ибн Ахмеда (949-950 гг.), Абдаллаха ибн Микаила (957- 958 гг.). В кладе у г. Кохтла-Ярве (Эстония) найдено 777 монет, в том числе одна, чеканенная от имени Мумина ибн Ахмеда (975- 976 гг.) в Суваре. В этом кладе, зарытом в 1130 г., находилось большое количество западно-европейских монет.

А.Н.Кирпичников называет торговые города, имевшие прямое или косвенное отношение к Великому Волжскому пути и функционировавшие в VIII-IX вв. и позже с Запада на Восток - это Дорестад во Фризии, Йорк в Британии, Рибе и Хедебю в Дании, Нидарос и Каупанг в Норвегии, Охус и Бирка в Швеции, Стариград (Ольденбург),

Рёрик (Мекленбург), Ральсвик и Аркона на острове Рюген, Менцлин, Шецин, Волин, Колбшег, Трузо на острове Готланд, Сальтвик на Аландских островах, Гробини в Латвии, Ладога, Рюриково городище (ныне Новгород), Тимерево и Михайловское (давшие начало Ярославлю), Сарское городище (ныне Ростов), Суздаль, Клецин (ныне Переяславль Залесский), Муром на Оке, а также поселения и города на Средней Волге - Измери, Семеново, Болгар, Биляр, Сувар, Казань. Они имели опорное значение, определяя состояние международных рыночных связей. Через них прокладывался сквозной магистральный путь.

В «Повести временных лет» упоминание о Булгарии является уже установившимся: «Тем же и из Руси может ити по Волге в Болгары и в Хвалисы, и на вѣсток дойти в жребий Симов». Каспийское море, называвшееся Хазарским, в XI в. получает название Булгарское, на что есть прямое указание Махмуда Кашгари. Включение Волжской Булгарии в IX в. В систему трансевроазиатской транзитной торговли привело к тому, что развитие товарно-денежных отношений ускоряется. С разгромом Святославом Хазарии в 965 г. роль Волжской Булгарии как центра транзитной торговли еще больше возрастает. По сообщению В.Н. Татищева, болгары послали в Киев «послов с дары многими, дабы Владимир позволил в городах по Волге и Оке торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизволил. И дал им во все грады печати, они везде вольно торговали, а русские купцы с печатями от наместников в Болгары с торгом ездили без опасения; а болгары все их товары продавать во градах купцам, а от них купить, что потребно, а по селам не ездить тиунам, верникам, огневщине и смердине продавать, и от них купить».

Всё это говорит о важной роли Волжской Булгарии и её крупного города Болгара, как крупного торгового пункта, в процессе торговли и обмена, связи между культурами Северной Европы, Востока и Руси. Но Болгар и Старая Ладога выделяются своей историко-культурной значимостью. Тесная связь между этими двумя городами прослеживается как на археологических, так и на письменных источниках. Их роль в истории России и в исторической памяти сквозь века скрепляет в культурное и торговое взаимодействие разные цивилизации Евразии.

Русь на картах арабского географа Ал-Идриси.

С давних времен ближний восток связывал торговые пути, юг и север, восток и запад, по Средиземноморье путешествовали финикийцы а потом арабы. Помимо обмена товарами, передавались культуры и религии. Из Сирийской Антиохии распространилось христианство, а паломничество в Святые Земли усилило движение и общение. После исламских и татарских завоеваний расширилась площадь земель и количество посещений путешественников. Прославились многие арабские путешественники, прибывшие в отдаленные районы и познакомившиеся с незнакомыми народами. Одним из важнейших путешественников является Абу́ ‘Абдулла́ хМуха́ ммад ибн Муха́ ммад алИдрі́ си (1100-1165), или просто Аль-Идриси, был известным арабским географом, картографом и египтологом 12- го века. Автор самых известных карт, появившихся в истории мусульманской цивилизации, он продолжил много путешествовать по Средиземному морю из Лиссабона в Дамаск.

По заказу короля Сицилии Рожера II в 1154 г. составил географическое сочинение «Нузхаталт-муштак фи-хтиракалт-афак» = («Отрада страстно желающего пересечь мир») обычно называемого «Книга Рожера». Один из самых замечательных произведений средневекового картографирования... Возможно, самой яркой ее особенностью является ориентация: юг кверху». Рукопись состоит из 70 карт с ее основной картой Картой мира. Карты Аль-Идриси — В этом труде он скомпилировал в частности свидетельства предшествующих арабских географов о Руси. Особый интерес представляет сообщение о двух видах русов, где один из видов русов явно располагается вне пределов Киевской Руси. «Русов два вида. Один их вид - это тот, о котором мы говорим в этом месте. А другой их вид - это те, которые живут по соседству со страной Ункарийя и Макадунийя. И они сейчас, в то время, когда мы составляем эту книгу, уже победили буртасов, болгар и ал-хазар. И не осталось там, кроме них, никакого другого народа, а лишь только [их] названия в [этой] земле». Под первыми русами, скорее всего, ал-Идриси имеет в виду славян Киевской Руси. К ним же относится и последующий текст. Под вторым же видов русов имеется в виду территория где-то вниз по течению

Дуная, между Венгрией и Македонией (Ункарийя и Макадунийя). он имеет в виду ту же Русь на Дунае Имеет интересные данные. Например река Русия и город в его устье. Тут также есть земля Русь(ArdalRusia) с Киевом(Kiau). Какое-то место MinalRusia с город Салау. Можно предположить, что это легендарный град Словенск. Также есть город Tguia, выше Салау. И как тут не вспомнятся из Слово о полку Игорове — Троянские земли, века, дороги. Также есть здесь город Артан близ Итиля (Волги) принадлежащего русам. И врядли Салау мог являться Великим Новгородом, Ладогой или Рюриковым городищем, т.к. стоит на одной параллели с возможным Минском(Muniskka), и соответственно град Словенск можно искать примерно на одной параллели с Минском.

Или русь — это готы-варяги в Крыму совершавшие набеги на Римские владения и впоследствии давшие имя русь всем местным славянам, сначала на территории Украины, а потом по избранию князей в Ладоге на севере. Вывод: Русь всегда была Русью, она же нынешняя Украина. А северные племена лишь позвали к себе успешных. Приятелей (родственников) правителей Киева.

О некоторых историографических и географических аспектах изучения предыстории Невской битвы 1240 г.

В начале июля 1240 г. в Новгороде было получено известие о том, что «свеи в силе велице, и мурмане, и сумь, и емь в кораблехмножество много зело» из Финского залива вошли в Неву. Вскоре около устья одной из впадающих в нее левых притоков — Ижоры — был разбит походный лагерь. В настоящей статье мы проанализируем некоторые исторические и географические особенности последовавшего в ответ на эту агрессию похода Александра Невского в свете трактовок, которые предлагают ученые-историки.

Обратим внимание, что в целом течение Невы для шведской судовой рати было хорошо знакомым: со стародавних времен в качестве купцов — торговых людей, проходящих по этому отрезку пути «из варяг в греки», или в качестве ищущих легкой поживы завоевателей они не однажды проходили по этой реке вглубь новгородских владений. Движение по ней было сравнительно безопасным: ширина Невы гарантировала для кораблей безопасность от обстрела с берегов почти на всем протяжении (исключением были только Ивановские пороги, да места сужения русла, которые на пути от устья до впадения Ижоры отсутствуют). Однако при этом продвижение по Неве могло быть легко отслежено посредством разведки, поскольку путь вверх по ней занимал 3-4 дня, и все это время имелась возможность установить скрытый визуальный контроль за действиями судов противника с берега¹ Именно так и произошло в 1240 г.

Как показали дальнейшие события, шведы были мало обеспокоены обеспечением тайны своего вторжения, но все же они вряд ли могли предположить, что по невшскому берегу за ними уже давно — с самого устья по «обою пути», то есть, по Большой и Малой Неве — следила новгородская «стража ночная морская», набранная из дружественного племени ижора, которую возглавлял сам старейшина в этой земле Пелгусий. Когда же стали более-менее ясны намерения непрошенных гостей, в Новгород в спешном порядке был направлен посольный. И через день-другой «придебо весть в Новгород, яко

---

¹Сорокин П. Е. Окрестности Петербурга. Из истории Ижорской земли. М.; СПб., 2017. С. 48-49.

Свеидуть к Ладозе»². Учитывая важность вопросов, связанных с этнической историей ижоры для рассмотрения сражения 1240 г., остановимся на них подробнее.

В эпоху начальной истории Руси (IX-XI вв.) судьба ижоры не прослеживается ни по археологическим данным, ни по письменным источникам. Да и для более позднего периода информации не так много.

Краткие сообщения летописей возможно дополнить материалами переписных книг XVI в., а также данными, собранными этнографами. Последние пришли к выводу, что наиболее вероятна гипотеза происхождения ижоры от карелы. Она подтверждается близостью различных аспектов культуры, более того, до недавнего времени современные ижоряне называли себя *Karjalaiset* (т. е. карелы). В послевоенные годы Д. В. Бубрих описал процесс выделения нового этноса следующим образом: «На грани XI и XII вв. карела стала продвигаться к Неве. Одна из ее групп вышла к устью Невы и стала называться *Inkeri*, ижоры, получившей свое название от реки, впадающей в Неву с юга. Эта группа карелы, оказавшаяся в особом экономическом положении и в особых отношениях к политическим силам того времени, рано обособилась. Она первой оказалась в системе Русского государства»³.

Однако такой подход представляется несколько упрощенным. Ситуацию усложняет то, что ижорян нашего времени нельзя напрямую сопоставить с ижорой переписных книг XVI в., ведь сейчас полностью отсутствует население, которое можно было бы с ней соотнести. Потомки людей, живших в средние века по реке Ижоре и по другим близлежащим притокам Невы, покинули эти места в результате ассимиляции и шведской оккупации XVII в. Но все же вполне очевидно следующее: во-первых, ижора, действительно, была одной из групп общекарельской общности, а во-вторых, насколько позволяют судить источники XV-XVI вв., «ижоряне писцовых книг (добавлю от себя: и летописей. — *Р. С.*) — это небольшая группа насельников реки Ижоры и ближайших к ней речек, а не название этнического массива, говорящего на одном из восточных прибалтийско-финских язы-

---

²Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов (далее – НПЛ.) / Под ред. А. Н. Насонова. М.: Л., 1950. С. 77.

³*Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск, 1947. С. 32.

ков, т.е. «ижоры» по современной этнической номенклатуре»⁴. Таким образом, получается, что в своем изначальном — актуальном для средневековья — значении, ижора — термин более «территориальный», нежели этнический.

В недавно опубликованной монографии П. Е. Сорокина содержится подробная систематизация сведений, относящихся к летописной ижоре. Особый интерес представляет осуществленный историком анализ данных археологических находок, количество которых до недавнего времени оставалось небольшим. Причинами этого могли стать перманентные строительные работы, развернувшиеся после основания Северной столицы, а также низкая археологическая изученность Приневья в целом. Однако в текущем столетии ситуация изменилась к лучшему, и в ходе раскопок такие средневековые памятники, наконец, были выявлены. Они в наибольшей степени сконцентрированы в междуречье *среднего* (запомним эту деталь!) течения Тосны и Мги. Здесь в могильниках обнаружены разнообразные предметы (оружие, бытовые вещи, орудия труда), относящиеся к XII-XIII вв. К сожалению, до сей поры не удалось найти остатков сельских поселений ижоры. По мнению П. Е. Сорокина, это может быть связано с тем, что ее представители устраивали поселки под защитой лесов и болот (обратим внимание и на этот момент!), да и существовали они не долго, поскольку архаическая система хозяйства в подобной местности не могла позволить проживать длительное время на одном месте⁵.

Держаться несколько в стороне от Невы — главной транспортной артерии региона — ижору могло заставить то, что эта водная трасса не только имела торгово-экономическое значение, но и использовалась для военных вторжений⁶, опасность которых была особенно сильной со стороны скандинавов-викингов — варягов русских летописей.

Вернемся к событиям июля 1240 г. О них мы узнаем из русских источников: Новгородской Первой летописи и Жития Александра Невского. Шведские письменные памятники о них не упоминают вообще. Сказался, конечно, бесславный итог агрессии, к тому же в Швеции до составления в 1320-х годах Хроники Эрика отсутствовала тра-

---

⁴ Новожилов А. Г. Этническая ситуация на северо-западе Новгородской земли XV-XVI вв. // Вестник С-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2004. Вып. 1-2. С. 88-89.

⁵ Сорокин П. Е. Окрестности Петербурга... С. 22-30.

⁶ Там же. С. 47.

диция погодной записи произошедших событий, аналогичная летописной русской⁷. Поэтому отсутствие сведений о Невской битве в шведских «анналах», безусловно, не дает оснований преуменьшать значение победы новгородцев и ладожан, как это делают некоторые историки, особенно западные. Сообщения летописи наиболее ценны, поскольку записывались в ближайшие недели после возвращения новгородцев, еще не остывших от всех перипетий славной сечи.

Итак, юному новгородскому князю Александру становится известно, что шведский флот «сташа в Неве устье Ижоры». Куда он направится дальше? Об этом в тех условиях оставалось только гадать. Впрочем, заметим, что конечные цели шведов и сейчас остаются совершенно не определенными, а потому ученым вновь приходится строить гипотезы на этот счет. И. П. Шаскольский полагал, что планировался захват побережья Невы, а в случае полного успеха, и всех земель Новгорода⁸. Это согласуется с летописью: Новгородская Первая летопись говорит, что шведы ставили себе задачей захват Ладоги и Новгорода со всей его землей⁹. Думается, здесь все же имеет место некоторое преувеличение.

А. В. Шишов видит целью экспедиции Ладогу, напоминая о попытке шведов овладеть этой крепостью в 1164 г.¹⁰. В. А. Кучкин считает, что на этот раз «свеи» лишь хотели построить опорный пункт в устье Ижоры. Не случайно, замечает он, Пелгусий указал на «станы и обрывать»¹¹. Согласна с В. А. Кучкиным Е. Л. Назарова¹². Такое же

---

⁷ Там же. С. 53.

⁸ Шаскольский И. П. 1) Сражение на Неве (к 750-летию) // Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. / Отв. ред. Ю. К. Бегунов и А. Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 64; 2) Невская битва 1240 г. в свете данных современной науки // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995. С. 17.

⁹ НПЛ. С. 77.

¹⁰ Шишов А. В. 1) Полководческое искусство князя Александра Невского в Невской битве // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995. С. 32; 2) Александр Невский. Ростов-на-Дону, 1999. С. 119-120.

¹¹ Кучкин В. А. 1) Трудные годы Александра Невского // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–22 апреля 1994 г. Тез. докл. М., 1994. С. 57; 2) Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 24; 3) Борьба Александра Невского против Тевтонского ордена // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 132-133.

¹² Назарова В. Л. Крестовый поход на Русь 1240 г. (организация и планы) // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 198-199.

мнение и у П. Е. Сорокина: ведь, считает историк, строительство укрепленных поселений в покоренных землях — основа стратегии шведов в то время¹³. Расположенная ниже Ивановских порогов (находятся на территории современного г. Отрадное) крепость сохраняла бы надежное сообщение с Балтикой (1-2 дня пути). Имелись здесь места для стоянки и ремонта кораблей, а также перегрузки товаров с морских судов на речные, что было особенно актуально перед прохождением порогов. Удобное положение, по мнению П. Е. Сорокина, могло обеспечить возможность подхода подкреплений из Швеции, поскольку захватчики вообще не спешили продолжать дальнейшее продвижение и даже не стремились использовать фактор внезапности, возможно, рассчитывая и на начало вторжения немцев со стороны Прибалтики¹⁴, которое действительно произойдет в том же 1240 г.

В полемику по данному вопросу вступил и А. Н. Кирпичников. Шведы, говорит исследователь, в тот период еще не строили крепостей в захваченных русских землях (первый такой случай имел место в 1256 г.). В 1240 г. целью агрессии были русские укрепления, например, город Ладога. «Обрытья», считает ученый, означает окружение себя рвом, временное окапывание¹⁵. «Шведский поход на Северо-Западную Русь был задуман с далеко идущими захватническими целями», — пишет А. Н. Кирпичников в другой работе¹⁶.

Заметим, что указанный А. Н. Кирпичниковым пример якобы первой попытки построить крепость в подконтрольных Новгороду землях (1256 г.) по хронологии незначительно отстоит от событий 1240 г. Соответственно, весьма вероятным будет выглядеть предположение, что, используя благоприятную обстановку, шведы как раз и попытались применить новую стратегию — строительство долговременных укрепленных пунктов. В случае успеха этот план привел бы к отторжению от Новгорода всего среднего и нижнего течения Невы (включая выход к Балтике) с перспективой дальнейшего продвижения шведского влияния и власти вверх по Неве, Ладоге и Волхову.

---

¹³Сорокин П. Е. Страницы истории Ижорской земли. Усть-Ижора, 1993. С. 12.

¹⁴Сорокин П. Е. Окрестности Петербурга... С. 59-62, 64.

¹⁵Кирпичников А. Н. Две великих битвы Александра Невского // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26–28 сентября 1995 г. Новгород, 1996. С. 31, 40, 41.

¹⁶Кирпичников А. Н. Невская битва 1240 г. и ее тактические особенности // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995. С. 24.

Вторая подобная попытка была сделана, как справедливо указал А. Н. Кирпичников, в 1256 г., а третья — в 1300-1301 г. Она была связана со строительством Ландскроны и была близка к успеху, но и в этот раз шведы потерпели фиаско¹⁷.

Строительству укреплений в землях, которые Новгород считал своими, способствовала и разность в понимании сути колонизационного процесса, если угодно, разница в политическом менталитете. Для шведов, как и для расширяющих «жизненное пространство» на Востоке европейцев вообще, подчинение территорий (в частности, в Прибалтике) означало строительство сети укрепленных пунктов, опираясь на которые захватчики эксплуатировали местное население и проводили его христианизацию. Новгородцы же не стремились возводить крепостей на подконтрольных землях, населенных другими народами. Они понимали свою власть, в первую очередь, как право на сбор дани, гарантированный организацией периодических военных походов, которые могли иметь характер военных экспедиций (в случае нежелания передать дань), или характер экспедиции с целью доставки полученных материальных ценностей. Находившиеся в зависимости народы при этом сохраняли и собственное традиционное управление, и свои религиозные верования¹⁸, что, как мы видели, вызывало особенные нарекания у европейских крестоносцев. Именно этим обусловлено то, что до конца XIII в. Ладога оставалась самым северным пригородом Новгорода, а возведение на рубеже XIII-XIV в. крепости Корела было вызвано вовсе не стремлением удержать в повиновении местное население, а необходимостью противостоять непрекращающейся шведской экспансии.

Как бы то ни было, летом 1240 г. Александр Ярославич о дальнейших конкретных планах противника осведомлен не был, а потому мог ожидать самого худшего: путь на Ладогу фактически не имел прикрытия. О том, что могло быть дальше и вовсе не хотелось думать. Но что же противопоставить вторжению? У князя появился смелый план, он решил не давать шведам возможности продвигаться вверх по Неве и хозяйничать до самого Ладожского озера. Для этого необходимо было неожиданно напасть на захватчиков, разгромить их на первоначальной стоянке, заставить уйти вон из пределов Руси!

Был в этом плане риск. При неудаче в битве — противостоять шведам будет уже трудно. Воинственно настроенные скандинавы мо-

---

¹⁷ НПЛ. С. 330-331.

¹⁸ См. об этом, например. *Сорокин П. Е.* Окрестности Петербурга... С. 45.

гут оказаться и в Ладогe, и в Новгороде. На западе к границам Новгородчины уже вплотную подошли ливонские рыцари, а с востока не уходит угроза нападения монголо-татар. Русь окажется разорванной на куски, фактически перестанет существовать...

Времени на обдумывание деталей предстоящей операции просто не было. Понятно, что о судьбоносном — на века — характере ближайших событий не думали ни сам Александр, ни его соратники, но все же объективно их размышления и действия привели к отражению одной из великих опасностей того, очень тяжелого для Руси, времени.

Между тем, была еще одна сила, без сомнения, повлиявшая и на решение о походе, и на исход сражения. Это сами новгородцы — горожане и селяне. В научной литературе исходят обычно из версии «Жития». Согласно ей считают, что с Александром к Неве выступила лишь его дружина, дополненная малой частью новгородцев, случайно оказавшихся под рукой.

Заметим, что «Житие» преследовало вполне определенную цель — прославление князя Александра. «Худый и многогрешный» монах, писавший его, всячески старался подчеркнуть непогрешимость своего героя, его исключительность среди современников, его безусловную непобедимость: «Александр — побежая, а не победим».

И чтобы отчетливее выделить роль Александра в сражении на Неве, значение его личной храбрости, отваги, решительности, автор «Жития» приводит его на поле брани лишь «в мале дружине». И в дальнейшем повествуется лишь о ближайшем окружении князя. В решающий момент битвы «явишася 6 муж хрбрых и с ним ис (из) полку его». Трое оказываются знатными новгородцами, боярами с прусской улицы, это Гаврило Олексич, Сбыслав Якунович — впоследствии посадник, и Миша (возможно родоначальник посадской династии Мишиничей-Онцифоровичей). Трое других — княжеские дружинники: ловчий Яков, слуга Ратмир, «от молодых... именов Сава». Понятно, что в бою участвовали дружинники Александра. Что же касается новгородских бояр, то они-то и должны были возглавить части ополченцев («воев»).

Однако в действительности, в новгородской летописи, в рассказе, составленном непосредственно по следам события, недвусмысленно говорится о народном ополчении. Во-первых, прямо указывается, что «князь же Олександр не умедли ни мало с новгородци и ладожаньприде на ня» (на них, т.е. на шведов. — *Р. С.*). Во-вторых, сообщаются имена павших ополченцев: «Костянин Луготиниц, Гюрята-

Пине-щинич, Намест, Дрочило Нездылов сын кожевника».

Новгородский синодик (церковный поминальник) середины XVI в. также наряду с княжескими воеводами упоминает и новгородских военачальников, возглавивших народное ополчение 1240 г.: «Покои, Господи, избиенных на Неве от немец при велицем князе Александре Ярославичи, и княжих воевод и новгородцких воевод и всех избиенных братии нашей...». Всего, по свидетельству летописи, погибло «20 мужь с ладожаны, или менши»¹⁹.

Таким образом, войско, с которым молодой новгородский князь Александр смело и дерзко выступил в поход против «свеев», состояло, как это и было принято в Древней Руси, из княжеской дружины — ударной силы, но немногочисленной, и народного ополчения — «воев». Однако это были лишь те, кто жил непосредственно в Новгороде или оказался по каким-либо делам в Волховской столице: времени на мобилизацию ополчения во всей Новгородской земле просто не было, к тому же сколько-нибудь длительный сбор войска поставил бы крест на внезапности отпора, а именно на этом во многом базировался план Ярославича.

Историки по-разному реконструируют марш войск Александра Ярославича к месту Невской битвы, хотя все точки зрения в конечном счете сводятся к двум возможным вариантам. Остановимся на них чуть подробнее.

Большая часть ученых считает, что русский отряд двигался по Волхову к Ладоге, где получил подкрепления, а затем пошел далее к месту битвы²⁰. А. В. Шишов отмечает при этом весьма важный момент: Александр был готов сразиться с неприятелем и на воде: на Неве, на Ладоге, или еще на Волхове, в случае продолжения продвижения шведов вглубь Новгородских земель²¹.

По-иному представляет марш русского соединения А. Н. Кирпичников. Для достижения более высокой скорости, по его мнению, был предпочтительнее сухопутный путь от Новгорода к Неве по дороге через Тесово. Ее длина составляла около 150 км, то есть два дня форсированного марша. А отряд ладожан, считает уче-

---

¹⁹ См.: *Шляпкин И. А.* Синодик 1552-1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 5. Новгород, 1911. С. 6.

²⁰ *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 353; *Кучкин В. А.* Трудные годы Александра Невского. С. 57; *Шаскольский И. П.* 1) Сражение на Неве (к 750-летию). С. 67; 2) Невская битва 1240 г. в свете данных современной науки. С. 21; *Шишов А. В.* Александр Невский. С. 129-130.

²¹ *Шишов А. В.* Полководческое искусство князя Александра Невского в Невской битве. С. 33.

ный, мог присоединиться к новгородцам и по пути²². Версию А. Н. Кирпичникова оспорил В. А. Кучкин, замечая, что сухопутный путь напрямик сильно затруднял связь с Ладогой. Еще одним аргументом «против» может быть то, что полной уверенности в действиях шведов быть не могло: они вполне могли продолжить путь и выйти в Ладожское озеро. В таком случае, русское воинство разминулось бы с врагом, а город Ладога рисковал вовсе остаться без прикрытия²³. К тому же, как показали события 1164 г., базу для будущей войны шведы могли бы выбрать и произвольно: скажем, они могли сделать повторную попытку укрепиться в бассейне р. Воронеги с тем, чтобы создать постоянную угрозу расположенным поблизости территориям.

В противоположность версии А. Н. Кучкина, П. Е. Сорокин предложил собственный вариант сухопутного движения воинов Александра. По мнению историка, оно могло осуществляться по маршруту, который в более поздних источниках известен как Ореховецкая дорога²⁴, проходившая на удалении до 50 км к западу от Волхова параллельно его течению. От Шапецкого яма (Шапки) (85 верст от Новгорода), известного по шведским картам XVII в., от этой трассы уже в XIII в., как считает П. Е. Сорокин, могло иметься ответвление, которое через Ярвосольский погост (район Лезье) выходило к устью Тосны (около 30 км), откуда до р. Ижоры оставался совсем незначительный участок (10 км). Впрочем, по мнению исследователя, заключительный отрезок пути скорее всего проходил по глинту (берег древнего Литоринового моря, сохранившийся в рельефе южного Приневья и Приладожья в виде возвышенности-уступа) от места его пересечения с Ореховецкой дорогой XVI в. к среднему течению Ижоры (далее к ее устью). В настоящее время, отмечает историк, с остатками этого пути можно соотнести старую лесную дорогу, которая проходит по песчаным возвышенностям в лесном массиве междуречья Мги и Тосны (район г. Никольское), не связывая между собой населенных пунктов²⁵.

На наш взгляд, предложенный П. Е. Сорокиным вариант также не лишен недостатков. Среди них можно выделить следующие: локализация маршрута осуществлена ученым на основе поздних источни-

---

²² Кирпичников А. Н. Невская битва 1240 г. и ее тактические особенности. С. 26.

²³ Сорокин П. Е. Окрестности Петербурга... С. 65.

²⁴ Об Ореховецкой дороге см.: Селин А. А. Магистральные дороги Северо-Запада Новгородской земли в XVI-XVII вв. // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны / Под редакцией А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб., 2001. С. 90-91.

²⁵ Сорокин П. Е. Окрестности Петербурга... С. 66-67.

ков XVI в., и далеко не факт, что трасса действительно существовала за триста лет до этого. К тому же состояние Ореховецкого тракта в том же XVI столетии было плачевным²⁶, что уж говорить о периоде XIII в., когда ни Орешек, ни Корела, к которым вел этот путь во времена более поздние, вообще не были основаны. Но самое главное, движение этим маршрутом не могло дать полной гарантии того, что, продолжив наступление, шведы не сумеют избежать встречи с ратниками Александра.

Потому, как представляется, целесообразно вернуться к версии, предложенной Г. Н. Караевым и ставшей к настоящему времени почти общепринятой²⁷. Согласно его реконструкции, русское пешее войско двигалось на судах по Волхову. Дойдя до его низовьев, отряд усилился, получив подкрепление от ладожан. После этого рать продолжила поход по Ладожскому озеру и Неве, вплоть до устья Тосны. Можно предположить, что конница перемещалась вдоль берегов, по путям, которые в XVI в. известны как Ладожская дорога (вдоль левого берега Волхова) и дорога из Ладоги в Орешек²⁸. (В пользу того, что, по крайней мере, первый из этих сухопутных маршрутов мог существовать в XIII в. свидетельствует то, что между Ладогой и Новгородом — крупными городскими центрами Северо-Запада Руси — должно было иметься сообщение не только по воде, но и по суше.) Далее, от Тосны из-за опасности обнаружить себя путь по воде становился нежелательным. Во всяком случае, удар, нанесенный по шведскому лагерю со стороны Невы, точно не мог оказаться внезапным, поскольку ее течение от устья Ижоры в сторону Ивановских порогов прекрасно просматривается на многие километры, что перечеркивало шансы на скрытный подход судов. По этой причине было принято решение подняться вверх по Тосне с тем, чтобы оттуда выйти к среднему течению Ижоры. Толькой такой маршрут полностью исключал возможность разминуться со шведами, поскольку даже удаляясь от Невы по Тосне, Александр сохранял возможность настигнуть врага, в случае, если бы именно в этот момент он начал бы движение вверх по Неве. Ведь у шведов впереди было серьезное препятствие — пороги, проход через которые вверх по течению был особенно труден и тре-

---

²⁶Селин А. А. Магистральные дороги Северо-Запада Новгородской земли в XVI-XVII вв. С. 90-91.

²⁷Караев Н. Г., Потресов А. С. Путем Александра Невского. М., 1970. С. 82-83; 116-117.

²⁸См. Селин А. А. Магистральные дороги Северо-Запада Новгородской земли в XVI-XVII вв. С. 91-93.

бовал времени, а значит, Ярославич и в этом случае сумел бы нагнать противника.

Уточнить направление перехода дружины Александра от Тосны до Ижоры позволяют наблюдения Н. А. Натальина, который в отличие от Г. Н. Караева, посчитавшего для решения этого вопроса определяющим фактором максимальное сближение двух рек, обратил внимание на особенности физической географии местности и на этой основе скорректировал выводы последнего. Дело в том, что указанное Г. Н. Караевым направление (начальная точка в 5 км от устья Тосны), проходит по болотистой местности, преодолеть которую было бы очень затруднительно. С другой стороны, еще выше по реке ее течение пересекает упомянутый ранееглит, обусловивший наличие порогов, расположенных выше современного г. Никольское. В этих же местах имеются броды, удобные для переправы конного войска. Именно по глинту (возвышенному месту), минуя болота, русские воины, как отмечает Н. А. Натальин, и вышли к Ижоре опять-таки около порогов, пересекавших эту реку в XIII в. в районе современного пос. Ям-Ижора²⁹ (ниже Войскорова).

Напомним, что примерно в этом микрорегионе, согласно новейшим археологическим данным, может быть локализован ареал проживания союзной Новгороду ижоры (удаленная от Невы местность, прикрытая лесами и болотами, прилегающая к среднему течению Мги и Тосны). Находившаяся здесь ижора должна была оказать содействие новгородцам, максимально скрытно продвигавшимся к вражескому стану.

В 2010 г. в память об этих событиях, принимая во внимание, в том числе, изложенные выше обстоятельства, на берегу Тосны, приблизительно там, где в XIII в. ее русло перекрывали пороги, был открыт памятный знак «Место молитвы князя Александра перед Невской битвой»³⁰, положивший начало созданию мемориала «Молитва перед боем», открытого в 2021 г. – в год 800-летнего юбилея со дня рождения святого князя.

Впрочем, не будем удаляться от темы. Весь поход русского воинства

---

²⁹Натальин Н. А. Геолого-геоморфологические аспекты продвижения дружины Александра Невского к месту Невской битвы // Духовные доминанты Невского края на службе Российской государственности. Сб. статей по материалам научно-практической конференции 8 февраля 2013 г. СПб., 2013. С. 65-68.

³⁰Казakov В. В. Некоторые приемы начала создания культурно-исторической и духовной доминанты территории на примере «Место молитвы князя Александра перед Невской битвой» // Духовные доминанты Невского края на службе Российской государственности. Сб. статей по материалам научно-практической конференции 8 февраля 2013 г. СПб., 2013. С. 56-63.

был проделан так искусно и осторожно, что уютно расположившиеся шведы не чувствовали угрозы до самого момента нападения. Было воскресенье, 15 июля 1240 года, около 11 часов утра.

Однако здесь мы должны остановиться на одном чрезвычайно важном моменте. Несколько слов необходимо сказать о том, на каком именно берегу Ижоры разбили свой лагерь шведы и соответственно, где именно разыгралось знаменитое сражение. Да-да, даже на этот вопрос невозможно дать ответ со стопроцентной уверенностью. Каковы же аргументы в этом споре? Традиционно, в этой связи, называют правый берег реки.

В противоположность этому, И. П. Шаскольский считал, что сражение было на левом берегу реки, так как правый неудобен для разбивки лагеря из-за своего неровного рельефа. «Авторы (считающие правый берег местом битвы. — *Р. С.*) явно никогда не видели места исторического сражения», — категорично заявлял И. П. Шаскольский³¹. А. Я. Дегтярев заметил, что за 750 лет (статьи ученого написаны в начале 1990-х годов) ландшафт берегов Ижоры должен был претерпеть некоторые изменения под воздействием антропогенных факторов. Но, в целом, ученый поддержал мнение И. П. Шаскольского и привел в его пользу несколько дополнительных аргументов. Шведы должны были использовать реку Ижору для прикрытия от наиболее вероятного удара с востока. Этим, по мысли А. Я. Дегтярева, объясняется и внезапность атаки русских воинов: шведы просто не выставили должного охранения, надеясь на водную преграду. Кроме того, стоянка на левом берегу была обоснована психологически: за спиной шведов оставался «уже известный, пройденный без каких-либо осложнений маршрут»³². Перейти же с правого берега Ижоры на левый русские могли в ее верховьях, там, где реку пересекают глинт и созданные им пороги³³.

Эти доводы оказались недостаточно убедительными

---

³¹*Шаскольский И. П.* 1) Невская битва (к 750-летию). С. 140; 2) Сражение на Неве (к 750-летию) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1990 г. М., 1990. С. 67.

³²*Дегтярев А. Я.* 1) Место битвы изменить нельзя? // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. Материалы к докл. 10–12 октября 1994 г. СПб., 1994. С. 54–55; 2) Место битвы изменить нельзя? // Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. / Отв. ред. Ю. К. Бегунов и А. Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 80–82.

³³*Натальин Н.А.* Геолого-геоморфологические аспекты продвижения дружины Александра Невского... С. 67–68.

П. Е. Сорокину — одному из ведущих специалистов в области древней истории Приневья (кстати говоря, жителю Усть-Ижоры, которого, разумеется, невозможно заподозрить в том, что он не видел места сражения). Ученый в противоположность А. Я. Дегтяреву и И. П. Шаскольскому, считает, что, напротив, мыс на правом берегу был удобен для создания лагеря. Именно на этой возвышенности в XVIII в. при Петре I во время Северной войны (1700-1721 гг.) была сооружена земляная фортеция, построенная для защиты от внезапного шведского нападения³⁴. Кроме того, важно учитывать тот факт, что шведы, обустривая лагерь, вовсе не готовились к битве, которая, напротив, стала для них полной неожиданностью. Поэтому выбирали они не поле для будущего сражения, где удобно было бы маневрировать, а, как минимум, место для продолжительной стоянки, которое нужно было надлежащим образом укрепить. Правый берег, имеющий возвышенности, использованные в XVIII в. для возведения небольшой крепости, как раз очень подходил для этой цели. Потому скорее всего здесь и были разбиты вражеские «станы и обрывать».

Переходя к подведению итогов, следует в первую очередь подчеркнуть, что тема победы Александра Невского в битве со шведами 1240 г. по-прежнему привлекает к себе пристальное внимание исследователей. Причем, это внимание сосредоточено не только на масштабах, ближайших и отдаленных его результатах, но и на деталях, которые помогают по мере возможности реконструировать разного рода нюансы. Для решения этой задачи в последние годы активно привлекаются методология смежных дисциплин, данные поздних источников, которые могут быть экстраполированы на XIII в. Но при этом не следует сбрасывать со счетов и ранее созданные исследователями наработки. Это касается, в частности, гипотезы Г.Н. Караева относительно водного пути до р. Тосны дружины Александра Ярославича. В то же время, сказанное не означает «непогрешимости» подобных построений. Более того, их корректировка может дать весьма интересные результаты, к которым может быть отнесена предложенная реконструкция заключительной части пути русских воинов по глинту.

---

³⁴ Сорокин П.Е. 1) Страницы истории Ижорской земли. С.13; 2) Окрестности Петербурга... С. 85-96.

Проект «Великий волжский путь». Современное прочтение.

Взаимодействие народов и культур по Волхову и Волге, а - в более широком плане между Северной и Восточной Европой, Передним Востоком - происходило в различные периоды времени и имело различные аспекты. Но в эпоху средневековья интенсивность, глубина и масштабность этих контактов стала поистине огромной, поворотной. Никогда еще, может быть, позднее, за исключением Нового времени мир не был так открыт и связан многочисленными нитями связей, как в раннее средневековье. Цивилизации и народы развиваются во взаимодействии и взаимовлиянии. Сколько существует причин их разделяющих, столько же, если не больше - того, что их объединяет. В мировой истории существует несколько основных регионов, где происходило взаимодействие народов и культур.

Восточная Европа входит в их число. Еще с эпохи древности здесь сложился настоящий узел контактных зон и пересечения цивилизаций. Обычно считается, что связующей нитью историко-культурных взаимодействий народов и государств в этом регионе являлась Волга. Но этом смысле система рек, образующих волжский бассейн, в который входят Нева и Волхов, представляется гораздо большим, нежели просто Волга, одна из величайших рек мира и важнейший торговый путь. Скорее - это артерия, связывающая различные народы и культуры, нить, на которую они нанизаны. Когда волжская часть пути сомкнулась в VIII IX вв. с торговой магистралью из Балтийского региона, и открыла дорогу в Северную Европу, это событие сыграло революционную роль в истории Восточной Европы, резко усилив и ускорив социально-политические и цивилизационные процессы – убыстрив обмен идеями производства и культуры.

Издавна здесь складывается несколько трасс, которые наряду с Великим Волжским путем, с Великим Шелковым путем и с Северным Пушным путем играл важную роль в международной торговле. Как известно, Великий Волжский путь являлся одним из древнейших на территории Восточной Европы и в течение многих столетии поддерживал тесные связи с Северной Европой, Балтикой и Скандинави-

ей, Ближним Востоком и Центральной Азией, а также с Причерноморьем.

Проблема Великого Волжского пути имеет длительную историю изучения. Некоторые вопросы историографии ее изучения подымали в своих статьях авторы данного сборника статей¹.

На мой взгляд, эту проблему как некий общий проект, попытался рассмотреть М.Н. Кутузов². Но его предложение не получило в то время своего развития.

В 2001 – 2005 годах проектное изучение и освоение Великого Волжского пути предприняла Казань. Мероприятия в рамках этого проекта были приурочены к празднованию 1000-летия Казани в 2005 г. Это предложение нашло свое одобрение и поддержку в ЮНЕСКО, Российской Академии наук и Академии наук Татарстана и ряда международных организаций. Практически организационно все мероприятия проводилось Институтом истории Академии наук Татарстана, Казанским государственным университетом, которые финансировались Правительством Республики Татарстан и Казанским Советом народных депутатов.

Считалось, что воссоздание Великого Волжского пути поможет объединению городов, не только в их историческом, но и в экономическом развитии, взаимопроникновении культур и традиций различных национально-культурных образований, их языков. Изучение Великого Волжского пути в рамках этой программы (проекта) рассматривалась как глобальная историко-культурная, цивилизационная проблема, имеющая выход на целый спектр наук и самостоятельных направлений научного поиска. В проекте программы предлагалась специальная программа историко-культурных изданий, тематически связанных с рассматриваемой проблематикой.

Данная программа, по мнению организаторов, несомненно, имела бы значительный научный интерес, способствуя более тесной координации исследователей различных специальностей из многих городов России и мира, позволила представить исторический процесс

---

¹ См., например, *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л., Изд-во ЛГУ. 1989. – 225 с.; *Кирпичников А.Н.* Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь: Материалы круглого стола и международного науч. семинара. Казань. 28-29 августа 2000 г. / Институт истории академии наук Татарстана. Редколл. Ф.Ш. Хузин (отв. ред.) – Казань, - Мастер-лайн. 2001. - С. 9-35.

² *Кутузов М.Н.* Великий Волжский путь и его значение в развитии Нижегородского края. - Нижний Новгород. НАПС. 1928. 110 с. (Производительные силы Нижегородской губернии. Научно-популярная серия. Вып. 1.)

более объемным, а истории отдельных стран и народов более связанными и взаимозависимыми. Предполагалось сделать данный симпозиум регулярным и проводить его с определенной периодичностью.

Начиная проект в время, когда было велико влияние деструктивных, разрушающих единство мира факторов, чрезвычайно важно искать и находить пути его объединения. В этом видится важнейший общественно-политический аспект подобной программы.

Сам проект рассматривался как проведение серии научно-практических конференций «Великий Волжский путь». Местом проведения конференций предлагается теплоход, который должен пройти путь от Осло до Тегерана, часть пути будет сухопутной. Был предложен следующий график их проведения³.

2001 г. Казань - Булгар - Ульяновск - Самара - Волгоград - Астрахань, всего протяженностью 8-9 дней; в каждом городе - остановки, в каждом городе - секционное проведение конференций;

2002 г. Астрахань-Махачкала - Дербент - Баку - Энзели (Иран) - Тегеран, всего на 12 дней;

2003 г. Осло - Стокгольм - Таллин - Хельсинки – Санкт-Санкт-Петербург, где-то протяженностью 9 дней;

2004 г. Санкт-Петербург - Ярославль - Кострома – Нижний Новгород - Казань, протяженностью 9 дней.

Этот план был выполнен. Были проведены 4 конференции, материалы которых были опубликованы⁴. Были выявлены более 90 исторических городов 35 стран, находящихся на этом пути. Поэтому, география возрождаемого Великого волжского пути не должна иметь каких-либо пределов. Было бы правильно создать возможность для присоединения и современных городов, которые намерены развивать культурное и экономическое сотрудничество между городами и привлекать к этой работе как можно более широкий круг исследований.

---

³ *Исхаков К.* Приветственное слово к участникам Круглого стола «Великий Волжский путь» // Великий Волжский путь: Материалы круглого стола и международного науч. семинара. Казань. 28-29 августа 2000 г. / Институт истории академии наук Татарстана. Редколл. Ф.Ш. Хузин (отв. ред.) – Казань, - Мастер-лайн. 2001.- С. 4-6.

⁴ Великий Волжский путь: Материалы круглого стола и международного науч. семинара. Казань. 28-29 августа 2000. / Институт истории академии наук Татарстана. Редколл. Ф.Ш. Хузин (отв. ред.) – Казань, - Мастер-лайн. 2001. – 353 с.; Великий Волжский путь: Материалы III этапа Международной научно-практической конференции «Великий Волжский Путь». Астрахань-Махачкала-Дербент-Баку-Энзели-Тегеран-Актау-Астрахань. 3-14 августа 2003. посвященная 1000-летию г. Казани / Институт истории АН Татарстана Ред. совет: К.Ш. Исхаков и др. –Казань. 2004.

Предполагалось создание объединяющего органа, где есть представители всех населенных пунктов, их органы местного самоуправления, научные, торгово-промышленные организации. Они бы вместе дальше и вели организационную работу, вели контроль за всем тем, что необходимо сделать. Создание этого органа позволит реализовать проект программы, связанный с возрождением Великого Волжского пути, поможет сохранить историко-культурную природу наследия наших городов на всех уровнях власти. К сожалению этот пункт остался не выполненным.

Хотя еще на первой встрече участников этого проекта Мануср Хасанов отмечал, что однако это ни в коей мере не означает, что исследования в этой области не должны быть прекращены. Необходимо выяснить широкий исторический фон, на котором происходило становление и развитие городов, цивилизаций культур и шло формирование народов и государств. Поэтому представляется важным углублять и расширять данную тему. Возможно, следует подумать том, чтобы сделать данный симпозиум регулярным и проводить его с определенной периодичностью. Данная программа, несомненно, имела бы значительный научный интерес, способствуя более тесной координации исследователей различных специальностей из многих городов России и мира, позволила представить исторический процесс более объемным, а истории отдельных стран и народов более связанными и взаимозависимыми⁵.

Позднее в Ярославле были проведены ряд научных мероприятий под общим названием «Великий волжский путь: человек, пространство, время, документ». Хотя ярославские коллеги и ассоциировались с этой проблемой, реальных выступлений по теме «Великий волжский путь» там крайне мало. Это был пример просто использования самого названия проекта. С тематикой этих конференций можно ознакомиться по некоторым публикациям⁶.

---

⁵ Хасанов М. // Великий Волжский путь: Материалы круглого стола и международного науч. семинара. Казань. 28-29 августа 2000 г. / Институт истории академии наук Татарстана. Ред.колл. Ф.Ш. Хузин (отв. ред.) – Казань, - Мастер-лайн. 2001. - С. 8.

⁶ «Великий волжский путь: человек, пространство, время, документ». Заочная межрегиональная университетская научно-методическая конференция. 20 января 2008 года: материалы конференции. Ярославль. 2008. / Филиал РГГУ в Ярославле. (Под ред. доц. А.В. Бородкина) - Ярославль. 2008. – 267 с.; Великий волжский путь: человек, пространство, время, документ: третья межрегиональная университетская научно-методическая конференция. 19 марта 2010 года: материалы конференции. Ярославль. 2010. / Филиал РГГУ в Ярославле. (Под ред. В.Ю. Чернецова). – Ярославль. 2010. Великий волжский путь: человек, простран-

Сегодня сам проект «Великий волжский путь» продолжает жить своей жизнью. В Казани был создан одноименный туристический продукт, который походит от Казани до Астрахани по Волге. Туристов знакомят с некоторыми историческими памятниками, которые находятся на этом маршруте. В 2006 году профессиональный отечественный путешественник Сергей Синельник с друзьями на построенной ладье совершен переход «Из варяг — в персы» по Великому Волжскому пути и Каспийскому морю, протяженность которого составила 5500 км, пропагандируя возможность прохождения подобного маршрута в наши дни на судне-реконструкции⁷.

Проявляются научно-популярные книги⁸.

Но в последнее время крайне актуальным становится вопрос о практическом возрождении Великого Волжского пути. Современная геополитическая ситуация, сложившаяся в мире, ставит вопросы о создании новых логистических маршрутов между Западом и Востоком. Роль России в этом вопросе становится исключительной. Поэтому становится актуальной проблема восстановления торгового пути Север-Юг от Санкт-Петербурга до Ирана и далее по старому известному маршруту Великого Волжского пути. В России и Иране строятся суда типа «река-море» для перевозки товаров, проводятся дноуглубляющие работы. А сама Волга как бы возвращается времена раннего средневековья, начиная играть ту роль, которую она потеряла со временем.

И сегодня Санкт-Петербург и Старая Ладога могли бы выступить с новым проектом изучения этой выдающейся торговой и историко-культурной трассы под новым логином – *из варяга в арабы* или *«из варяги в персы»*.

ство, время, документ. Пятая межрегиональная университетская научно-методическая конференция. 24 мая 2012 года: материалы конференции. Ярославль. 2010. / Филиал РГТУ в Ярославле. – Ярославль. 2012. – 188 с.

⁷ Синельник С. Экспедиция «из варяги в персы» - великий волжский путь на ладье «Русич» поход и книга посвящаются великому полководцу – князю Святославу и его дружине. - М. Изд-во Игоря Балабанова. 2012. – 188 с.

⁸ См., например, *Широкопад А.Б.* Каспий – русское озеро. Великий волжский путь. Большая нефть и большая политика: АСТ, АСТ. - Москва, Хранитель; Москва, 2007. - 445 с.

Сведения об авторах.

Валеев Рафаэль Миргасимович, заместитель директора по научной деятельности Института международных отношений Казанского федерального университета, д.и.н., профессор.

Белова Ольга Владиславовна, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, д. филол. наук, профессор.

Головнев Андрей Владимирович, директор Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, чл.-корр. РАН, д.и.н., профессор.

Петрухин Владимир Яковлевич, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, д.и.н. профессор.

Руденко Константин Александрович, Казанский государственный университет культуры, д.и.н., профессор.

Седых Валерий Никандрович, заведующий кафедрой археологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, к.и.н.

Селим Самир, Российско-арабский центр культурного и делового сотрудничества, Санкт-Петербург.

Соколов Роман Александрович, проректор, директор института истории Санкт-Петербургского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, д.и.н., профессор

Терюков Александр Иванович, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, к.и.н.